

кабинетный ученый
[kɐbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Problems of Russian People
Identity Construction
in Mass Media Discourse Influenced
by the ‘Information Warfare’ Concept

Armchair Scientist
Moscow — Ekaterinburg
2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Проблемы конструирования
идентичности россиян
в дискурсе СМИ
под влиянием концепта
«информационная война»

Кабинетный ученый
Москва — Екатеринбург
2017

УДК 32.019.51
ББК 76.0
П78

Издание подготовлено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт “информационная война” как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460

Р е д к о л л е г и я :

Э. В. Чепкина, доктор филологических наук, профессор
(ответственный редактор)

Л. В. Енина, кандидат филологических наук, доцент
О. Ф. Автохутдинова, кандидат филологических наук

Р е ц е н з е н т ы :

кафедра журналистики Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета
(заведующий кафедрой доктор философских наук С. К. Шайхитдинова);

И. В. Силантьев, доктор филологических наук, профессор,
директор Института филологии СО РАН

П78 Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» : [монография] / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина и др., под ред. Э. В. Чепкиной. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — 196 с.

ISBN 978-5-7584-0236-8

В коллективной монографии идентичность рассматривается как дискурсивный феномен, который не обладает статичностью и конструируется различными практиками идентификации. Применение методов критического дискурс-анализа к текстам СМИ, исследование практик идентификации россиян/России позволяет показать ведущие тематические направления идентификации в современном журналистском дискурсе. Особое внимание уделено дискурсивному концепту «информационная война», выявлены парадоксы его функционирования и осмыслен его мобилизационный потенциал для идентификации россиян. Исследование выполнено на материале текстов российских СМИ 2012–2017 гг.

Монография представляет интерес для специалистов в области лингвистики дискурса, политологии, социологии и смежных гуманитарных дисциплин, будет полезна журналистам-практикам, а также преподавателям, студентам и аспирантам факультетов журналистики.

УДК 32.019.51
ББК 76.0

ISBN 978-5-7584-0236-8

© Коллектив авторов, 2017
© Кабинетный ученый, 2017

Оглавление

Предисловие.....	7
Раздел 1. Дискурсивные концепты «идентичность» и «информационная война»: методология исследования	
1.1. Основы критического дискурс-анализа СМИ. Современный российский медиадискурс.....	12
1.2. Конструирование дискурсивной идентичности. О понятии российская национально-гражданская идентичность.....	19
1.3. «Информационная война» как дискурсивный концепт в российских СМИ	30
1.4. Методика и результаты мониторинга СМИ	52
Раздел 2. Тематические направления конструирования национально- гражданской идентичности в СМИ	
2.1. Политическая идентификация: ведущие направления. Практики выбора номинаций в контексте информационной войны	62
2.2. Экономическое направление идентификации россиян: «кризис», «санкции», «импортозамещение»	99
2.3. Идентификация россиян в рамках нарратива о возникновении российского государства	119
2.4. Религиозная идентификация россиян: церковная и светская версии.....	126
Раздел 3. Разные аспекты национально-гражданской идентификации россиян в медиадискурсе	
3.1. Национально-гражданская идентичность в региональном преломлении	136

3.2. Привлечение мнения эксперта в практиках идентификации россиян	150
3.3. Направления идентификации россиян в журнале «Русский репортер»	164
Послесловие	180
Библиографический список	182
Приложение 1	191
Об авторах	192
About the Authors	193
Problems of Russian People Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the ‘Information Warfare’ Concept	194

Предисловие

Предложенное в данной коллективной монографии исследование проблем конструирования национально-гражданской идентичности в современных российских СМИ актуально в силу нескольких причин. Во-первых, использование методологии критического дискурс-анализа, в том числе анализ дискурсивных концептов «идентичность» и «информационная война», выявляет некоторые важные особенности функционирования дискурса СМИ и обладает научной новизной. Во-вторых, в настоящем исследовании реализован взгляд на идентичность как на такой дискурсивный феномен, который имеет динамический характер и конструируется различными практиками идентификации. В-третьих, представлено теоретическое осмысление концепта «информационная война» как важного фактора влияния на практики идентификации россиян в журналистском дискурсе. Наконец, по результатам мониторинга авторитетных в профессиональном сообществе СМИ выявлены и описаны ведущие направления медийного конструирования российской национально-гражданской идентичности, а также некоторые другие существенные аспекты идентификации.

Целевая установка коллективного научного исследования обусловила использование единых методологических принципов, отбор материала и разработку группы конкретных задач.

Задачи данного коллективного труда ориентированы в соответствии с заявленной целевой установкой и делятся на три группы.

Первая группа включает рассмотрение теоретических оснований исследования — метода критического дискурс-анализа, характеристику на его основе ряда типичных черт современного российского медиадискурса; теоретическую разработку понятий идентичность, идентификация, российская национально-гражданская идентичность, информационная война;

изучение феномена «информационная война» как дискурсивного концепта, обладающего активным влиянием на практики конструирования российской идентичности в СМИ; разработку методики и анализ результатов мониторинга рейтинговых российских СМИ в соответствии с выбранными теоретическими принципами.

Вторая группа задач предполагает анализ выявленных в ходе мониторинга ведущих тематических направлений идентификации россиян, а именно: политическое, экономическое, историческое, религиозное.

Третья группа задач сформировалась в ходе сбора и изучения эмпирического материала. Помимо ведущих направлений идентификации, выявились другие актуальные аспекты, связанные с конструированием национально-гражданской идентичности в СМИ: практики формирования региональной идентичности граждан России в соотношении со смыслами общегражданской идентификации; специфических практик реализации субъектной позиции эксперта в условиях активного использования дискурсивного концепта «информационная война»; комплекс направлений идентификации россиян в рамках одного издания.

Названные задачи определили композицию коллективной монографии, которая включает три раздела.

В первом разделе *«Дискурсивные концепты “идентичность” и “информационная война”: методология исследования»* рассмотрены ключевые методологические вопросы, определяющие новизну и специфику проделанной работы. *Э. В. Чепкина* излагает базовые принципы критического анализа дискурса как научного направления и основы того варианта критического дискурс-анализа, который использован в данной монографии для анализа текстов СМИ. Дискурс понимается как социально упорядоченный механизм организации коммуникации, единство которого обеспечивают специфические для него группы дискурсивных практик: конструирование истины, определяющее функционирование дискурсивных концептов, формирование объектов и субъектных позиций дискурса. *Э. В. Чепкина* также характеризует современный российский медиадискурс как пространство дискурсивных практик, разнородных в политико-идеологическом, тематическом, стилистическом отношении. *Л. В. Енина* подробно раскрывает существо дискурсивного концепта «идентичность», показывает его динамический, процессуальный

характер, называет основные механизмы конструирования дискурсивной идентичности. Этот анализ позволяет обосновать трактовку ключевого для монографии концепта «российская национально-гражданская идентичность». Историю использования концепта «информационная война» и парадоксы его функционирования в современном российском дискурсе СМИ исследует *Е. В. Каблуков*. Обнаружены существенные различия в конструировании медиареальности в разных сегментах дискурса СМИ. С одной стороны, конструируется глобальная информационная война, которая ведется против России различными внешними по отношению к ней субъектами. С другой — фиксируются внутрироссийские информационные конфликты, включающие практики распространения не только очевидно лживой, но и непроверенной, противоречивой и критической информации. *Л. В. Енина* описывает методику и анализирует результаты мониторинга текстов СМИ с точки зрения представленности концептов «российская национально-гражданская идентичность» и «информационная война». Данные анализа показали, что в текстах СМИ национально-гражданская идентичность предстает динамичным и исторически изменчивым сетевым концептом. Процесс его конструирования не поддается упорядочиванию, рациональному управлению со стороны субъектов дискурса.

Во втором разделе «*Тематические направления конструирования национально-гражданской идентичности в СМИ*» подробно, на более широком материале рассматриваются те основные смыслы, которые представлены в типичных практиках идентификации россиян, предварительно выявленных в ходе мониторинга. *Л. В. Енина, О. В. Ильина, Е. В. Каблуков, Э. В. Чепкина* анализируют направления политической идентификации россиян, которая оказывается главенствующей характеристикой граждан России в условиях объявленной информационной войны. В дискурсе идет борьба за установление однородной политической идентификации россиян, предполагающей сплоченное единство всех граждан, при конструировании реальности, основанной на констатации чрезвычайного положения России в условиях информационной войны. *О. В. Ильина, Е. В. Каблуков* подробно рассматривают практики выбора номинаций по отношению к россиянам в контексте информационного противостояния разных политико-идеологических позиций, представленных

в СМИ. Рассмотрены номинации «патриот», «либерал», «пятая колонна» и др. Экономическое направление идентификации россиян *Е. В. Каблуков* раскрывает с помощью анализа практик использования дискурсивных концептов «кризис», «санкции», «импортозамещение», которые емко характеризуют основные черты конструирования экономического портрета современной России. Выявлено, что названные концепты получают разное наполнение и оценочное отношение в политически противостоящих друг другу сегментах дискурса СМИ.

Э. В. Чепкина и *Е. Э. Лемесева*, исследуя историческое направление национально-гражданской идентификации, приходят к выводу, что точкой размежевания разных практик характеристики современных российских жителей является то, как конструируется момент возникновения нынешней России и, соответственно, какой исторический нарратив разворачивается при том или ином варианте рождения государства: появление Московского царства или Российской империи, учреждение СССР в 1917 г. или Российской Федерации как демократической республики, возникшей в 1991 г. Утверждение уникальности исторического пути российского государства часто оказывается смежным с конструированием истории противостояния России остальному враждебному миру.

О. И. Асташова анализирует вызывающие сегодня много споров церковную и светскую версии религиозной идентификации россиян. Ведущими оказываются светские практики, предполагающие стратификацию общества на основе отношения к церкви, и широко представленные в религиозно ориентированных СМИ практики унификации, сужающие концепт «россияне» до православной идентификации.

Третий раздел «*Разные аспекты конструирования российской идентичности в дискурсе СМИ*» составляют исследования разнообразных практик осмысления в журналистском дискурсе феномена российской национально-гражданской идентичности в тени информационной войны. Эта часть расширяет тематические рамки коллективного исследования. *О. В. Ильина*, *Е. А. Халуторных* анализируют практики конструирования региональной идентичности жителей Кунгура и Кунгурского района в Пермском крае, показывают, как региональная специфика идентификации коррелирует с общенациональными практиками идентификации. Региональная идентификация россиян

идет по нескольким основным направлениям: географическому, историческому, культурному, личностному. Типичны практики отождествления «Мы как вся Россия».

С. О. Калганова рассматривает, казалось бы, частные в контексте общих задач исследования практики привлечения мнения эксперта в обсуждении влияния концепта «информационная война» на идентификацию россиян. Однако анализ конструирования важной для журналистского дискурса субъектной позиции эксперта в таком «военном» контексте показывает существенные для современных СМИ закономерности. Экспертная оценка актуальных объектов дискурса дается не только с профессиональной точки зрения, частотной становится трансляция экспертом определенной политико-идеологической позиции.

В центре внимания *Э. В. Булатовой* — практики идентификации россиян в журнале «Русский репортер». Опыт конкретного популярного издания, с одной стороны, подтверждает результаты мониторинга в части выявления ведущих направлений идентификации, а с другой — показывает неоднородность содержания дискурса СМИ и в рамках журнала с целенаправленно конструируемой редакционной политикой.

Проблематика коллективной монографии, коротко очерченная в предисловии, будет интересна, на наш взгляд, журналистам, филологам, другим представителям гуманитарного знания.

Раздел 1
Дискурсивные концепты
«идентичность» и «информационная война»:
методология исследования

1.1. Основы критического дискурс-анализа СМИ.
Современный российский медиадискурс

Сегодня лингвистика активно развивается в направлении изучения связи языка с социальным контекстом, в поисках обусловленности языковых явлений разными социальными практиками. Фокус исследований направлен на изучение различных лингвистических объектов в тесной связи с условиями их порождения и функционирования. С учетом актуальных потребностей общества лингвисты стали больше внимания уделять не норме, а узусу, более важными стали прагматически ориентированные, прикладные исследования, направленные на изучение социального контекста создания и восприятия текстов. Часто это видно уже в названиях научных периодических изданий, монографий, статей: «Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы» [Компанцева, 2008]; «Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ» [Добросклонская, 2008]; «Медiateкст в идеологическом контексте» [Майданова, Чепкина, 2011]; «Юрислингвистика» (журнал Алтайского государственного университета).

С разными направлениями прикладной лингвистики имеет пересечения и теория дискурса, которая позволяет в дополнение к лингвистическим объектам макроуровня — уровни языка, функциональные стили и т. п. — вычленять более локальные объекты, обусловленные различной социальной спецификой коммуникации. Дискурсивный подход позволяет выделять объекты исследования разной степени объема и обобщения, когда одни дискурсы присутствуют внутри других как их сегменты,

части дискурсивного пространства. Так, по сфере коммуникации можно различать, например, деловой, повседневный (бытовой), художественный, научный дискурсы. А внутри научного, в зависимости от области объектов и методов исследования, медицинский, биологический, филологический, философский и др. Широкое распространение получила тематическая классификация: дискурс войны, дискурс мигрантов, дискурс романтической любви и другие. Внутри каждого тематического дискурса могут быть представлены дискурсы, разные с точки зрения глубины и аспекта рассмотрения темы. Так, тема мигрантов обсуждается в рамках научного и политического дискурса, а также в дискурсе массмедиа и дискурсе повседневности (бытовые разговоры). Границы между разными дискурсами часто бывают нечеткими, они проницаемы и подвижны, и это объясняется тем, что коммуникация — область живой речевой практики.

Сам термин «дискурс» в настоящее время многозначен, он употребляется в разных социальных и гуманитарных исследованиях, применительно к различным объектам. Нет единого определения понятия дискурс и в лингвистике, поэтому необходимо обозначить то научное направление дискурс-анализа, к которому примыкает наша работа.

Речь идет о критическом дискурс-анализе, и этот термин тоже имеет разные толкования. Назовем некоторые известные теории: КДА, разработанный британским исследователем Норманом Фэркло и тесно связанный с функциональной лингвистикой [Fairclough, 1995a; 1995b] (см. также: [Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009, с. 196; Филлипс, Йоргенсен, 2008]); исторический дискурс-метод представительницы австрийской школы Рут Водак [Водак, 1997]; теория критического дискурс-анализа немецкого социолингвиста Зигфрида Йегера [Jäger, 1993].

Критический дискурс-анализ предполагает, что исследователь всегда учитывает тесную связь между лингвистическими и социальными структурами, исторический контекст их взаимодействия. Важно и наличие рефлексии по поводу интересов, на которых основана позиция ученого [Тичер, Мейер, Водак, Веттер, 2009; Филлипс, Йоргенсен, 2008]. Дискурсивный анализ не равен анализу лингвистической специфики текстов и не равен анализу экстралингвистических факторов коммуникативной ситуации. Он раскрывает правила, которые обеспечивают специфику конкретных дискурсов и дискурсивных практик.

В основе настоящего исследования лежит метод дискурс-анализа, основные контуры которого берут начало в идеях Мишеля Фуко. Сегодня к нашей позиции близки работы по теории критического дискурс-анализа Нормана Фэркло, Рут Водак, Зигфрида Йегера, социодискурсивная лингвистика Тойна ван Дейка и другие.

Дискурс — это социально упорядоченный механизм организации коммуникации, относительно устойчивое поле смыслов, единство которого обеспечивают специфические для него группы дискурсивных практик. Ведущая группа практик связана с конструированием истины, определяющим функционирование концептов. Не менее важные практики структурируются правилами формирования объектов (событий и персонажей) и субъектных позиций дискурса, подчиняющихся процедурам включения и исключения [Фуко, 1996а; Филлипс, Йоргенсен, 2008; Чепкина, Енина, 2012; Чернявская, Молодыхенко, 2014 и др.].

Дискурсивные практики, будучи формой сохранения коммуникативного опыта, включают в себя набор правил передачи и развертывания смыслов; при накоплении важных для дискурса смыслов у них могут быть повторяющиеся лингвистические маркеры [Чепкина, Енина, 2012] (см. также: [Автохутдинова, 2015; Майданова, Чепкина, 2011; Иссерс, 2015]).

Дискурс СМИ представляет собой пространство коммуникации, в котором одновременно циркулируют разные, в том числе взаимоисключающие, мнения и транслируются, явным или скрытым способом, разные ценностно-нормативные, политические, профессиональные ориентиры. Содержательная неоднородность, в том числе тематическая и политико-идеологическая, органична для медиадискурса.

Для анализа организации медиадискурса важна также развивающая идеи М. Фуко концепция дискурса Ш. Муфф и Э. Лакло, которые делают акцент на том, что в каждом историческом периоде сосуществуют различные дискурсы, борющиеся за право определять истину и присваивать ее дискурсивному знаку, в том числе концепту [Laclos, Mouff, 1985]. Медиадискурс не однороден в отношении конструирования истины, борьба за власть определять истинное и ложное — важная его составляющая [Енина, Ильина и др., 2017].

В журналистике «анализ практик конструирования <...> демонстрирует, что журналистский текст не копирует, не отра-

жает механически социальную реальность, а всякий раз рождает особую медиареальность, функционирующую по анонимным и безличным правилам дискурса СМИ» [Автохутдинова, 2015, с. 15]. Важно, что дискурсивные практики — это вид творчества. Они анонимны и безличны, потому что новое создается и повторяется множеством акторов, прежде чем становится дискурсивным правилом. И эти правила не универсальны, они специфичны для каждого дискурса.

Разделение истинного и ложного, случайных ошибок, намеренных искажений, безумия — это *практики конструирования истины*, важнейшие в любом дискурсе. Высказывание в рамках дискурса истинно, если имеет соответствующий дискурсу объект, если оно формулируется надлежащим субъектом речи, сформулировано в соответствии с обязательными для дискурса практиками и поддается верификации по правилам дискурса [Фуко, 1996б].

Практики конструирования истины также определяют круг концептов, которые признаются истинными формируют новые концепты, обеспечивают повторение концептов, в первую очередь, ключевых, а также организуют установление форм связей между ними.

Концепт — это «знак, имеющий фиксированное значение в пределах одной специфической области» [Филлипс, Йоргенсен, 2008]. *Дискурсивный концепт* всегда принадлежит самому дискурсу, его значения и связи формируются исключительно в данном дискурсивном пространстве. Методологически дискурсивные концепты не могут рассматриваться в связи с концептосферой реальных коммуникантов, не отождествляются с их ментальными структурами [Фуко, 1996а; Чепкина, 2000].

Функционирование дискурсивных концептов организуется за счет установления линейных и нелинейных (циклических, иерархических) связей между ними. Их истинность или ложность утверждается путем логических умозаключений или с опорой на факты, традицию, авторитет. Концепт может включаться в дискурс в порядке комментирования; в связи с поиском скрытых значений и т. д. [Фуко, 1996а, с. 59]. Как правило, между частью дискурсивных концептов всегда устанавливаются отношения противоречия, противоположности, борьбы.

Например, анализ связей между концептами в медиадискурсе показывает, что в современной журналистике консенсус

на основе обладания общей истиной больше невозможен: «...притязание на окончательную истину, свободную от мифов и идеологических шор, само является мифом и идеологическим представлением» [Ваттимо, 2007, с. 193].

Практики конструирования субъектных позиций дискурса в значительной мере определяют специфику каждого дискурса. Ведущими субъектами речи в медиадискурсе являются журналисты, а также эксперты. Практики конструирования этих субъектных позиций подчиняются ряду строгих правил, начиная с самой возможности говорить в пространстве дискурса СМИ и заканчивая правилами представления каждого из субъектов речи. «Дискурсы всегда предписывают людям позиции, которые они должны занимать как субъекты <...> В соответствии с этими позициями уже существуют определенные ожидания о том, как действовать, что говорить и что не говорить» [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 80].

Журналист — основной субъект использования практик дискурса. Эксперт занимает важную субъектную позицию, так как обеспечивает часть дискурсивных практик конструирования истины: восполняет недостаток какой-либо информации или дает оценку достоверности уже известных фактов, аргументирует важные тезисы в составе сообщения, подкрепляя их своим авторитетом. Как отмечает Е. В. Михайлова, от эксперта требуются специальные познания в конкретной области, которой он занимается профессионально, степень его ответственности за достоверность сказанного высока [Михайлова, 2010, с. 215].

Субъектная позиция адресата также конструируется в медиадискурсе, но обычно она присутствует имплицитно. Собственную субъектную позицию может получить и персонаж журналистского текста, если ему предоставлено право высказать свое мнение.

Но в основном *персонажи и события* — это *объекты журналистского дискурса*, и к ним применяются специфические практики конструирования, а именно практики выбора самого объекта, его именования и описания. В случае конструирования события основной практикой его описания служит создание нарративной структуры.

Современный российский медиадискурс формируется практиками с очень разным содержательным наполнением, и это проявляется во многих аспектах: тематическая, политическая

и стилистическая неоднородность текстов в зависимости от идеологической направленности СМИ, ориентации на разные целевые аудитории и т. д.

В политическом отношении внутри дискурса российских СМИ сегодня очевидным образом можно выделить сегмент провластного (государственнического, проправительственного, пропрезидентского) дискурса — тексты, в которых эксплицитно выражается поддержка государственной власти, ее действиям и решениям. Противоположный по содержанию дискурс, который можно назвать критическим, оппозиционным, содержит критику исполнительной и законодательной власти разных уровней, как правило, на уровне отдельных решений и действий отдельных персон. Этот критический дискурс нельзя назвать идеологически однородным, в таких текстах СМИ обычно не формулируется никакая конкретная идеология — как политически определенная линия действий неких общественных сил с декларируемой ясной целью, как систематизированное объяснение текущих экономических, социальных, политических процессов, как некоторый образ желаемого будущего. Критические публикации не имеют единой основы. Однако границы этого дискурса, который чаще называют оппозиционным, очерчены именно наличием критических оценок действий власти в соотношении с тем или иным информационным поводом.

Провластный дискурс представлен во всех видах СМИ — в прессе, на радио и телевидении, в сетевых изданиях — очень широко, он значительно преобладает над оппозиционным дискурсом по количеству текстов и привлеченным ресурсам — административным, журналистским, пропагандистским.

Важной особенностью сосуществования названных сегментов медиадискурса является то, что российские СМИ с начала XX в. до нынешнего времени нельзя разделить на две группы по признаку принадлежности к провластному или оппозиционному дискурсу. Существуют телеканалы, газеты, интернет-издания, в которых абсолютно преобладает одобрение решений действующей власти, в первую очередь президента: «Первый канал», РИА «Новости» и др. Но такой дискурс присутствует и в СМИ, имеющих репутацию критически ориентированных, таких как «Новая газета», «Эхо Москвы». Эти СМИ придерживаются концепции представления разных точек зрения, поэтому дают слово как депутатам Государственной думы,

разъясняющим и обосновывающим государственную политику, так и некоторым представителям внесистемной политической оппозиции (Илья Яшин, Дмитрий Гудков) и лидерам общественного мнения (Виктор Шендерович, Людмила Улицкая), которые много критикуют те или иные решения исполнительной и законодательной власти. Собственно журналистские тексты в таких СМИ также поддерживают баланс между нейтральной, положительно-оценочной и негативно-оценочной информацией об актуальных российских событиях.

Разумеется, в целом содержание медиадискурса вовсе не исчерпывается политически острыми публикациями. Значительная часть СМИ занимает рекреативную нишу, часто их называют досуговыми. Они работают в сегменте медиадискурса, избегающем обсуждения актуальных политических, экономических, социальных проблем. Здесь публикуются новости кино, театра, моды, спорта и т. п. Такие СМИ значительно различаются по цене и по ориентации на удовлетворение запросов разной по образованию и финансовой обеспеченности аудитории: газета «Жизнь», журнал «Космополитен», телеканалы СТС и ТНТ, радио «Европа плюс» и «Ретро FM» уделяют много внимания новостям светской жизни, сенсациям из жизни звезд шоу-бизнеса, жизни королевских особ в Европе и подобным «мягким», или «легким», новостям [Колесниченко, 2010].

Также в постсоветской России активно развивается «консьюмеристский» медиадискурс [Филлипс, Йоргенсен, 2008], ориентирующий аудиторию в тенденциях развития потребительского рынка, практиках заботы о собственном теле, здоровом питании и т. д. Он хорошо представлен в так называемых женских («Лиза», «Elle») и мужских («Максим», «Мэнс Healts») журналах, специализированных журналах на темы здоровья, домашнего интерьера, заботы о кошках и собаках [Майданова, Чепкина, 2011].

Выводы

Сегодня лингвистика активно развивается в поисках обусловленности языковых явлений разными социальными практиками. Теория дискурса позволяет выделять объекты исследования разной степени объема и обобщения, когда одни дискурсы присутствуют внутри других как их сегменты. Научное направление, к которому примыкает наша работа, — критический дискурс-анализ, основные контуры которого берут начало

в идеях Мишеля Фуко. Дискурс — социально упорядоченный механизм организации коммуникации, единство которого обеспечивают специфические для него группы дискурсивных практик: конструирование истины, определяющее функционирование дискурсивных концептов, формирование объектов и субъектных позиций дискурса.

Дискурс современных российских СМИ обладает тематической, политико-идеологической, стилистической неоднородностью, в нем разворачивается борьба за власть определять истинное и ложное. Тексты СМИ разделяются между сегментами провластного (государственнического, проправительственного) и критического (оппозиционного) дискурса. Критический дискурс идеологически неоднороден. Провластный дискурс представлен во всех видах СМИ — в прессе, на радио и телевидении, в сетевых изданиях — очень широко, он значительно преобладает над оппозиционным дискурсом. Значительная часть СМИ занимает рекреативную нишу, их дискурс избегает обсуждения актуальных политических, экономических, социальных проблем.

1.2. Конструирование дискурсивной идентичности.

О понятии российская национально-гражданская идентичность

В гуманитарных науках можно выделить две основных традиции понимания идентичности (в данном случае неважно, *чьей* идентичности — индивида или группы), эти традиции, говоря словами Роджерса Брубейкера, представляют собой «жесткую и мягкую концепции идентичности» [Брубейкер, 2012, с. 84]. Упрощенно представляя эти концепции, можно сказать, что жесткая концепция фиксируется на поиске устойчивости, целостности, однородности идентичности. А мягкая концепция делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности.

В отечественной лингвистике жесткая концепция идентичности является одной из наиболее распространенных. С этих позиций идентичность рассматривается как психологический процесс отождествления себя (другого) с какой-либо общностью, на этот процесс влияет жизненный опыт и социальное окружение, а язык занимает «срединное» положение между сознанием

и действительностью, соответственно, в языке проявляется результат психологического процесса отождествления.

С позиции когнитивного подхода одним из лингвистических способов постичь национальную/этническую идентичность является изучение языковой картины мира [Попова, Стернин, 2003], национальных русских концептов [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2005]. В ряду изучения концептов активно описываются лингвокультурные типажи как идентификационные ориентиры для представителей определенной культуры: «русский интеллигент», «русский дворянин», «калмыцкий кочевник», «английский бизнесмен», «американский супермен», «пижон», «менеджер», «начальник» [Аксиологическая лингвистика..., 2005].

Проблематику идентичности находим в исследованиях коммуникативного поведения. Речевое поведение человека обнаруживает зависимость от целенаправленной ориентации на свое/чужое социокультурное пространство [Протасова, 2005; Прохоров, Стернин, 2006; Язык русского зарубежья, 2001]. Прагмалингвистический подход к речевому поведению обращается к феномену идентичности с точки зрения самопрезентации личности: изучаются коммуникативные стратегии и тактики, позволяющие определенным образом влиять на адресата, намеренно оказывать на него воздействие [Борисова, 2005; Иссерс, 1999; Громова, 2007; Лаппо, 2013].

Жесткая концепция идентичности помогает обнаружить коммуникативные и лингвистические маркеры, репрезентирующие уже сформулированную исследователем идентичность, таксономически описать лингвокультурные типажи, концепты, стереотипы, бытующие в коллективном когнитивном пространстве представителей определенного культурного сообщества, но не проблематизирует понятие идентичности и оставляет за скобками вопрос о ее изменчивости. Говоря словами Е. В. Леоновой: «То есть носитель идентичности в представленных дискурсивных условиях, по сути, отвечает на вопрос “Какие качества своей личности стоит проявить в данной ситуации, чтобы произвести положительное/нужное впечатление?” вместо “Кто я и какой я есть на самом деле?”» [Леонова, 2010, с. 71].

Мягкая концепция идентичности обязана своим происхождением социальному конструктивизму и предлагает смотреть на идентичность прежде всего как на социальную переменную,

имеющую исключительно символическое — дискурсивное — измерение.

«Как идеологическая конструкция идентичность складывается в языке и ни в какой другой форме, кроме форм языка, не существует. Неверно говорить, что идентичность отражается в языке, выражается через язык или опосредуется при помощи языка. Это позволило бы заключить, что идентичность существует как самостоятельная сущность где-то вне и независимо от языка. Идентичность дискурсивна, то есть лингвистична» [Сандомирская, 2002, с. 45] (см. также: [Лаппо, 2013, с. 27]). Иными словами, говорящий, чтобы высказаться о себе или идентифицировать другого, пользуется такими дискурсивными смыслами, которые доступны ему в силу его воспитания, образования, социального статуса и которые он принимает за нормативные в конкретной ситуации общения.

Такое положение может казаться противоречащим здравому смыслу, привычке считать, что идентичность скрывается во внутреннем мире говорящего, а в его речи она только *проявляется* или, например, может не проявляться, если говорящий желает что-то скрыть. Однако научное знание не обязательно должно согласовываться со здравым смыслом: то, что Земля вращается вокруг Солнца, тоже противоречит здравому смыслу, однако как научный факт не оспаривается, по крайней мере, в современной науке. С нашей точки зрения, М. А. Лаппо права, когда говорит, что «вероятно, говорящий конструирует идентичность, имея уверенность в том, что он ее выражает (репрезентирует)» [Лаппо, 2013, с. 30]. Для лингвиста в этом случае возникает не вопрос о том, какими средствами языка репрезентируется идентичность говорящего или того, о ком он говорит, а вопрос, какие смысловые ресурсы присутствуют в определенном дискурсе, например, в журналистском, для идентификации себя или другого как россиянина.

Дискурсивная идентичность субъекта речи задается набором дискурсивных (языковых) знаков, которые не обладают однозначностью интерпретации, поэтому ее определяющими свойствами являются динамичность, множественность, ситуативность. Динамичность указывает на способность к изменению идентичности и ее трансформации, множественность подчеркивает ее семантическую неоднородность, ситуативность связана с закономерностями организации конкретного дискурса.

При таком понимании идентичности и ее свойств она есть всегда промежуточный результат условных социальных, в том числе дискурсивных процессов. Говоря «промежуточный», мы подчеркиваем невозможность завершить процесс формирования идентичности. Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать. Учитывая эту специфику дискурсивной идентичности, необходимо задавать временные границы исследуемого дискурса, и это позволит исследователю зафиксировать динамику конструирования дискурсивной идентичности в заданный период.

Признание свойства «множественность» применительно к дискурсивной идентичности может вызывать опасение, что в этом случае само понятие идентичности как отождествления с чем-то устойчивым распадается. Тогда возможно ли вообще говорить о структуре дискурсивной идентичности? Чтобы ответить на этот вопрос, мы, вслед за Р. Брубейкером, должны обратиться к другой аналитической категории и сместить свой взгляд с понятия идентичности на понятие идентификации. Идентификация предстает как отдельный дискурсивный акт установления тождества или различия между дискурсивными объектами. Дискурсивным объектом может выступать как сам говорящий, так и то (тот), о чем (ком) он говорит. Дискурсивный акт мы приравниваем к высказыванию [Матвеева, 2003, с. 44]. Собственно с лингвистической точки зрения идентификация может быть осуществлена с помощью языковых единиц: слова (*преподаватель, журналист, добрый, красивый*), словосочетания (*председатель правительства, заведующий кафедрой, русский патриот*) и речевых единиц: клишированного выражения (*все бабы дуры*), законченного смыслового фрагмента (например, можно рассмотреть как профессиональную идентификацию слова Сергея Доренко о долге журналиста: *если на любую радиостанцию, в любое средство массовой информации, звонит человек и говорит: я с места аварии, то твой долг его выслушать*) или даже объемного текста (так, частная дневниковая запись тоже становится самоидентификацией говорящего). Однако для дискурс-анализа идентификаций имеют значение не столько языковые способы выражения, сколько семантика, которая определяется исходя из содержания целостного текста, из конкретной коммуникативной ситуации и закономерностей исследуемого дискурса в целом. Иными словами, если я говорю, что люблю свою Родину, то будет

важно, сказано это в рекламном ролике во время избирательной кампании, написано в соцсетях под фотографией с красивым закатом или под фотографией с акции протеста. Также если я говорю, что N — враг народа, то это высказывание, помимо идентификации, приписываемой N, является и актом самоидентификации, потому что задает различие между мной и N.

Совокупность идентификаций, относящихся к одному дискурсивному объекту, принципиально не может быть охарактеризована как «аспекты» единого целого, так как идентификации далеко не всегда образуют системы с непротиворечивой взаимосвязью частей. Есть дискурсивный объект, вокруг которого выстраиваются идентификации, одновременно взаимно исключаящие друг друга, или находящиеся в отношениях сосуществования с отношениями частичной противоречивости, или имеющие непротиворечивые, взаимодополняющие отношения. Это позволяет говорить о множественности идентификаций, разнородных структурно и семантически, но связанных с одним и тем же дискурсивным объектом (см. также: [Енина, 2016]).

Таким образом, после рассмотрения понятия «идентификация» мы можем предложить следующее определение дискурсивной идентичности. Дискурсивная идентичность — это дискурсивный концепт, организованный по сетевому принципу, то есть это нецентрированный комплекс идентификаций, он связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и др. и способен трансформироваться за счет добавления новых идентификаций и изменения смысловых отношений между ними.

С нашей точки зрения, для исследования дискурсивной идентичности как сетевого концепта только выявление разных идентификаций одного объекта — недостаточный уровень. Как пишет И. Сандомирская, «концептуальный анализ не может сводиться к исчислению контекстов употребления. Более реалистичным представляется путь гипотетического реконструирования символических практик, то есть семантических, прагматических и культурно-идеологических «ходов» создания и воспроизведения дискурса, реконструирование логики диалога между разными символическими образованиями» [Сандомирская, 2002, с. 27]. Отдельная идентификация всегда часть обширной системы дискурсивных практик. Многогранность и сложность дискурсивного воплощения идентичности обуславливает необходимость

изучения не собственно «идентичности» как некоторого конечного, статичного результата процесса идентификации, а наличествующих дискурсивных практик, ее структурирующих, — дискурсивных практик идентификации.

Анализ дискурсивной идентичности может касаться как исследования структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения отдельных дискурсивных практик идентификаций.

Применительно к дискурсивной идентичности возможно снять оппозицию идентификаций, присваиваемых отдельной персоне или всей группе, сообществу. Вслед за французскими философами Э. Лакло и Ш. Муфф считаем, что четкие различия между этими типами идентификаций отсутствуют потому, что оба типа организованы с помощью одних и тех же дискурсивных процессов и по одним и тем же принципам [Laclau, Mouff, 1985, p. 113]. Для групповой идентичности характерно сокращение репертуара идентификаций по сравнению с индивидуальной. «Люди конституируют группы благодаря процессу, в котором определенные возможности идентификации, как наиболее релевантные, выходят на первый план, а другие игнорируются» [Филлипс, Йоргенсен, 2008, с. 85]. Поэтому условные высказывания, в которых говорящий высказывается от имени группы или от своего имени «мы/они русские», «я/он(она) русский(ая)», выдвигают в качестве значимого один и тот же признак. Дискурсивный подход предполагает, что исследователь обращается к тому, какими смыслами наделяется значимый признак «русский» в определенном дискурсе: гостеприимный; агрессивный; представитель этнического сообщества; гражданин государства; носитель определенных политических или экономических интересов. В текстах СМИ дискурсивные идентификации, приписываемые одному концепту, нельзя сводить к целостному феномену, так как они находятся в постоянной конкурентной борьбе за определение дискурсивного концепта.

НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЯН: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Велико искушение выделить в дискурсе российских СМИ коллективного субъекта — *российские граждане, россияне* — и выявить, каким предстает его образ в дискурсе СМИ (ср., например: [Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный

анализ, 2011])). Таким исследованием декларировался бы тезис, что в дискурсе СМИ присутствует обобщенный коллективный субъект *россияне* с набором доминирующих характеристик. Однако принимая в качестве методологической основы понимание идентичности как дискурсивного феномена, имеющего динамическую природу, мы ставим задачи выявить репертуар различных идентификаций *россиян* в российском дискурсе СМИ, зафиксировать их неоднородность и описать ведущие дискурсивные практики идентификации *россиян*, обнаружить конкуренцию практик идентификации в синхроническом аспекте.

Словарное толкование слова «россияне» не предлагает строгих рекомендаций по употреблению. Так, в Толковом словаре русского языка закреплено два значения: 1. То же, что русские (устар., обычно высок.). 2. Общее название населения России [ТСРЯ, 2008, с. 840]. Первое значение тождественно этнониму «русские», отнесено к пассивному словарному запасу и имеет стилистическое ограничение. Второе значение расширяет этническую семантику и объединяет все население России, поэтому может быть употреблено в качестве коллективного идентификатора всех жителей России.

В том же словаре слово «российский» обладает одним значением, в котором сохраняется и этническая сема, и сема принадлежности к государству: «относящийся к россиянам, к русским, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у россиян, как у русских, как в России» [Там же, с. 839]. Такая тождественность семантики влечет за собой смысловую двойственность в речевом употреблении.

Применительно к нашему исследованию мы будем придерживаться следующего. Дискурсивный концепт *россияне*, в отличие от словарного толкования, не имеет объективно заданного определенного смысла, это свободный (пустой) знак, которому присваивается содержание внутри специфической области — текстов дискурса СМИ. Номинация *россияне* рассматривается в качестве базового имени дискурсивного концепта. Контекстуальными заменами базового имени являются такие коллективные идентификаторы, как *население России*, *жители России*, *российские граждане*, *русские*, *народ* и под. Также сигналами присутствия данного концепта могут выступать текстовые фрагменты, содержащие слова «российский», «Россия», «Российская Федерация», «РФ» при метонимическом переносе, например: *Россия поднимается с колен*.

Исходя из принципиальной семантической неоднородности дискурса СМИ, мы считаем важным обратиться к поиску сети идентификаций россиян, на основе которых дискурсивно конструируется воображаемое «мы — россияне». Концепт *россияне* образует дискурсивное единство не благодаря смысловой согласованности высказываний, а благодаря одновременному сосуществованию нескольких ценностных практик, вступающих в конкурентную дискурсивную борьбу. Для того чтобы выявить и описать репертуар идентификаций россиян в СМИ, мы предлагаем термин — *национально-гражданская идентичность*. Национально-гражданская идентичность рассматривается как самостоятельный дискурсивный концепт, аналитически отличимый от сходных, но не совпадающих с ним понятий, таких как этнос, нация, территориальная или государственная принадлежность и др. Термин «национально-гражданская» вводится для того, чтобы уйти от единичного определения «национальная», так как понятия нация и этнос не всегда различаются не только в публицистических, но и в научных текстах. К вводимому термину близок термин «государственная идентичность», однако мы отказываемся от него, поскольку «государственная идентичность» указывает на территориально-административное ограничение содержания концепта. Таким образом, национально-гражданская идентичность не сводится к этнической, государственной или территориальной принадлежности, но нелинейно соотносится с ними, а слово «гражданская» как основное в словосочетании вмещает в себя многоаспектность идентификаций в связи с неформальными гражданскими институтами и социальными группами. Кроме того, определение «гражданская» позволяет включить идентификации, основанные на «объективной» категоризации, например, *региональная* или *конфессиональная*, и на «субъективной» категоризации, например, *пятая колонна*, *патриоты*. Предлагаемый термин «национально-гражданская идентичность»¹ видится предпочтительным по перечисленным выше причинам.

Таким образом, под *национально-гражданской идентичностью россиян* понимается сеть дискурсивных идентификаций, смысл которых связан с самоотнесением или приписыванием

¹ Этот термин в своих работах использовала Л. М. Дробижева, но в значении «государственная идентичность» (см.: [Дробижева, 2010, с. 49–58]).

группе лиц принадлежности к сообществу, объединяемому на основе не только гражданства РФ и связи с территорией РФ, но и на основе русского языка, на основе связи с историей России и с видением путей ее развития, на основе культурных ценностей и образа жизни.

В конкретном журналистском тексте эти смыслы могут пересекаться или присутствовать по отдельности, могут быть представлены развернуто или фрагментарно.

Однако множественность идентификаций при конструировании дискурсивной идентичности состоит не только в количественных и качественных различиях. Идентификация может быть осуществлена с помощью разных дискурсивных механизмов, что тоже задает перспективу исследования дискурсивной идентичности. Дискурсивный механизм — это формальная операция осуществления отдельной идентификации, она показывает статичный (присвоение признака дискурсивному концепту) или динамический (историю становления признака дискурсивного концепта) принцип идентификации. Это дает возможность структурировать дискурсивные практики относительно использованного дискурсивного механизма.

Первый механизм идентификации обозначим как «признаковый» и воспользуемся определением, предложенным Славоем Жижекком. Идентификация — «этот тот значимый признак, который, согласно лакановскому определению означающего, “репрезентирует субъекта другому означающему”. Этот признак получает конкретную, узнаваемую форму в соответствии с именем или мандатом, принимаемым субъектом и/или налагаемым на него» [Жижек, 1999, с. 109]. Например:

Россия — ядерно-энергетическая держава (Ядерно-энергетическая держава // Известия. 2006. 20 мар.);

Мы ехидные. Мы такие недоверчивые. Мы любим смотреть на центр. Мы можем избрать клоуна, допустим, губернатора, но к выборам президента мы относимся очень серьезно (Д. Надеина. Умные парни с Андреем Суздальцевым // РСН. 2015. 24 мар.).

Признаковая идентификация может быть присвоена через отрицание какого-либо признака. Это соотносится с понятием негативной идентификации, понимаемой как «самоконституция от противного, от другого значимого предмета или представления,

но выраженная в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителей — в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо для членов группы или сообщества, короче, в качестве антипода» [Гудков, 2004, с. 271]. Негативная идентификация в дискурсе СМИ часто воспроизводится как знак чужого мнения для того, чтобы отказаться от него. В следующем фрагменте негативный признак присваивается *России* со ссылкой на мнение *Запада*:

Запад хочет видеть нашу страну именно такой, какой показал ее Звягинцев, — маргинальной, пьяной и непотребной (слова Николая Бурляева. — *Прим. авт.*) (Н. Корнацкий и др. «Левиафан» — красавец или чудовище? // Известия. 2015. 12 янв.).

С одной стороны, отрицательная идентификация *России* с точки зрения *Запада* одновременно отрицательно идентифицирует и Запад, что, скорее всего, и является целью говорящего в аргументации своего мнения о фильме. Но с другой стороны, хотя далее контекст подсказывает несогласие автора с этой точкой зрения, мы считаем достойным исследовательского внимания сам факт воспроизведения негативной идентификации. Зачем воспроизводится негативная идентификация? Она выполняет функцию свидетельства враждебного отношения, в данном случае *Запада* к *России*. Этот вариант идентификации интересен для исследователя тем, что задает антагонистический признак идентификации, отсутствие которого делает ее невозможной.

Второй механизм идентификации — нарратив, история, повествование. Вообще, понятие нарративной (повествовательной) идентификации связано с именем Поля Рикера, объединившего в исследованиях идеи личной и групповой идентичности со способом рассказывания жизненной истории: «Повествовательная идентичность — такая форма идентичности, к которой человек способен прийти посредством повествовательной деятельности» [Рикер, 1995, с. 19]. В этом случае идентификация представляет собой рассказанную историю или отдельный сюжетный ход с ожидаемой (предсказуемой) завязкой и развязкой. Связная история требует от рассказчика ретроспективно усматривать некую направленность жизненных событий, увязывать их в значимую последовательность, постфактум придавать некоторым событиям значимость или лишать их ее.

Выделенный нарративный механизм идентификации сочетается с методикой анализа сюжетных ролей в журналистских текстах, разработанной О. Ф. Автохутдиновой и Э. В. Чепкиной. В текстах СМИ актуально присвоение персонажам сюжетных ролей «герой», «враг», «жертва», «помощник» [Автохутдинова, 2015; Автохутдинова, Чепкина, 2015].

В «признаковом» и нарративном механизме идентификации скрывается еще один тип идентификации, но, так скажем, на другом уровне — это структурная идентификация (С. Жижек называет ее «символической»). Этот тип идентификации заставляет исследователя задать вопрос: с какого местоположения в каком дискурсе эта идентификация видится нормативной? Славой Жижек, например, иллюстрирует структурную идентификацию характерным для официального советского дискурса идеализированным образом рабочего класса, который становится возможным «под взглядом правящей партийной бюрократии, он необходим для легитимации ее власти» [Жижек, 1999, с. 113].

Структурная идентификация согласуется с выделением субъектной позиции в дискурсе. Субъектная позиция относительно стабильна и представляет собой нормативную позицию дискурса с ожидаемыми речевыми действиями для говорящего в конкретной коммуникативной ситуации. Правда, норма в этом случае, говоря словами Дж. Батлер, «не обладает независимым онтологическим статусом, хотя свести ее только к конкретизациям довольно нелегко; она сама воспроизводится через собственные воплощения — посредством ориентированных на нее поведенческих актов» [Батлер, 2011, с. 20]. Так, субъектная позиция эксперта объединяет ряд различных мнений о режиссере Андрее Звягинцеве и его фильме «Левиафан», представленных в журналистском тексте «“Левиафан” — красавец или чудовище?» (Н. Корнацкий и др. «Левиафан» — красавец или чудовище? // Известия. 2015. 12 янв.). Несмотря на положительные и отрицательные мнения о фильме, экспертные оценки сходятся в одной точке — художественное произведение должно отвечать интересам государства (см. подробнее: [Енина, 2016]).

Выводы

Направления исследований дискурсивной идентичности стремятся выявить закономерности организации множественных идентификаций, связанных тематически с исследуемым

концептом дискурса и определить дискурсивные практики идентификации, конкурирующие за его «истинное» смысловое наполнение.

Мы предлагаем следующее определение дискурсивной идентичности. *Дискурсивная идентичность* — это дискурсивный концепт, организованный по сетевому принципу, то есть это нецентрированный комплекс идентификаций одного объекта дискурса, этот комплекс идентификаций связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и др. и способен трансформироваться за счет добавления/исключения идентификаций и изменения смысловых отношений между ними.

Под *национально-гражданской идентичностью* россиян понимается сеть идентификаций, смысл которых связан с самоотнесением или приписыванием группе лиц принадлежности к сообществу, объединяемому на основе не только гражданства РФ и связи с территорией РФ, но и на основе русского языка, на основе связи с историей России и с видением путей ее развития, на основе культурных ценностей и образа жизни. В конкретном журналистском тексте эти смыслы могут пересекаться или присутствовать по отдельности, могут быть представлены развернуто или фрагментарно.

1.3. «Информационная война» как дискурсивный концепт в российских СМИ

Даже беглого изучения материалов российских СМИ достаточно, чтобы понять: идет информационная война, в которую вовлечена и Россия. Во всяком случае такую реальность конструируют массмедиа. Подтвердить данный тезис позволяет количественный анализ, проведенный с помощью корпуса медиатекстов «Интегрум» и представленный в виде диаграмм 1 и 2 (выборка включает материалы федеральных печатных изданий, информационных агентств, интернет-изданий, онлайн радио и телевидения за период с 01.01.2000 до 31.12.2015 г.).

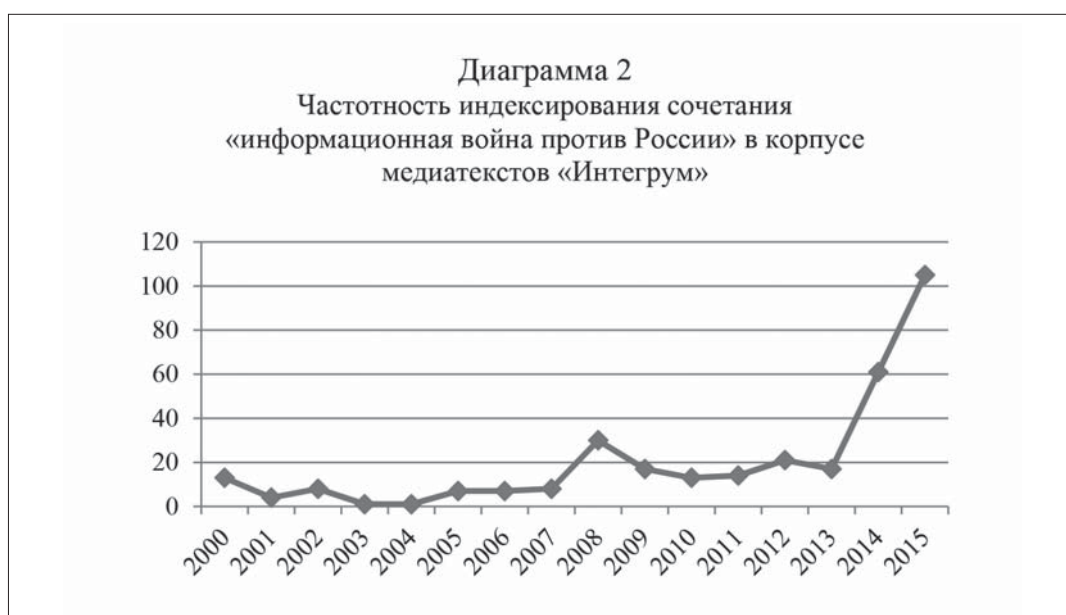
Диаграмма 1 свидетельствует о значительной активизации словосочетания «информационная война» в российских медиатекстах последнего времени. Первый пик приходится на 2008 г. и обусловлен вовлеченностью России в грузино-югоосетинский конфликт. Тогда частотность индексирования данного слово-

сочетания увеличилась в 2,08 раза. Однако в 2014 г. произошел еще более значительный рост — в 2,92 раза. Очевидно, что этот пик связан с событиями вокруг Крыма.

Диаграмма 2 показывает активизацию сочетания «информационная война против России», в результате чего данная фраза подвергается стереотипизации (см.: [Ильина, 2011]). На графике выделяются те же два пика. Причем тенденция к росту, фиксируемая в 2014 г., сохраняется и в 2015 г. Показатель этого года превышает показатель 2013 г. в 6,18 раза.

В настоящем разделе мы рассмотрим информационную войну как дискурсивный феномен. Для этого выработаем собственный

подход к определению рассматриваемого явления, сформулируем парадоксы, связанные с дискурсивным и, можно сказать, феноменологическим переосмыслением информационной войны, после чего проанализируем, как данный дискурсивный концепт конструируется в российских проправительственном и оппозиционном дискурсах.

К определению понятия ИВ

Информационной войной, как правило, называют два различных феномена: во-первых, информационно-технические войны, то есть войны с использованием IT-методов (кибератаки и проч.), во-вторых, всевозможные «битвы за умы», для обозначения которых также используют термин «информационно-психологические войны» (см.: [Крестинина, 2012, с. 14; Сквородников, Копнина, 2016, с. 42; ср.: Libicki, 1995, p. 10; Tumber, Webster, 2006, p. 1–7]). Именно второй феномен находится в центре нашего внимания. Одно из наиболее цитируемых его определений принадлежит Г. Г. Почепцову, который рассматривает информационную войну как «коммуникативную технологию по воздействию на массовое сознание с долговременными и кратковременными целями» [Почепцов, 2000, с. 20]. Далее автор разъясняет, что «целями такого воздействия на массовое сознание является внесение изменений в когнитивную структуру с тем, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре. Практически то же самое делает психотерапия, только на уровне индивидуального сознания» [Там же]. Показательно, что при такой интерпретации термин, во-первых, лишается оценочного содержания и, очевидно, может использоваться как в положительных (отсюда сравнение с психотерапией), так и в отрицательных контекстах, а во-вторых, оказывается настолько широким, что потенциально включает всю массово-коммуникационную деятельность, в том числе журналистику, PR и рекламу. Некоторые исследователи связывают информационную войну с пропагандой [Snow, 2011], манипуляцией [Данилова, 2012] и использованием недостоверной информации [Ковалева, 2011].

Отдельно охарактеризуем концепции, которые в целом соответствуют дискурсивному подходу и соотносятся с нашими взглядами на феномен информационной войны. Так, Д. Н. Беспалов и М. А. Казаков определяют информационную войну как технологию борьбы за власть, участники которой «конкурируют друг

с другом за производство смыслов, как в сфере войны, так и безопасности» [Беспалов, Казаков, 2014, с. 83]. Е. С. Крестинина определяет информационную войну как «длительное противостояние нескольких сторон, основной целью которого является господство одной из сторон в управлении мнением целевой аудитории и устранение из информационного поля/дискредитация другой стороны. <...> Конечная цель информационной войны, выражающаяся в виде преобразования реальности по некоему желаемому образу...» [Крестинина, 2012, с. 15]. Отметим, что оба эти подхода предполагают наличие двух и более участников информационной войны, что, как мы покажем далее, не является обязательным признаком рассматриваемого феномена.

Отметим также, что многие исследователи полагают информационную войну фактом действительности: «Российское общество подвергается умело срежиссированному воздействию внешнего и внутреннего информационно-психологического воздействия, цель которого состоит в подрыве политической и социальной структуры, лишении народа своих духовных корней» [Макарова, Беззапонный, 2006, с. 48]; «Впервые после окончания холодной войны Россия и США оказались в состоянии прямого столкновения, оказавшись по разные стороны фронтов в информационно-психологической войне» [Манойло, 2009, с. 83]; «Воссоединение Крыма с Россией дало толчок новой волне информационной войны Запада против России» [Василенко, 2014, с. 204]. Зачастую авторы делают подобные утверждения, представляя их в качестве аксиом, не нуждающихся в доказательстве, а порой и устранившись от сколь бы то ни было конкретного определения феномена, в существовании которого они не сомневаются.

Итак, с нашей точки зрения, информационная война — это технология борьбы за власть (включающая и соответствующие дискурсивные практики), а также состояние медиадискурса, которое заключается в последовательном и систематическом конструировании реальности, причиняющей вред какому-либо объекту и/или *его образу, функционирующему в медиадискурсе*. Выделенный курсивом аспект позволяет свести информационную войну к конструированию врага: именно такую форму приобретает объект медиадискурса, которому последовательно и систематически причиняют вред. Справедливость такой редукции подтверждают, с одной стороны, наш эмпирический материал, с другой, традиция исследования информационной

войны, представленная в упомянутых выше и многих других научных работах. Другими словами, предложенное нами определение охватывает — в потенции — все варианты конструирования концепта «информационная война» в медийном и научном дискурсах.

Следствием данного подхода является неожиданный тезис: два столь разных на первый взгляд дискурсивных феномена — идентичность и информационная война — на самом деле тесно связаны. Идентичность (прежде всего, когда речь идет о коллективной идентичности) подразумевает, во-первых, объединение членов одной социальной группы, а во-вторых, различение, противопоставление, создание границ, что позволяет отделить данную группу от носителей иной идентичности [De Cillia, Reisigl, Wodak, 1999, p. 153—154]. И объединение, и разделение осуществляется посредством особых дискурсивных практик — практик идентификации, которые можно разделить на две группы и условно назвать практиками отождествления и различения. Между тем информационная война заключается в конструировании врага, то есть субъекта (индивидуального или коллективного), который противостоит той или иной группе. Таким образом, речь снова идет о различении, а практики идентификации, связанные с различением врага, оказываются также инструментом информационной войны.

Впрочем, здесь следует сделать важную оговорку. Идентификация вовсе не предполагает непременно конструирование врага, однако часто сводится к этой примитивной процедуре. Как справедливо отмечает Сейла Бенхабиб, характеризующая феномен идентичности, удивляет не столько диалектическое взаимодействие тождества и различия, сколько «атавистическая вера в то, что идентичность может быть утверждена и сохранена только за счет уничтожения различия и инаковости» [Там же, с. 154]. Конструирование врага в рамках информационной войны — это как раз попытка уничтожить инаковость, поскольку враг — это специфическая разновидность другого, которая не предполагает толерантного отношения, и потому может и должна быть уничтожена. Подобным врагом в условиях информационной войны, развернутой в советских СМИ 1930-х гг., были мировой капитализм и его пособники — так называемые враги народа. Современный российский официальный медиадискурс копирует, казалось, навсегда ушедшие советские традиции и конструирует

образ Запада как внешнего врага и оппозиции (пятой колонны) как врага внутреннего (см. также: [Каблуков, 2016в]).

Итак, идентификация не сводится к конструированию врага, однако конструирование врага всегда есть акт идентификации. Следовательно, информационная война, связанная с конструированием врага, представляется мобилизационным фактором практик идентификации, в том числе национально-гражданской.

ПАРАДОКСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Предложенный подход к информационной войне выявляет ее сущностные отличия от войны как «вооруженной борьбы между государствами, народами, племенами и т. п. или общественными классами внутри государства» [БТСРЯ, 2000, с. 145]. Эта специфика может быть сформулирована в виде трех парадоксов, к рассмотрению которых мы и переходим.

Обратимся к фрагменту «Книги джунглей» Редьярда Киплинга, где описана ситуация, которая является хоть и весьма упрощенной, но чрезвычайно показательной моделью современного российского медиадискурса:

— *Червяком, червяком. Земляным червяком*, — сказала Багира, — и еще разными кличками. Мне стыдно даже повторять.

— *Надо их проучить, чтобы не забывались, когда говорят о своем господине!* [Киплинг, 2014, с. 61]

Отечественные СМИ давно и активно рассказывают аудитории о том, кто и какими словами ее назвал. Журналисты, как и исследователи, в один голос твердят, что это информационная война. Называются и вполне определенные враги, причем как внешние, так и внутренние. Однако приведенный выше фрагмент не дает нам покоя: неужели Бандар-Логи действительно осуществили вербальную агрессию в отношении Каа? А какова тогда роль Багиры? Эти и другие вопросы не находят ответа в массиве современных исследований, посвященных информационной войне. Причина, как нам представляется, в том, что ученые остаются в рамках логики традиционного вооруженного конфликта, в то время как специфика информационной войны постоянно ускользает от внимания.

Парадокс 1. Сторона X, утверждая, что сторона Y ведет информационную войну, сама вовлекается в информационную войну против стороны Y. Это объясняется,

во-первых, природой информационной войны, которая заключается в конструировании отрицательного образа другого, и, во-вторых, формированием образа информационной войны как ненормативного феномена, что наблюдается в большинстве текстов современного российского медиадискурса. Таким образом, утверждая, что некто ведет информационную войну, мы конструируем его отрицательный образ, что может быть расценено как акт информационной войны. Получается, что *Багира, распространив негативную информацию об обезьянах, показала, что ведет против них информационную войну*. В то же время остается открытым вопрос о том, соответствует ли действительности информация, распространенная стороной X. Если нет, то информационная война окажется односторонней. Вероятно, именно такая война имела место в ситуации, смоделированной в приведенном фрагменте «Книги джунглей».

Перейдем к материалам российского проправительственного медиадискурса, которые методично информируют аудиторию об информационной войне, развязанной против России:

На Майдане в Киеве все громче начинают звучать антироссийские лозунги. Антироссийская истерия усиленно нагнетается украинской прессой. *Информационная война*, начавшаяся с того, что на Украину перестают пускать журналистов из России, продолжается отключением российских телевизионных каналов (Зейналова И. Время // Первый канал. 2014. 28 дек.);

Насколько тотальна *информационная война*, которую нам объявили Вашингтон и Брюссель? Кто и как конструирует европейские фобии? Кто вещает для нас из западных окопов? Сколько можно заработать на мифе об агрессивной России? «Медиаграмотность» — так называется документальный фильм, который мы сегодня посмотрим. Простой вопрос: *зачем Запад развязал против нас информационную войну?* Понятно, что она приняла уже агрессивные формы (Попов Е. Специальный корреспондент // Россия 24. 2016. 17 фев.).

В обоих случаях журналисты называют действия противоположной стороны информационной войной и, характеризуя ее, создают негативный образ соответствующего объекта — в первом случае Украины, во втором — Запада. Причем само приписывание признака «участие в информационной войне против России» ведет к негативной оценке объекта. Точно так же воспринимаются действия, которые хоть и не получают соот-

ветствующей номинации, вполне однозначно квалифицируются как информационная война:

Здесь никто не разгромит и не сожжет офис радиостанции, называющей ополченцев Новороссии террористами. Никто не обольет зеленой выжившую из ума актрису, кающуюся от имени всей страны перед цивилизованным миром за сбитый «Боинг». И в провинциальной газете легко и безнаказанно выйдет интервью с боевиком из Самары, рассказывающим о своих подвигах в рядах карателей батальона «Азов» (Семин К. Агитация и пропаганда // Россия 24. 2014. 15 авг.);

О, эти мастера дедуктивного метода давно переплюнули своего провинциального соотечественника с Бейкер-стрит. Кто сбил «Боинг»? Тот же, кто отравил Литвиненко. Кто отравил Литвиненко? Тот же, кто отравил Ющенко. <...> Кто захватил Крым? Тот же, кто давал взятки руководству ФИФА. Ну конечно тот же, кто предоставил убежище беглому разоблачителю из АНБ. Ну это же элементарно, Ватсон (Семин К. Агитация и пропаганда // Россия. 2016. 23 янв.).

Сначала ведущий передачи «Агитация и пропаганда» Константин Семин перечисляет речевые действия оппозиционеров, направленные, как считает говорящий, против России. Причем последняя, по его словам, никак не отвечает на эту информационную агрессию, проявляя толерантность. Далее журналист формирует образ не внутреннего, а внешнего врага, который безосновательно обвиняет Россию в различных преступлениях. Обратим внимание на то, что описание приемов информационной войны носит здесь метаязыковой характер, так как сами эти приемы представляют собой речевые действия.

Приведенные примеры показывают, что, приписывая некоторым объектам признак участия в информационной войне против России, журналисты из российского проправительственного дискурса сами действуют как участники информационной войны против данных объектов. Похожая ситуация наблюдается в оппозиционном правительству медиадискурсе, однако здесь активным участником информационной войны, а значит и объектом критики, становится Россия, в первую очередь в лице действующей власти и транслирующих ее точку зрения СМИ.

...в периоды международных кризисов, участником которых становится Россия, отечественное ТВ полностью преобразуется в рупор информационной войны (Хачатрян Д. Россия тонет в телеволнах // Новая газета. 2014. 20 июн.);

«Война и мир Петра Порошенко» — так озаглавили этот выпуск «Политики» его создатели, не скрывая своей собственной воинственности и явно не желая покидать окопы информационной войны, в которых они так прочно закрепились (Петровская И. Война окончена? Забудьте! // Новая газета. 2014. 30 мая).

Можно сказать, что авторы «Новой газеты», обвиняя некоторые другие российские СМИ в развязывании информационной войны, сами становятся ее участниками против этих СМИ. Ситуация меняется, когда авторы упоминают две стороны информационного конфликта, критикуя обе и не солидаризируясь ни с одной из них:

Попробуем обсудить ситуацию на востоке и юге Украины, отбросив термины и интонации информационной войны, ведущейся всеми сторонами конфликта (Миллер А. Россия и Украина. Момент истины // Новая газета. 2014. 16 апр.);

Когда находишься в Донецке, понимаешь, что информационная война, которая ведется украинскими и российскими СМИ, абсолютно стерла границу реальности и понимания с обеих сторон, что на самом деле происходит сейчас на востоке Украины (Турченкова М. Груз 200 // Эхо Москвы. 2014. 02 июн.).

Впрочем, здесь следует обозначить еще один аспект: дело в том, что наши выводы справедливы лишь в том случае, когда информационная война получает отрицательную оценку, в то время как в оппозиционных СМИ она рассматривается и как относительно приемлемый феномен:

И такая оперативная версия рассматривалась: хотели сбить российский самолет, обвинить Украину в убийстве российских граждан, войти на танках в Киев... <...> Но я вам признаюсь откровенно: версию озвучили, поскольку она имела элемент информационной войны между Россией и Украиной (Мусафирова О., Соколов С. МН17. Где подозреваемые? // Новая газета. 2015. 11 окт.);

Сотрудник Фонда борьбы с коррупцией Георгий Албуров пообещал развернуть против оператора связи МТС информационную войну после того, как его и директора НКО «Образ будущего» Олега Козловского аккаунты в Telegram были взломаны. <...> «Эта история не должна остаться бесплатной для МТС. И любой другой оператор, к которому так придут, должен знать, что проще саботировать требование и запросить бумажку, чем нести колоссальные репутационные потери», — добавил оппозиционер (Албуров пообещал

развернуть информационную войну против МТС после взлома Telegram // Новая газета. 2016. 02 мая).

В первом цитируемом материале приводятся слова бывшего начальника Главного следственного управления СБУ Украины Василя Вовка, который объясняет некоторые действия своей страны законами информационной войны. Ни эти действия, ни сама информационная война при этом не получают отрицательной оценки. Во втором фрагменте представитель оппозиции рассказывает о взломе своего аккаунта, к которому, по его мнению, причастен оператор сотовой связи МТС. Чтобы наказать компанию, оппозиционер намерен вести против нее информационную войну, которая в таком контексте может интерпретироваться как санкция, то есть «мера, принимаемая против стороны, нарушившей соглашение, договор» [БТСРЯ, 2000, с. 1148].

Парадокс 2. Различие объекта агрессии и объекта воздействия (аудитории) часто отличает информационную войну от войны обычной, в которой эти объекты совпадают. Действительно, при обычном вооруженном конфликте одна сторона совершает агрессию в отношении другой, оказывая на нее силовое воздействие, а информационная война сопровождает эти реальные военные действия. В случае с информационной войной возможна ситуация, когда одна сторона конструирует негативный образ другой, оказывая воздействие только на круг своих. Следовательно, сторона, в отношении которой совершается информационная агрессия, может вообще не знать о ней, поскольку не является объектом информационного воздействия, то есть данный парадокс также предусматривает возможность односторонней информационной войны. Но вернемся к сюжету «Книги джунглей», где *Багира осуществила акт информационной войны против обезьян, следовательно, последние были объектом ее агрессии, однако не входили в круг ее адресатов, который ограничивался одним лишь Каа*. Точно так же российский проправительственный дискурс в СМИ ведет информационную войну против Запада, адресуя свои сообщения прежде всего российской аудитории.

Досье Сноудена подтверждает, что прослушка теперь на Западе тотальна. Лидируют в этом деле США. Тотальное сканирование всей частной информации всех. От водопроводчиков до глав государств.

Их телефонов и смс, их электронной почты и операций по кредитным карточкам. Всего, Скайпа и всех банковских переводов системы SWIFT (Киселев Д. Вести недели // Россия 1. 2014. 20 апр.);

При этом февральский опрос известного, влиятельного республиканского Центра Расмунсона указывает на то, что 81 процент американцев уверены в том, что федеральная американская власть коррумпирована. 81 процент. Это программа «Специальный корреспондент». В студии Евгений Попов. Здравствуйте. Так что же это за эталонная демократия такая, в основе которой тотальная коррупция?! (Попов Е. Специальный корреспондент // Россия 24. 2016. 17 фев.)

Мы видим, что государственное телевидение России последовательно создает такой отрицательный образ Запада, особенно США, где процветает коррупция и тотальный контроль за действиями граждан. Показательно, что вся эта информация распространяется не на Западе, а на территории России и среди российской аудитории. Эта информация адресована не объекту агрессии (политической элите Запада) и даже не массовой аудитории западных стран, которая могла бы посредством участия в выборах изменить ситуацию, а иной аудитории — россиянам. Другими словами, это типичный случай конструирования образа врага в целях консолидации круга своих. Как показывает российский опыт, такая информационная политика способствует усилению патриотических настроений (см.: [Общественное мнение, 2016, с. 42]) и росту популярности действующего главы государства (см.: [Там же, с. 115]).

Парадокс 3 вытекает из предыдущего и заключается в следующем: информационная война может наносить вред не только и не столько объекту агрессии, сколько объекту воздействия — аудитории, которая охватывает прежде всего круг своих. Этот вред, как правило, связан с усилением тревожности (фрустрацией) и/или агрессивности. К примеру, Багира фрустрировала Каа, чтобы добиться собственных целей — мобилизовать его для ведения настоящей войны против обезьян. Именно так поступают и многие российские СМИ, которые с 2013 г. все активнее конструируют реальность информационной войны, в том числе информационной войны, развязанной против России (подробнее см.: [Каблуков, 2016б]):

«США начинают информационную войну против России», — это слова Хиллари Клинтон, бывшего госсекретаря и возможного

преемника Обамы. Прозвучали они после принятия антироссийской резолюции. Документа, в котором Россия безо всяких доказательств объявляется виновной во всех бедах Украины и других соседних стран. Конгрессмены требуют от Обамы решительных действий против Москвы и в частности обращают внимание на пропаганду (Ситтель М. Вести // Россия 1. 2014. 5 дек.);

Секретарь Совбеза РФ Николай Патрушев: Они [американцы] очень хотели бы, чтобы России не было вообще. Как страны. <...> Потому что мы обладаем огромными богатствами. А американцы считают, мы владеем ими незаконно и незаслуженно, потому что, по их мнению, мы ими не пользуемся так, как должны пользоваться. Вы, наверное, помните высказывание экс-госсекретаря США Мадлен Олбрайт, что России не принадлежит ни Дальний Восток, ни Сибирь (Черненко Е. За дестабилизацией Украины скрывается попытка радикального ослабления России // Коммерсантъ. 2015. 22 июн.).

Показательно, что агрессивную по отношению к России позицию Хиллари Клинтон и американских конгрессменов, а также информацию об американской пропаганде до российской аудитории донесли не зарубежные СМИ, а российский государственный телеканал «Россия 1». Точно так же высокопоставленный российский чиновник Николай Патрушев рассказывает массовой аудитории о том, что США намерены уничтожить Россию, причем в качестве примера приводит мнение, безосновательно приписываемое бывшему госсекретарю США Мадлен Олбрайт.

Таким образом, российские СМИ, активно конструируя реальность противостояния с Западом, не только ведут против Запада информационную войну, но и, как нам представляется, наносят некоторый вред собственной аудитории. Подобная интерпретация по сути вытекает из традиционного подхода к информационной войне, согласно которому именно информация является средством поражения при такого рода конфликтах [Самохвалова, 2011, с. 69]. Если, как было показано выше, средство поражения воздействует на своих, то им же оно и наносит вред.

Последствия такой информационной политики выявляют социологические опросы, согласно которым все большее число россиян считает, что, во-первых, у России есть враги [Общественное мнение, 2016, с. 247, 253], а во-вторых, другие страны относятся к России как к врагу [Там же, с. 243].

Отметим, что парадоксы, сформулированные нами на основе анализа современного российского медиадискурса, представляются универсальными, то есть обусловленными сущностью информационной войны, а не спецификой ситуации, имеющей место в России в настоящее время. Следовательно, полученные выводы могут быть верифицированы на основе анализа медиадискурса иных исторических периодов и иных государств.

КОНЦЕПТ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА» В ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ И ОППОЗИЦИОННОМ ДИСКУРСАХ РОССИЙСКИХ СМИ

Как же информационная война конструируется в современном российском медиадискурсе? Для ответа на этот вопрос обратимся к журналистским текстам, опубликованным в «Российской газете», учрежденной Правительством Российской Федерации, и «Новой газете», которую принято считать чуть ли не «самым оппозиционным СМИ в стране» [Ростова, 2010]. На первом этапе исследования с помощью базы данных «Интегрум» методом сплошной выборки извлечем тексты «Российской газеты» и «Новой газеты», конструирующие концепт «информационная война» и содержащие формальный показатель этого концепта — его первичную номинацию, выраженную словосочетанием «информационная война».

При этом мы признаем, что реальность информационной войны поддерживается и другими текстами, не называющими данный концепт эксплицитно, посредством первичной номинации, однако в данном случае такие тексты нами не рассматриваются. Полученные массивы проправительственных и оппозиционных медиатекстов разделим на группы:

1) по соотношению концепта и реальности — тексты, в которых прямо или косвенно утверждается актуальное внедискурсивное бытие информационной войны, и тексты, не содержащие такого утверждения;

2) по вовлеченности России — тексты, в которых Россия связана с конструируемой информационной войной, и тексты, в которых такая связь отсутствует.

Материалом для дальнейшего анализа являются тексты, в которых утверждается наличие информационной войны, связанной с Россией. Их интерпретация предполагает:

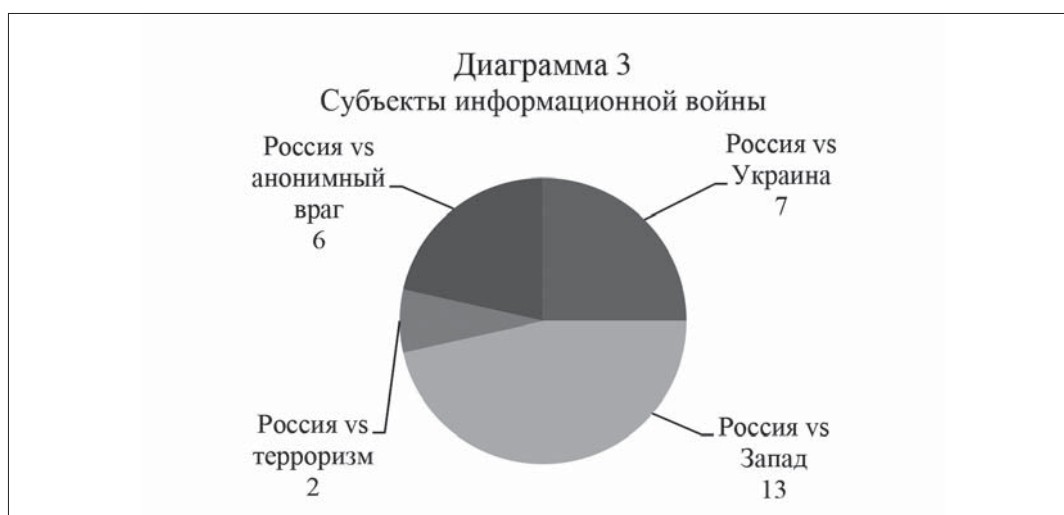
1) выявление субъектов конструируемой информационной войны и той роли, которую в ней играет Россия;

2) выявление содержания конструируемой информационной войны, которое в данном случае сводится к характеристике методов ее ведения.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

База данных «Интегрум» фиксирует 33 текста «Российской газеты» за 2015 г., содержащих словосочетание «информационная война». В трех из них отсутствует констатация того, что информационная война является актуальной реальностью. Два материала рассказывают об информационной войне, которая с Россией не связана. Остальные 28 материалов утверждают, что Россия вовлечена в информационную войну.

1. Субъекты информационной войны и особая роль России. В большинстве отобранных текстов назван субъект, противопоставленный России в рамках информационной войны. Можно обозначить три таких субъекта: Запад, Украина и терроризм. Причем все они представляются внешними по отношению к России (ср. с понятием «внешний враг»). Выделяется также группа текстов, в которых данный субъект является анонимным, то есть не названным в силу каких-либо причин. Для того чтобы составить представление о частотности конструирования перечисленных субъектов информационной войны, обратимся к диаграмме 3.

Охарактеризуем специфику конструирования отношений между Россией и противопоставленными ей субъектами. Типичны утверждения о том, что последние ведут против России информационную войну:

Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» Франц Клинцевич говорил об экономической и *информационной войне*, объявленной России Западом (Замахина Т. Отличить гостей от недругов // Российская газета. 2015. 20 янв.);

Собеседник корреспондента «РГ» из спецслужбы считает, что налицо акт *информационной войны* против России, организованной террористами (Установлен источник информации о якобы готовящихся терактах // Российская газета. 2015. 11 нояб.).

Таким образом, Россия представляется не столько в качестве субъекта информационной войны, сколько в качестве ее объекта — стороны, пострадавшей от агрессии. В связи с этим действия России рассматриваются как оборона:

Ефим Пивовар: «России необходимо оружие для защиты в *информационной войне*», — считает историк (Замахина Т. Нарышкин взялся за пистолет // Российская газета. 2015. 10 мар.).

Показательно, что в некоторых случаях, обороняясь, Россия противостоит не врагу, а самой информационной войне:

Александр Бастрыкин: Бороться с *информационной «войной»* можно только правдой. Уже вышла подготовленная СК России «Белая книга», в которой содержится описание тех злодеяний, которые имели место на Украине (Козлова Н. Исключительное право // Российская газета. 2015. 23 июл.).

Такой подход позволяет продемонстрировать особый статус России и вывести ее из числа субъектов информационного противостояния. Отметим, что наш материал не содержит ни одного контекста, в котором Россия была бы представлена как активный участник информационной войны. Можно предположить, что проправительственный дискурс налагает ограничения на конструирование соответствующей реальности. Постараемся объяснить причину данного табу. Дело в том, что концепт «информационная война» в текстах «Российской газеты» последовательно погружается в негативные контексты, что подчеркивает отрицательную оценку этого явления:

Мария Захарова, представитель МИД РФ: Теперь же Россию стали обвинять еще и в ведении «*информационной войны*». В то же время Россия просто хочет, чтобы ее мнение было услышано, не навязывая каких-то установок и представлений (Тимофейчев А. Из России — без ненависти // Российская газета. 2015. 14 сен.).

В тексте констатируется наличие информационного противостояния между Западом и Россией, однако подчеркивается, что Россия не ведет информационную войну, но при этом обвиняется в ее ведении. Другими словами, Россию «считают виноватой, виновной в чем-л.» [БТСРЯ, 2000, с. 662]. При этом «виноватый», «виновный» — это «тот, кто совершил проступок, преступление» [Там же, с. 131]. Таким образом, информационная война приравнивается к преступлению. Исключаются и типичные для традиционной войны парадигматические связи типа «справедливая война», «освободительная война» и др. Следовательно, участие России в информационной войне табуируется в связи с тем, что проправительственной прессе необходимо сконструировать положительный образ страны и исключить приписывание ей отрицательных характеристик, связанных со статусом субъекта информационной войны. Поэтому Россия показана либо как жертва войны, либо как сторона, противостоящая войне, но ни в коем случае не как ее участник.

2. Содержание информационной войны. В материалах «Российской газеты» информационная война представляется главным образом как конструирование реальности, которая, с точки зрения субъекта высказывания, не соответствует действительности и наносит вред объекту агрессии, в качестве которого, как правило, выступает Россия:

Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента РФ: В Кремле советуют во время информационной войны очень осторожно относиться к ненадежным источникам. <...> «Нужно быть очень аккуратными, потому что в интернете распространяется много *лживой информации*», — предупредил он (Латухина К. Чувства — взаимные // Российская газета. 2015. 25 окт.);

Для нас открытие такого мультимедийного центра очень важно, — подчеркнул председатель Государственного совета РК Владимир Константинов. — Идет информационная война, и наши недруги постоянно пытаются информацию о наших успехах *исказить*, а наши промахи — *преувеличить* (Изотов И. Дмитрий Киселев открыл в Крыму медиациентр МИА «Россия сегодня» // Российская газета. 2015. 12 мар.).

Приведенные примеры прямо называют действия субъектов, противопоставленных России: распространение лживой информации, искажение информации об успехах и преувеличение

промахов. Однозначное отношение к этим действиям фиксируется с помощью оценочной лексики: лживый — «содержащий ложь» [БТСРЯ, 2000, с. 495], то есть «намеренное искажение истины» [Там же, с. 504], исказить — «представить в ложном, неправильном виде» [Там же, с. 398].

Отдельно следует выделить указания на такой способ конструирования ложной реальности, как «переписывание истории»:

Владимир Чуров, глава ЦИК РФ: Многие мемуары о войне выпускаются без должных комментариев редакции и являются книгами, подготовленными западными авторами и содержащими 99% *лжи* (Петров В. Выбирать правду // Российская газета. 2015. 16 мар.);

Однако сейчас приходится сталкиваться все с большим количеством попыток (особенно западных) *переписать историю* Второй мировой, говорили участники встречи (Замахина Т. Нарышкин взялся за пистолет // Российская газета. 2015. 10 мар.).

В современном российском медиадискурсе названный феномен идеологизируется и получает негативную оценку. При этом наш материал показывает, что переписывание истории, в том числе посредством издания книг (мемуаров и учебников), связывается с влиянием Запада, который таким способом осуществляет информационную атаку в отношении России. В таких публикациях основным средством борьбы с информационной агрессией объявляется правда, которую публикуют «правильные» источники:

Александр Бастрыкин: Бороться с информационной «войной» можно только правдой. Уже вышла подготовленная СК России «Белая книга», в которой содержится описание тех злодеяний, которые имели место на Украине (Козлова Н. Исключительное право // Российская газета. 2015. 23 июл.);

Глава Российского общества историков-архивистов Ефим Пивовар назвал одну из мер, которая позволит донести населению *правду* о войне, — нужно включить факты о концлагерях, жизни военнопленных в лекции об истории для учащихся. «России необходимо оружие для защиты в информационной войне», — считает историк (Замахина Т. Нарышкин взялся за пистолет // Российская газета. 2015. 10 мар.).

Таким образом, содержание концепта «информационная война» в материалах «Российской газеты» обычно включает смысл

«искажение реальности», а конструирование данного концепта неизбежно предполагает метаязыковую рефлексия, направленную на выявление и описание способов искажения реальности, которые носят вербальный характер.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В ОППОЗИЦИОННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

База данных «Интегрум» фиксирует 24 текста «Новой газеты» за 2015 г., содержащих словосочетание «информационная война». В пяти из них отсутствует констатация того, что информационная война является актуальной реальностью. Три материала рассказывают об информационной войне, в которую не вовлечена Россия. Остальные 16 материалов прямо или косвенно утверждают, что Россия вовлечена в информационную войну.

1. Субъекты «информационной войны»: Россия в ряду других. В текстах «Новой газеты», конструирующих концепт информационная война, можно выделить знакомые нам группы субъектов, противостоящих России (Запад, Украина, анонимные субъекты). Однако здесь появляется и новая группа текстов, в которых говорится о внутренней информационной войне, осуществляемой различными внутрироссийскими субъектами, что демонстрирует неоднородность России как государства и общества. Соотношение названных типов показано в диаграмме 4.

В «Новой газете», в отличие от проправительственной прессы, нет ограничений на конструирование России в качестве активного субъекта информационной войны:

Пока же, чисто субъективно, складывается такое ощущение, что ни Россия, ни Украина не прикладывают особых усилий для

выяснения причин катастрофы, спихивая ответственность друг на друга с использованием приемов информационной войны (Рейс МН17 // Новая газета. 2015. 13 июл.);

38 книг, изданных в России, запрещены к ввозу на территорию Украины. Причина: «Применение Российской Федерацией против граждан Украины методов информационной войны и дезинформации, распространения идеологии человеконенавистничества, фашизма, ксенофобии и сепаратизма» (Шенкман Я. Книги не пахнут // Новая газета. 2015. 14 авг.).

В первом фрагменте журналист утверждает, что Россия и Украина в равной мере используют приемы информационной войны, являясь, таким образом, ее активными субъектами. Из второго фрагмента видно, что Россия представлена в качестве субъекта информационной войны лишь в цитате из официального документа Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины. Отметим, что впоследствии автор материала выражает несогласие с позицией украинской стороны. При этом он оспаривает не саму возможность участия России в информационной войне против Украины, а тезис о том, что изданные книги являются частью данной войны.

Следует также отметить, что собирательный субъект информационной войны, обозначенный нами как «Запад», часто представлен в текстах «Новой газеты» отдельными государствами, которые ведут с Россией локальные информационные войны:

Политическая ситуация между Литвой и Россией носит характер информационной войны (слова Миндаугаса Билиуса, легкоатлета из Литвы. — *Прим. авт.*) (Кобылкина Д. Мы сами раздвигаем границы // Новая газета. 2015. 02 окт.);

Это еще один пример информационной войны, которая идет вокруг этого контракта с 2009 года (Сафронов Ю. Харон и «Мистраль» // Новая газета. 2015. 28 авг.).

Такой подход разрушает идею глобальной информационной войны против России и позволяет сконструировать более сложную реальность, в которой демонстрируется неоднородность Запада и наличие отдельных проблем во взаимоотношениях России с отдельными западными странами.

Более сложной и неоднородной представлена также Россия, внутри которой тоже разгораются информационные войны.

Часто они инспирированы не внешним врагом, а субъектами, прямо или косвенно связанными с российской властью:

Для необычной по меркам студентов и обычных офисных работников спешки есть причины. За опоздание на дневную смену в ООО «Интернет-исследования», которое занимает все 2500 квадратных метров серого здания, штрафуют на 500 рублей. Оно и понятно: в интернете прямо сейчас кто-то не прав, в информационной войне счет идет на секунды (Хачатрян Д. Как стать тролльхантером // Новая газета. 2015. 11 мар.);

В конфликте вокруг оперы, перешедшем в стадию масштабной информационной войны, высветилась одна деталь... <...> Самое интересное в послании Красова — его скромная подпись: «Православный, офицер запаса ФСБ». Возможно, пресс-секретарь епархии так подписался, чтобы дать понять «культурной общественности», какой «конфессии» она дерзнула противостоять («Варвары духа» берут в кольцо // Новая газета. 2015. 30 мар.).

Интересно, что в приведенных фрагментах выделен лишь один активный субъект информационной войны: в первом случае — Кремль, а во втором — силы, которым, как мы видим, приписывается связь с российскими спецслужбами. Этот субъект осуществляет действия против своих оппонентов, которые, однако, не представлены в качестве активных участников противостояния, то есть занимают позицию объекта информационной атаки. Впрочем, можно выделить тексты о внутрироссийских информационных войнах, в которых конструируется противостояние двух сторон:

Перевес в этой информационной войне, конечно, у первых, но ресурсы у их оппонентов не так уж малы: у омского отделения КПРФ есть газеты и телевидение, коммунисты проводят пикеты и митинги, освещаемые местными интернет-изданиями (Всероссийский капитальный чес // Новая газета. 2015. 27 июл.).

В данном фрагменте речь идет о противостоянии властей Омской области и местного отделения КПРФ, связанном с взиманием платы за капитальный ремонт.

2. Содержание информационной войны. С одной стороны, так же, как и в текстах «Российской газеты», информационная война представлена как практика искажения реальности:

Полтора года назад «Новая газета» рассекретила «логово троллей» — полусекретный офис в петербургском районе Ольгино, где в три

смены *вешали лапшу на уши* сетевых пользователей, публикуя (за умеренную плату) проправительственные посты и комментарии (Хачатрян Д. Как стать тролльхантером // Новая газета. 2015. 11 мар.).

В подобных контекстах концепт «информационная война» наполняется однозначно негативным содержанием. Особенно показателен здесь фрагмент, в котором используется экспрессивный фразеологизм «вешать лапшу на уши», имеющий значение «рассказывать небылицы; обманывать» [БТСРЯ, 2000, с. 487].

С другой стороны, в текстах «Новой газеты» содержание концепта «информационная война» существенно расширяется. В некоторых случаях оно охватывает распространение противоречивой и непроверенной информации:

25 августа «Интерфакс» сообщил, что Франция вернула России все, что была должна за «Мистрали». И что это «более миллиарда евро». На следующий день официальный представитель правительства Франции Стефан ЛеФоль заявил, что сумма «меньше 1 миллиарда» (Сафронов Ю. Харон и «Мистраль» // Новая газета. 2015. 28 авг.).

В других контекстах информационная война сводится к распространению критической информации:

Республика Марий Эл ведет информационную войну с Кировской областью. Марийские СМИ уже месяц рассказывают, как тяжело жить в соседнем регионе, а глава республики с 14-летним стажем Леонид Маркелов обвиняет кировского губернатора Никиту Белых в «некорпоративности» (Жилин И. Подсчет чужих ям // Новая газета. 2015. 27 июл.);

Показатели собираемости взносов за 10 месяцев скачкообразно менялись несколько раз... <...> Вероятно, зависят они от активности, с одной стороны, областных агитаторов, разъясняющих жителям области необходимость этой платы, а с другой стороны — правозащитников и коммунистов, призывающих граждан не оплачивать «липовый капремонт» (Всероссийский капитальный чес // Новая газета. 2015. 27 июл.).

В первом примере речь идет о противостоянии представителей власти двух российских регионов, при этом одна из сторон распространяет о другой критическую информацию. Во втором примере стороны ведут политическую борьбу вокруг взимания платы за капитальный ремонт. Перечисленные методы ведения

информационной войны не воспринимаются как ненормативные, что приводит к переосмыслению данного концепта: информационная война — это обычный инструмент политической борьбы.

Впрочем, концепт «информационная война» получает отрицательное оценочное приращение при наличии связей с понятием «российская государственная пропаганда», которая является одиозной идеологемой оппозиционного дискурса:

А печальная новизна ситуации в том, что большинство населения добровольно свалилось в объятия еще невиданной массовой *информационной войны, государственной пропаганды* <...> Тролли занимают низшую ступень в пищевой цепи *проправительственной пропаганды*. Но зато их много, что позволяет отравлять ядовитыми помоями даже сообщества, максимально далекие от политики. Нужно как-то наводить информационную гигиену (Хачатрян Д. Как стать тролльхантером // Новая газета. 2015. 11 мар.).

Таким образом, «Новая газета» конструирует реальность с множеством информационных войн, имеющих разное содержание: от распространения ложной информации до критики оппонентов в процессе политической борьбы. В результате рассматриваемый концепт утрачивает однозначную отрицательную оценку и проявляет потенцию к включению в нейтральные контексты.

Выводы

Исследование показало существенные различия в медиареальности, которую предлагают аудитории проправительственный и оппозиционный дискурсы СМИ. Так, в проправительственной «Российской газете» конструируется глобальная информационная война, которая заключается в распространении не соответствующей действительности информации и ведется против России различными внешними по отношению к ней субъектами. Информационная война рассматривается как негативное явление, в связи с чем Россия в ней не участвует, а лишь противодействует агрессорам. В оппозиционной «Новой газете» информационная война теряет признаки глобального явления, что приводит к появлению локальных информационных войн. Их активным участником, наряду с другими субъектами, становится и Россия. Выделяются также внутрироссийские информационные конфликты, в том числе инспирированные

российской властью. При этом к информационной войне относится не только искажение реальности, но и распространение непроверенной, противоречивой и критической информации.

1.4. Методика и результаты мониторинга СМИ

Основной целью мониторинга было получить срез современного российского дискурса СМИ с фиксацией национально-гражданских идентификаций и обращений к концепту «информационная война» в журналистских текстах.

Мониторинг проводился среди тех российских СМИ, которые по данным Медиалогии (Автоматизированная система мониторинга СМИ) занимали в марте 2015 г. первые два места по рейтингу цитируемости. Мониторингу подвергались: печатные, теле- и радио СМИ, интернет-СМИ. Рейтинговые СМИ находятся в зоне внимания профессионального сообщества и составляют ядро российской журналистики. Кроме того, опора на данные Медиалогии позволила охватить основные содержательные сегменты СМИ: политический, деловой и развлекательный.

Источники материала: газета «Коммерсантъ» (223 текста); газета «Известия» (126 текстов); журнал «Форбс» (97 текстов); журнал «Starhit» (73 текста); телеканал «Россия 24» (5 выпусков «Итоговый вечерний выпуск новостей» — всего 125 минут эфира, и 127 новостных текстов с ленты новостей); телеканал «Дождь» (5 выпусков вечернего шоу «Здесь и сейчас»; ток-шоу «Hard Day's Night»; «Собчак живьем»; «Говорите с Юлией Таратутой» — всего 480 минут эфира); радиостанция «Русская служба новостей» (программы «Все главное сейчас», «Позиция» и «Умные парни» — всего 15 эфиров по 60 минут); радиостанция «Эхо Москвы» (5 информационных выпусков «Большое Эхо», 10 выпусков программы «Особое мнение» — всего 900 минут эфира); интернет-ресурсы Lenta.ru (455 текстов) и RBK (800 текстов). Итак, всего было проанализировано около 1900 текстов и 2405 минут (43 программы) эфирного времени. Устные тексты в случае отсутствия их расшифровки на сайтах телеканалов и радиостанций были переведены в письменный вариант с фиксацией пауз и сохранением речевых, грамматических и смысловых ошибок. Печатные тексты и тексты с интернет-ресурсов не правились, при цитировании журналистских текстов сохранены орфография, пунктуация, смысловые и речевые ошибки.

Период проведения мониторинга 23 марта — 29 марта 2015 г. Этот период относительно стабилен с точки зрения происходящих политических, экономических и культурных событий в России и мире. В российской повестке дня в это время наблюдается, с одной стороны, сокращение доли тем о смене украинской власти и ее оценке по сравнению с 2014 г.; с другой — возрастание количества текстов о противостоянии России и «Запада» в связи с расширением санкций с обеих сторон. Также в этот период еще не начата российская военная кампания в Сирии.

Жанр. Мониторинг СМИ был направлен на базовые журналистские жанры — новостные выпуски, информационные заметки и интервью. Эти жанры не только определяют селекцию основных мировых и российских событий, но и содержат актуальную оценку этих событий, задавая аудитории СМИ направление интерпретации происходящего.

Единица анализа. Единицей анализа выступает целостный текст, следовательно, для исследования важен не только фрагмент текста, содержащий идентификацию, но и композиционная и смысловая значимость этой идентификации внутри целого текста.

Для мониторинга СМИ была разработана специальная методика анализа текстов, включающая пять критериев для анализа, и составлен кодировальный лист (Приложение 1). Структура кодировального листа включает как формализованную, так и качественную составляющую. Кодирование текстов осуществлялось всеми авторами монографии — высоко квалифицированными специалистами в сфере качественного анализа текстов СМИ. Однако как бы ни был стандартизован кодировальный лист, всегда остается «пространство» для возможных интерпретаций предмета анализа.

Объем материала. На первом этапе мониторинга методом сплошной выборки было проанализировано 1900 текстов и 43 программы (2405 минут эфирного времени). На втором этапе мониторинга из этого объема текстов были отобраны публикации, содержащие национально-гражданские идентификации россиян и концепт «информационная война» или его маркеры. Всего было отобрано 356 устных и письменных текстов, которые стали основой для создания электронной базы данных — одного из важных результатов мониторинга. Электронная база данных предусматривает автоматическую обработку текстов по одному

или нескольким критериям методики анализа. В тексте могло быть отмечено несколько позиций в каждом из критериев, поэтому при суммировании количественных показателей итоговое число будет отличаться от общего количества проанализированных текстов. Созданная электронная база данных находится по адресу: <http://finder.lv426.ru>.

Критерий 1. Субъект идентификации. Наша методика предлагает фиксировать принадлежность высказывания, содержащего идентификацию. Субъекты идентификации поделены на две позиции: журналист и нежурналист. К журналистским высказываниям относятся тексты с авторством или без авторства, но опубликованные или проговоренные от имени конкретного журналиста, издания, информационного агентства, канала, радиостанции. В качестве журналистского авторства кодируется также косвенная речь анонимного или обобщенного персонажа, включенная в журналистский текст, например:

По мнению американских военных, главная угроза для США в киберпространстве исходит от РФ, Китая, Ирана и Северной Кореи (Черненко Е., Сафронов И. К кибероружию примеряют ядерную модель // Коммерсантъ. 2015. 23 мар.).

Высказывание, содержащее идентификацию россиян, кодируется как «нежурналистское», если оно принадлежит эксперту или лидеру общественного мнения и является прямой речью или дословным цитированием. Если в речи эксперта присутствуют ссылки на анонимные или обобщенные источники, в которых содержится идентификация россиян, то эти высказывания фиксируются, как принадлежащие нежурналисту. Например, высказывание представителя Совета Федерации:

У России нет изоляции, а идет манипулирование общественным сознанием через цифровые технологии, которыми американцы владеют блестяще. Это тоже подчеркивает Обама в своей последней речи в Вест-Пойнте, об этом говорят американские политики (Андреева М. Сенатор Морозов уверен, что Франция подорвет свой имидж на рынке вооружений. Позиция // РСН. 2015. 23 мар.).

Количественный анализ показал, что идентификации россиян чаще артикулируются в речи нежурналистов — 264, что примерно на 25% выше, чем количество идентификаций россиян, исходящих от журналистов, — 198. Это говорит о том, что в дис-

курсе СМИ репертуар идентификаций задается большей частью нежурналистами.

Критерий 2. Тематическое направление идентификации россиян. Назовем основные внутрироссийские события, получившие освещение во всех анализируемых СМИ: масштабная проверка боеготовности вооруженных сил РФ; «Международный русский консервативный форум» в Санкт-Петербурге; указ Президента об отстранении от должности губернатора Сахалинской области А. В. Хорошавина «в связи с утратой доверия»; выступление президента В. В. Путина на коллегии в ФСБ; увольнение Б. Мездрича, директора Новосибирского театра оперы и балета, в связи с постановкой «Тангейзера». Другие события не становились предметом обсуждения во всех СМИ.

Тематизация национально-гражданской идентичности россиян не показывает предметно-тематическую закреплённость идентичности в социальной реальности. Тематические направления демонстрируют возможности конструирования дискурсивной идентичности россиян как *процесса*, ее структуризации в дискурсе СМИ. Распределение идентификаций по тематическим направлениям опиралось на традиции лексико-семантического анализа [Кузнецова, 1989; Майданова, 2007]. В текстах СМИ присваиваемый россиянам идентифицирующий признак содержит интегральную или дифференциальную сему «политика», «экономика», «спорт» и т. д., на этом основании делалась тематическая кодировка направления идентификации. Например: *Большее половины граждан поддерживают команду президента*. Присваиваемый идентифицирующий признак *поддерживают команду президента* имеет сему «политика» и кодируется как политическое направление идентификации.

Один и тот же анализируемый текст мог быть закодирован как относящийся одновременно к нескольким тематическим направлениям, поскольку идентификации россиян могут относиться как к центральной, так и к периферийным темам текста. Темы в журналистских текстах выстраиваются вокруг события, факта и касаются, как правило, нескольких предметно-тематических сфер, поэтому мы при анализе текстов указывали только тематическое направление идентификации, а не точную принадлежность к конкретной теме.

Невозможно было заранее выделить закрытый набор тем, которые характеризовали бы весь спектр идентификаций россиян,

поэтому по окончании мониторинга был сформирован список зафиксированных тематических направлений идентификаций:

1) политическое — идентифицирующий признак связан с информацией о высших должностных лицах РФ или государственных органах, их деятельности на международном и российском уровне;

2) экономическое — идентифицирующий признак связан с информацией о производственных отношениях внутри России или на международном уровне;

3) благосостояние — идентифицирующий признак связан с информацией о материальном состоянии или уровне качества жизни всех россиян или отдельных социальных групп;

4) историческое — идентифицирующий признак связан с информацией об истории России или с информацией о каком-либо одном периоде исторического развития России;

5) религиозное — идентифицирующий признак связан с информацией о религиозной принадлежности россиян;

6) этническое — идентифицирующий признак связан с этнической принадлежностью россиян;

7) цивилизационное — идентифицирующий признак связан с информацией о различиях условно выделяемых цивилизаций: западная, восточная, российская;

8) ценностное (морально-нравственное) — идентифицирующий признак связан с информацией о морально-нравственных качествах россиян;

9) военное — идентифицирующий признак связан с информацией об участии россиян в военных действиях или их подготовке, о производстве вооружения, о состоянии боеготовности граждан и страны в целом;

10) правовое — идентифицирующий признак связан с информацией о гражданстве РФ, о правах и обязанностях гражданина РФ;

11) спортивное — идентифицирующий признак связан с информацией об участии россиян в спортивных состязаниях, российских или международных;

12) профессиональное — идентифицирующий признак связан с информацией о деятельности или состоянии профессиональной отрасли или отдельных ее участников в России;

13) территориальное — идентифицирующий признак связан с информацией о территориальной принадлежности россиян.

Количественное распределение национально-гражданских идентификаций россиян по тематическим направлениям:

Необходимо прокомментировать выделенные тематические направления. Очевидно, например, что экономическое направление может быть объединено с тематическим направлением благосостояния. Разведение этих направлений связано с частотностью смыслов «благосостояние россиян» в текстах СМИ. Точно также профессиональное направление логически включает в себя такие частные сферы деятельности, как военная и спортивная. Однако при кодировании текстов эти профессиональные сферы выделялись чаще других, поэтому мы вынесли их отдельно как обладающие большей значимостью в текстах СМИ, чем другие профессиональные сферы, имеющие единичные упоминания — театральная и кинематографическая, образовательная и научная, журналистика и др.

Отдельно остановимся на территориальном и цивилизационном направлениях. Эти направления идентификации были заявлены, исходя из предположения, что в СМИ заметную роль играют смыслы, в которых россияне не рассматриваются только как граждане России, а получают надтерриториальную характеристику. В ходе мониторинга эта гипотеза не подтвердилась, такие смыслы нам не встретились. Кодировщики отмечали территориальное или цивилизационное направление, если речь шла о взаимодействии или противостоянии разных государств, и, соответственно, слова типа *Россия*, *Запад*, *Европа*,

сопровождающие идентификации россиян, могут быть в равной степени отнесены и к цивилизационному, и к территориальному, и нередко к политическому направлениям. В связи с этим, несмотря на относительно высокие количественные показатели идентификаций этих направлений, было решено не подвергать их отдельному анализу, а отметить их в ходе анализа политического направления идентификации россиян.

Приведенный перечень тематических направлений может быть расширен из-за обновления повестки дня.

Критерий 3. Оценка идентификации россиян с точки зрения субъекта идентификации. Оценочная позиция субъекта речи распределялась на три разновидности: *позитивная*; *негативная*; *не определяется*. Для отнесения идентификации к *позитивной* или *негативной* кодировщики опирались на эксплицитные и имплицитные средства выражения оценки в публицистическом тексте [Вольф, 1985; Клушина, 2008; Солганик, 1981]. При отсутствии эксплицитной оценки или при наличии сомнений относительно определенности имплицитной оценки мы фиксировали позицию «не определяется».

Мониторинг показал следующие данные: позитивная идентификация — 148, негативная идентификация — 146, не определяется — 160. Незначительные количественные расхождения между видами оценки связаны, на наш взгляд, с тем, что сегодня журналистские тексты стремятся представить противоположные точки зрения. Заметна общая содержательно-композиционная организация журналистских текстов: приводится негативно-оценочная идентификация россиян, исходящая от западного политика или западного обобщенного источника, затем в противовес приводятся слова российского политика, который дает позитивную оценку россиянам по заявленному основанию или отвергает негативную идентификацию, ссылаясь на ведение информационной войны против России/россиян. Такое содержательно-композиционное решение объясняет практически равное распределение негативных и позитивных идентификаций россиян в дискурсе СМИ. При этом оценка с точки зрения журналиста никак не проявляется. В результате адресат текста остается наедине с двумя противоположными мнениями.

Критерий 4. Субъект речи по отношению к идентификации россиян. Этот критерий допускал четыре позиции для говорящего относительно его принадлежности к сообществу

россиян: *включает себя; отстраняется; отказывается; не определяется.*

Для позиции «*включает себя*» основным формальным сигналом выступает личное местоимение «мы» и притяжательное местоимение «наши». Эта позиция встречается нечасто у журналистов, что связано с тем, что журналист, как правило, дистанцируется от новостной информации. В речи нежурналистов употребление «мы», «наши» характеризуется высокой степенью расплывчатости содержания, которое не всегда может быть однозначно определено по содержанию текста. Это может быть мы = жители области; мы = население России; мы = говорящий и его аудитория; мы = представители власти.

Позиция «*отстраняется*» фиксировалась в том случае, если в тексте/титрах указывается статус субъекта речи как гражданина другой страны, не России. Так, в новостях на «Эхо Москвы» приводятся слова Джеффри Пайетта, *посла США на Украине*:

Сейчас Украина сражается на двух фронтах. Это война в Донбассе, агрессия российской стороны, и вторая война — это война за реализацию реформ, война против коррупции. Мы будем продолжать поддерживать Украину в первой войне, в том числе мы будем предоставлять услуги по подготовке национальной гвардии. Что касается поставок вооружений, сейчас этот вопрос обсуждается президентом Обамой и его военными советниками (Поставки оружия из Америки на Украину // Эхо Москвы. 2015. 24 мар.).

Позиция «*отказывается*» предполагает, что говорящий открыто отказывается от присвоенной ему лично или россиянам/России идентификации. Например:

Киев, страны ЕС и США неоднократно обвиняли Россию во вмешательстве в дела Украины. *Россия это отрицает и называет подобные обвинения неприемлемыми. Москва не раз заявляла, что не является стороной внутриукраинского конфликта и непричастна к событиям на юго-востоке*, и заинтересована в том, чтобы Украина преодолела политический и экономический кризис (Миссия ОБСЕ насчитала 225 минометных выстрелов по украинскому селу Широкино [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 29.03.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/03/29/osce/> (дата обращения: 03.11.2017)).

Позиция «*не определяется*» фиксируется при невозможности однозначно сделать вывод на основании формальных показателей текста о включенности/исключенности субъекта

идентификации из сообщества россиян. Именно эта позиция значительно превосходит все другие по данному критерию.

Количественные показатели распределились следующим образом: «включает себя» — 135, «отстраняется» — 56, «отказывается» — 12, «не определяется» — 237.

По данным мониторинга, позиция «включает себя» — 135, на наш взгляд, говорит о частотности употребления в речи личных местоимений, что, с одной стороны, является стандартным морфологическим показателем разговорной речи, а с другой — показателем расплывчатости, нечеткости категории «мы». Позиция «не определяется» является самой многочисленной, что связано с требованиями журналистской объективности в информационных жанрах.

Позиция «отстраняется» — 56 показывает количество идентификаций россиян, высказанных гражданами других стран с дословным цитированием источника.

Благодаря электронной базе данных и автоматической обработке текстов по разным критериям, мы можем объединить позицию «отстраняется» с показателями оценочных идентификаций (критерий 3). Получаем следующие результаты: «отстраняется» с позитивной оценкой — 11; «отстраняется» с негативной оценкой — 45. Очевидно более частотное воспроизведение в дискурсе негативных высказываний о России/россиянах представителями других стран. Соответственно, можно сделать вывод, что негативные идентификации россиян западными политиками активно востребованы в российских СМИ для выполнения функции доказательства ведения информационной войны против России.

Показательно, что позиция «отказывается», то есть прямое несогласие с негативной идентификацией, встречается только 12 раз. Можно констатировать, что в дискурсе СМИ при воспроизведении негативной идентификации россиян не выработан или не востребован механизм доказательного опровержения мнения, с которым не согласен говорящий.

Критерий 5. Этот критерий оценивал присутствие в текстах СМИ концепта «информационная война». Присутствие фиксировалось, если в тексте употребляется имя концепта или используются его лингвистические маркеры. Из 356 текстов, включенных в базу данных, имя концепта присутствует в 18, маркеры концепта присутствует в 97 текстах. Таким образом, примерно третья часть текстов в анализируемый период, который мы охарактеризовали

как достаточно спокойный с точки зрения международных и российских событий, связана с концептом «информационная война». С нашей точки зрения, в данном случае распространенность концепта «информационная война» не определяется простым вычитанием из текстов, не включающих его имя или маркеры. И те, и другие тексты одновременно сосуществуют в дискурсе СМИ и неизбежно конкурируют между собой.

Приведем показатели присутствия имени и маркеров концепта «информационная война» в тематических направлениях идентификаций: политическое направление — 81, территориальное — 27, морально-нравственное — 16, экономическое — 15, цивилизационное — 15, военное — 13, историческое — 10, по благосостоянию — 7, правовое — 4, профессиональное — 4, религиозное — 3, этническое — 2, спортивное — 1. Это означает, что в дискурсе СМИ все тематические направления идентификации россиян в большей или меньшей степени связаны с концептом «информационная война».

При изменении новостной повестки дня концепт «информационная война» может увеличить свою частотность в каком-либо тематическом направлении идентификации россиян, как это произошло, например, в 2016 г. со спортивным направлением идентификации в связи с большим потоком информации о допинге, который предположительно использовали российские спортсмены на Олимпиаде в Сочи.

Выводы

Как показал мониторинг, в дискурсе СМИ национально-гражданская идентичность динамична и исторически изменчива. Мониторинг доказывает, что конструирование национально-гражданской идентичности россиян в СМИ — это процесс, управление которым всегда ограничено, даже при наличии высокого уровня централизованного контроля со стороны государства.

Результаты мониторинга для дальнейшего исследования рассматривались как начальная точка, и по усмотрению авторов при анализе отдельных тематических направлений или аспектов конструирования идентичности россиян привлекался дополнительный материал за 2014–2017 гг.

Раздел 2

Тематические направления конструирования национально-гражданской идентичности в СМИ

2.1. Политическая идентификация: ведущие направления. Практики выбора номинаций в контексте информационной войны

Эмпирический материал показывает, что в анализируемый период практики идентификации россиян в медиадискурсе чаще всего связаны с политическим вектором и систематически взаимосвязаны с присутствием концепта «информационная война».

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КОНЦЕПТОМ
«ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»

С. О. Калганова в политическом направлении идентичности россиян в СМИ выделяет две тематические линии — внутриполитическую и внешнеполитическую [Калганова, 2016]. Однако семантически обе линии объединяются общими дискурсивными практиками идентификации. В обеих тематических линиях номинации *россияне, русские, российские граждане, жители страны* практически не используются, в большинстве случаев в текстах и заголовках происходит метонимическая замена на *Россия, Родина* и/или на местоимение *мы*. Такая замена обеспечивает широкое распространение смысла *Россия, россияне — сплоченное единство* на всю политическую тематику дискурса российских СМИ.

Различие между внутриполитическими и внешнеполитическими оппонентами наблюдается в том, с какими тематическими направлениями идентификации они вступают в отношения смежности.

В идентификациях с внутриполитической тематикой обозначаются разные политические течения, отмеченные как актуаль-

ные для современной России: *либерализм, неонацизм, национализм, фашизм, либерал-фашизм*. Построить такой перечислительный ряд политических течений нам позволяет их общая функция в текстах — пейоративная оценка чуждой для субъекта речи политической позиции. Собственно политическое содержание называемых политических течений в публичной речи размывается до неразличения (см. также: [Каблуков, 2016а, с. 210]).

Смысл преобладающей политической однородности граждан России часто присутствует в информационных текстах о результатах социологических опросов. Политическая однородность связана не с политическим течением или партией, а с фигурой Президента РФ:

В этом смысле данное исследование подтверждает высокий уровень доверия президенту, который, безусловно, распространяется на всю его команду. Одним из достижений Владимира Путина за 15 лет стала стабильная и предсказуемая политика, в том числе взвешенные и выверенные кадровые решения. Граждане понимают и ценят это. Если мы доверяем президенту, то доверяем и человеку, который с ним работает (Елкина М. Больше половины граждан поддерживают команду президента // Известия. 2015. 23 мар.).

Среди рейтинговых СМИ можно выделить «Эхо Москвы» и «Дождь», в текстах которых присутствуют не только практики сплоченного политического единства россиян, но и практики разъединения «власти». Так, на телеканале «Дождь» периодически политически неоднородной освещается законодательная деятельность в Государственной думе:

Фракция «Единая Россия» не намерена поддерживать законопроект коммунистов о запрете платной продленки (Макеева М. Здесь и сейчас // Дождь. 2015. 24 мар.).

В этих же СМИ помимо практик политически неоднородной власти, присутствуют и практики противопоставления «власти» и «народа». Приведем пример воспроизведения такого смысла:

Мне кажется, что знаменитая фраза «страшно далеки они от народа» — это как раз тот самый случай. Как научить нашу власть прислушиваться к пульсу реальной жизни, я не знаю. Что для этого нужно сделать, я не знаю. Дело в том, что когда премьер или президент далеки от каких-то реалий, это еще можно понять: они там на своих облаках витают. Когда министры немножко ниже

сидящие на облаках, но тоже ничего не видят и не слышат — это уже плохо совсем. А, когда чиновники, которые готовят решения, которые, казалось бы, должны понимать детали всего того, что происходит, тоже совершенно далеки от практики и от заботы, от технологий, от всего далеки — это страшно на самом деле. Я уже не говорю о депутатах, которые, конечно, никого из нас во власти не представляют (Муладжанов Ш. Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 24 мар.).

Это фрагмент интервью с главным редактором газеты «Московская правда» Шодом Муладжановым, речь в котором шла об итальянской забастовке врачей в нескольких московских больницах. Выделенные политические субъекты: *президент, премьер, министры, депутаты, чиновники* — противопоставлены врачам и россиянам в целом, соответственно, политическая идентификация россиян выливается в непричастность к политическим и, как следствие, экономическим решениям. Широкого развития в других СМИ тема забастовки врачей не получает, равно как и не получают распространения практики противопоставления власти и народа.

Вернемся к разновидности политической идентификации россиян, которая характеризуется сплоченным единством перед внешними и внутренними враждебными силами, в разной степени конкретизируемыми: *Запад, либеральные оппозиционеры, пятая колонна* и под. Дискурсивное установление сплоченной политической идентичности россиян происходит с помощью присвоения отрицательно-оценочных идентификаторов, например, политическим оппонентам из-за рубежа:

...Америка спровоцировала и теперь раздувает конфликт на Украине, развязывая новую холодную войну (Христенко А. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. Вести недели // Россия 24. 2015. 29 мар.).

Конкретизация враждебных сил может достигать персонификации. Так, при обсуждении снятия неприкосновенности с депутата Государственной думы Ильи Пономарева журналист называет прежде всего юридические основания предстоящего события в связи с возбуждением против И. Пономарева уголовного дела. Далее журналист приводит мнения представителей фракции «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ссылаясь на общее мнение фракции ЛДПР и дает слово самому Илье Пономареву. Однако все депутаты похожим образом говорят

о том, что И. Пономарев *противопоставил себя Родине*, что его *оппозиционная деятельность против власти перешла в оппозиционную деятельность по отношению к собственной стране*. И таким образом нарушения в расходовании денежных средств при оплате лекционной деятельности Пономарева игнорируются, а снятие депутатских полномочий целиком переводится в политическую плоскость — враждебность по отношению к стране в целом.

В этом же новостном сюжете приводятся слова депутата Госдумы от партии «Единая Россия» Франца Клинецевича:

Меня лично как человека ну просто не устраивает все, что делает Пономарев, с точки зрения его позиционирования к Родине, которая его воспитала, дала образование, сделала депутатом Государственной думы. Ты критикуй отдельно взятых начальников и так далее, но не занимайся подрывной работой в отношении своей страны. Очень многие абсолютно четко не разделяют то, что делает Пономарев. Так сложились обстоятельства, которые Илюша сам выстроил сегодня вот вокруг себя (Снятие депутатской неприкосновенности с депутата Пономарева // Эхо Москвы. 2015. 26 мар.).

Обратим внимание, что в приведенном фрагменте Ф. Клинецевич идентифицирует себя в качестве не политика, а частного лица: *меня лично как человека не устраивает все, что делает Пономарев*. Причиной личной неприязни к Пономареву выступает политическая идентификация последнего: *Илья Пономарев становится агентом враждебной России стороны, и выполняет подрывную работу в отношении своей страны* (Там же).

Внутриполитическое разнообразие партий в дискурсе СМИ присутствует формально. Однако формальное разнообразие не влечет за собой содержательных политических различий. Если рассматривать всю совокупность политических идентификаций по данным мониторинга, то истинность смысла «политического единства России» обосновывается с помощью многочисленных повторов этого смысла экспертами и персонажами дискурса СМИ (см.: [Чепкина, 2000, с. 177–178]).

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КОНЦЕПТОМ «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»

Поскольку внешнеполитическая идентификация представляет Россию прежде всего как государство, как международного субъекта, эти идентификации вступают в отношения смежности

с идентификациями территориальной тематики. Территориальное направление также поддерживается устойчивой оппозицией *Россия-Запад*, которая оказывается тесно связанной с концептом «информационная война».

Следует отдельно подчеркнуть, что часто воспроизводятся негативные идентификации, способные задеть достоинство граждан России, типа *Москва должна уступать* (США. — Прим. авт.) «за спасибо». Такого рода высказывания приписываются западным политическим оппонентам. Так, на канале «Россия 24» цитируются слова Стивена Коэна, в тексте он представлен как *профессор Нью-Йоркского университета, историк*:

Каждый политический лидер в Америке со времени прихода Путина к власти говорил: *мы не должны позволить России какую-либо сферу интересов*. Это, кстати, и любимое выражение вице-президента Байдена: «*Россия не может иметь сфер влияния*». И все это в тот момент, когда США двигают военный Альянс НАТО к границам России. Это самое быстрое наращивание сферы влияния в истории в мирное время. Примерно 400 тысяч квадратных миль. Не имеет прецедентов в истории демонизация российского лидера Путина. Мы, к примеру, никогда так не очерняли коммунистических лидеров. Сейчас это болезнь Америки, а не Путина (Христенко А. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. Вести недели // Россия 24. 2015. 29 мар.).

Несмотря на то, что концепт «информационная война» в этом фрагменте не присутствует, медиапротивник, негативно оценивающий Россию, вполне материализован: *политический лидер в Америке, вице-президент Байден, США, военный Альянс НАТО*.

В целом, для субъектной позиции журналиста в информационных жанрах важна ориентация на «объективность», поэтому прямые сигналы личного отношения к передаваемой информации отсутствуют. В связи с этим концепт «информационная война» употребляется в речи журналистов, как правило, со ссылкой на чужое мнение. Например:

Еще раньше, в декабре 2014 г., Стець (Юрий Стець — министр информационной политики Украины. — Прим. авт.) объявлял, что в его ведомстве появится департамент, занимающийся вопросами информационной войны (Аксенов заявил о невозможности украинского вещания в Крыму [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 24.03.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/03/24/tvradiocrimea> (дата обращения: 03.11.2017)).

Речь персонажей и экспертов в текстах СМИ активно структурируется оценочными практиками [Автохутдинова, 2015]. В высказываниях российских политических деятелей и в цитируемых высказываниях зарубежных политиков или в приписываемых им суждениях *Россия* комбинируется с концептом «информационная война» и его лингвистическими маркерами. При этом в большинстве высказываний российских персонажей *Россия* идентифицируется либо как жертва информационной войны, либо как сторона, противостоящая этой войне, но не как ее активный участник.

Внешнеполитические идентификации *России* в текстах на политическую тематику распределяются на дискурсивные практики по установлению различия или сходства. Активны практики указания на идентичность через установление различия в его крайнем выражении — резком противопоставлении, открытой вражде. Складывается антагонистический тип отношений между дискурсивными объектами *Россия* и *Запад*. Последний объект иногда конкретизируется до *Украины, Польши, США, Дании, Канады* или обобщается до *стран ЕС, стран НАТО, западной цивилизации*.

Смыслы враждебности пересекаются на условиях взаимодополнения со смыслами, реализуемыми в военном направлении национально-гражданской идентификации россиян. Постулирование военного противостояния также подчеркивает прежде всего территориальные границы государств.

Менее активны практики через установление отношений сходства, союзничества. Сходство по политической позиции наблюдается между объектами *Россия* и *Болгария, Сирия, Молдавия, страны Арктического совета, Межпарламентский союз*. Здесь наблюдается пересечение политического с экономическим направлением национально-гражданской идентификации. Однако обращение в текстах к практикам идентификации через отношения союзничества, как правило, сопровождается упоминанием враждебной стороны. Так, текст начинается позитивной оценкой действий российских политиков: *...российские парламентарии переориентировали свою внешнеполитическую деятельность на более представительную организацию*. Далее приводятся слова Сергея Гаврилова, члена делегации, главы комитета по собственности Госдумы:

К России в этой организации (Межпарламентский союз. — *Прим. авт.*) традиционно позитивное отношение. Страны Азии, Африки, особенно Латинской Америки никогда за всю историю не выступали с агрессивными заявлениями в адрес России. Работу с ПАСЕ мы считаем бесперспективной. Это сборище не всегда адекватных и радикально настроенных депутатов, которые не могут реализовать себя в реальной политике. Выслушивать их русофобские заказные выступления не имеет смысла (Башлыкова Н. Федеральное собрание меняет ПАСЕ на Межпарламентский союз // Известия. 2015. 25 мар.).

Как известно, выбор стилистически сниженной лексики не случаен, т. к. она, характеризуя европейских парламентариев, обладает бóльшим воздействующим потенциалом, чем позитивно-оценочная лексика, адресованная *более представительной организации*. Этот пример показывает устойчивое распределение стилистического выбора между дискурсивными практиками по установлению различия и сходства в политической идентификации.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЯН В НЕЖУРНАЛИСТСКОЙ РЕЧИ ДИСКУРСА СМИ

Как мы уже говорили, в информационных заметках и интервью журналисты часто соблюдают баланс положительного и отрицательного и обычно дистанцируются от концепта «информационная война», однако гости теле- и радиопрограмм такой баланс соблюдают далеко не всегда. Особенно в условиях прямого эфира на радио они нередко используют неаргументированные заявления и резкие оценки.

Рассмотрим программу «Позиция» на радиостанции «РСН»: интервью под названием «Информационную войну против России на Западе называют конструктивной критикой» (Позиция // РСН. 2015. 24 мар.). Ведущая программы Мария Андреева беседует с Вадимом Деньгиным, депутатом Государственной думы. Тему информационной войны начинает журналист, введение этой темы подчеркивает актуальностью:

Вадим Евгеньевич, тут часто обсуждают такое понятие, как *информационная война*, сравнивают, кто выигрывает, кто проигрывает. С Вашей точки зрения как обстоит дело? Кто выигрывает в информационной войне, связанной с конфликтом на Украине: Россия, Евросоюз?

Приглашенный в качестве эксперта Вадим Деньгин, отвечая на поставленный вопрос, многократно употребляет концепт «информационная война» и активно высказывается от имени «мы». Т. ван Дейк, анализируя речь в английском парламенте, пишет: «Использование типичного в политической сфере местоимения “наш” указывает на то, с какими группами ассоциирует себя говорящий. Впрочем, нужно учесть, что подобная групповая самоидентификация не носит объективный характер, а служит частью моделей и социальных репрезентаций говорящих, которые уже имеют групповую принадлежность. В условиях конкретной специфической речи такие самоидентификации имеют стратегическую направленность (“мы, демократы”) и исключают других (“мы в Англии” — по отношению, в первую очередь, к белому населению). Дискурсивная поляризация “мы/они”, типичная для политического дискурса, отражает не только ментальные репрезентации тех, о ком говорят (англичане/мусульмане), но и категории участников (как они представлены в контекстных моделях), к которым обращаются в коммуникативной ситуации (“мы как консерваторы”/“они как лейбористская оппозиция”» [ван Дейк, 2015, с. 217]. Иными словами, кроме формальных лингвистических показателей типа местоимения «мы» и его падежных форм, необходимо учитывать общий контекст и окружающие смыслы, чтобы найти, какую именно коллективную идентификацию демонстрирует говорящий, употребляя местоимение «мы». В дискурсе СМИ эксперты из числа представителей власти не категоризируют «мы-группу», а с помощью местоимения «мы» задают простую оппозицию мы-они, в которой «мы» конструируется за счет различения с плохими «они»:

В большинстве случаев на Западе не видят никакой информационной войны. По их предположению, ее ведем только мы. А на Западе считают, что это нормальная, конструктивная критика в отношении Российской Федерации. Конструктивной критики я не вижу, а информационную войну развязали как раз пятая колонна, Запад. Хотя, словосочетание «пятая колонна» стало уже ругательным, американцы, европейцы достаточно активно торпедируют. Мы же прекрасно помним недавнее формирование нового министерства информации на Украине, где стали активно поощрять появление так называемых универсальных интернет-солдат, блогеров, которые стали торпедировать Российскую Федерацию. Некоторое время назад ходили слухи о том, что США выделили порядка 25 миллионов

долларов на армию блогеров для торпедирования именно Российской Федерации, для разжигания слухов, вражды, для подвержения сомнению курса нашего правительства, президента, депутатов. Я считаю, что в этой информационной войне, к счастью, нет никаких победителей, потому что России нет смысла в ней участвовать. Мы всегда стараемся от этого отодвигаться. Все происходящее — это попытки навязать нам ее такими способами, как создание на Украине вышеупомянутого министерства, появление этих блогеров и так далее. Нам вообще наплевать на эту войну, что хотите, то и говорите (Депутат Деньгин: «Информационную войну против РФ на Западе называют критикой». Позиция // РСН. 2015. 24 мар.).

Этот фрагмент ярко демонстрирует практику приписывания враждебных действий стороне, которую говорящий оценивает как враждебную не столько внешнеполитическому курсу российской власти, сколько всем гражданам страны. Депутат не использует конкретные номинации для собственной политической идентификации, но при этом многократно употребляет местоимение «мы». Семантическая размытость, неопределенность употребления этого местоимения — это не случайность, а выбор говорящего. Нам здесь важна не столько авторская интенция, сколько именно воспроизведение коммуникативного опыта публичного говорения, когда демонстрируются практики национально-гражданской идентификации через процедуру различения, противопоставления. Чужая сторона более конкретизирована, чем своя: наша национально-гражданская идентификация становится возможной, становится более определенной благодаря враждебному окружению. Описание действий «информационного противника» выполняется с использованием лексики из тематической группы «война»: торпедируют; универсальные интернет-солдаты; армия блогеров для торпедирования именно Российской Федерации; вражда.

Национально-гражданская идентификация россиян осуществляется, в соответствии с темой беседы, по признаку их отношения к информационной войне. Присутствуют два варианта идентификации россиян, один из которых автор оценивает как ложный, навязываемый россиянам извне: В большинстве случаев на Западе не видят никакой информационной войны. По их предположению, ее ведем только мы. Вторая, истинная, по мнению говорящего, идентификация жителей России имеет противоположный смысл:

Я считаю, что в этой информационной войне, к счастью, нет никаких победителей, потому что *России нет смысла в ней участвовать. Мы всегда стараемся от этого отодвигаться. <...> Нам вообще наплевать на эту войну, что хотите, то и говорите* (Там же).

Постулирование острой актуальности национально-гражданской идентификации россиян в соотнесении с концептами «война» и «информационная война» присутствует в интервью на радио РСН с Виктором Баранцом, *военным обозревателем газеты «Комсомольская правда», полковником в отставке*, как представил его ведущий программы «Умные парни». В. Баранец постоянно увязывает, употребляет рядом концепты «война» и «патриотизм», последний рассматривается как важнейшее качество, которое должно быть воспитано у россиян. Так, он с гордостью рассказывает, что Министерство обороны планирует построить парк:

Это будет уникальный парк, и я посмею сказать, что он будет единственным в мире в своем роде, поскольку люди там не только увидят военную технику. Там они смогут пострелять, пожить в блиндаже, купить себе военную форму, покататься на броневике, послушать концерт, поесть гречневой каши с тушенкой, это будет такой гигантский военно-патриотический университет (В. Баранец: Армия не просит повышения зарплат, у военных есть совесть. Умные парни // РСН. 2015. 27 мар.).

Возможность приобщиться к военным артефактам и элементам военного быта говорящий оценивает как важный образовательный проект:

Здесь военный патриотизм стоит на первом месте; это будет такой гигантский военно-патриотический университет.

Такое постулирование неразрывного соединения патриотизма и военно-ориентированного мышления, военного образования для всех, пусть в игровой, развлекательной форме, демонстрирует дискурсивную практику конструирования такой идентичности россиян, которая в мирное время наполнена мобилизационными ожиданиями войны, противостояния врагам и патриотизмом как готовностью к участию в каких-то формах войны.

Тот же смысл воспитания военного патриотизма подчеркивается как главная задача военного парада на Красной площади в честь Дня Победы:

Всего парад будут обеспечивать более 80 тысяч военнослужащих. Представьте себе, какое гигантское количество народа на этом важнейшем крупнейшем политическом мероприятии этого года будет присутствовать. <...> Мы россияне, у нас есть свои традиции, в нашем историческом арсенале великие победы. Может быть, нам забыть победу в войне 1812 года? <...> У нас есть Великая Победа, у нас есть Священная Победа, у нас есть традиция проведения парада на Красной площади. Это не просто торжественное мероприятие (я не люблю это слово), это великий гражданский и военно-патриотический университет (Там же).

Показательна практика объединения в последней фразе гражданского и военно-патриотического.

Здесь дискурс о современной России и ее гражданах формируется таким образом, что патриотизм тотально определяется через связь с армией, гордость военными победами и боеготовность страны в настоящем. Слово *университет* неоднократно метафорически употребляется по отношению к военно-патриотическому воспитанию потому, на наш взгляд, что таким образом задается ценностная иерархия: военный патриотизм выше и важнее светского университетского образования.

Возможную интерпретацию перечисленных восхвалений военному патриотизму как свидетельства милитаристских планов России, несущих угрозу другим государствам, говорящий опровергает, апеллируя к концепту «информационная война», которая трактуется как политическая игра со скрытыми целями:

эти панические крики, что русский Иван со своими ракетными клыками собирается отхапать какую-то карликовую Эстонию, это информационно-политическая провокаторская игра, что придет русский Иван захватить Эстонию. <...> Это паранойя. Прибалтийская паранойя. <...> Есть скандинавская паранойя. <...> Эти лицемерные спекуляции имеют разные причины. С одной стороны, эти паникеры таким образом выколачивают из своих правительств военный бюджет. Это такая игра. <...> И чем сильнее нагнетается российская угроза, тем сильнее этот колпак того, что придет русский Иван. Тем сильнее это довлеет над правительствами, которые лезут в карман собственному народу. Такая спекулятивная игра (Там же).

В итоге с помощью нескольких логических ходов дискурсивно конструируется медийная картина военно-политической ситуации для России и других государств. Во-первых, военно-патриотическое воспитание и образование всех российских

граждан (*университеты*) необходимо для осознания величия страны и памяти о ее великих военных победах. Во-вторых, беспокойство сопредельных стран насчет возрастания военной угрозы со стороны России, резко актуализировавшей военную тематику во внутренней пропаганде, это либо *паранойя*, либо *лицемерная игра* — и то, и другое не соответствует истине, с точки зрения персонажа. В-третьих, военная угроза существует, но исходит не от России, а напротив, от ее соседей:

Но сами натовцы признали, что за последний год у них в 10 раз увеличилось количество военных учений. Представьте себе эту гигантскую военную машину, которая разогревается у наших границ, и пыль из-под траков которых оседает на золотых куполах наших псковских соборов. <...> Все, что делается в сопредельных районах Европы, пахнет военной угрозой. <...> И мы должны сидеть с вами, курить сигареты и пить кофе? <...> У нас армия находится в постоянно разогретом состоянии (Там же).

Мы видим, что в основе представленной логики лежит именно концепт «информационная война». Утверждается, что патриотизм россиян невозможен без военной составляющей. (Само)идентификация каждого россиянина как патриота требует его согласия с этой позицией. Иностранные соседи, не принимающие такую идентичность граждан России, либо охвачены паранойей, либо лицемерно лгут, либо сами представляют военную угрозу для нашей страны. В любом случае возражения против истины военного патриотизма — это свидетельства информационной войны против россиян-патриотов.

Создание образа врага, конечно, способствует консолидации круга своих. Но если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения практик национально-гражданской идентификации, то круг своих становится пустым, свободным знаком с «незаявленной» собственной ценностью, знаком, с которым может себя отождествить любой представитель массовой аудитории.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВЫБОРА НОМИНАЦИЙ ДЛЯ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Как мы уже показали, медиаконцепт «информационная война» является фактором, мобиливающим дискурсивные практики идентификации своих и чужих и требующим от субъектов дискурса определенности идентификации, в первую очередь

в отношении своей политической позиции. Здесь мы выйдем за пределы мониторинга и сосредоточимся на практиках выбора номинаций при изображении в СМИ противостояния власти и оппозиции, при конструировании ситуации «внутрироссийской» информационной войны.

Медиадискурс конструирует применительно к современной России два ярко выраженных политических полюса. Первый включает тех, кто представляет и поддерживает действующую государственную власть. Мы будем называть его проправительственным, хотя в действительности центральным субъектом этого полюса является президент России. Второй полюс — это сторонники оппозиции, которые противостоят действующей власти или просто критически к ней относятся. Приверженность тому или другому полюсу является определяющей для политической идентификации субъектов и персонажей медиадискурса.

Одной из важнейших практик политической идентификации является отбор номинаций для своего круга и для политических оппонентов. Идентификация политического оппонента/врага одновременно сообщает важную информацию о субъекте высказывания, который таким способом также осуществляет акт самоидентификации. Кроме того, конструирование врага всегда подразумевает идентификацию своих, другими словами, создание некой «мы-группы», которой этот враг противостоит.

В центре нашего внимания наиболее актуальные номинации, которые прочно закрепились в политическом лексиконе, характеризуются возрастающей частотностью употребления, тяготеют к семантической трансформации, играют важную роль в конструировании реальности и поэтому могут считаться «ключевыми словами текущего момента» [Шмелева, 1993; 2009, с. 63–65] (см. также: [Вепрева, 2015; Слово и ключевые смыслы..., 2004]).

Итак, мы исследуем практики отбора номинаций для обозначения приверженцев двух полюсов политической сферы: проправительственного (номинации «патриот» и «ватник») и оппозиционного (номинации «либерал», «оппозиция» и «пятая колонна»). Рассматриваемые политические номинации участвуют в конструировании соответствующих конкурирующих вариантов политической идентичности россиян. При этом и проправительственная, и оппозиционная идентичность утверждаются через конструирование обоих полюсов, через идентификацию и «своих», и «чужих».

Материалом для анализа служат тексты российских СМИ за 2012–2017 гг., в том числе тексты, отобранные в ходе проведения мониторинга рейтинговых российских СМИ в период с 23 марта по 29 марта 2015 г. ([Электронный ресурс]. База данных. URL: <http://finder.lv426.ru/admin/>).

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЦИИ «ПАТРИОТ»

Лексема «патриот» традиционно занимает одно из центральных мест в политическом медиадискурсе, однако в последние годы она претерпевает существенные трансформации, обусловленные «приватизацией» патриотизма сторонниками действующей власти (см. также: [Долгова, 2016]). При этом, согласно базе данных «Интегрум», с 2012 г. фиксируется в целом положительная динамика частотности употребления слова «патриот» в текстах СМИ (диаграмма 6).

«Большой толковый словарь русского языка» определяет патриота как «человека, который любит свое отечество, верен своему народу, готов на жертву и подвиги во имя родины» [БТСРЯ, 2000, с. 787]. Как видим, слово содержит положительную оценку, а на первый план вполне предсказуемо выходит сема любви к своему отечеству и народу. Тем не менее, как отмечает С. О. Калганова, за долгую историю употребления слов «патриотизм», «патриот», «патриотический» в российской прессе их оценочность варьировалась от положительной до отрицательной. В советское время они имели устойчивый смысловой компонент «преданность власти, партии», а в 1990-е гг. соотносились с национализмом [Калганова, 2004, с. 351–352].

Перейдем к современному периоду. Особую идеологическую роль патриотизма неоднократно отмечал президент России Владимир Путин:

Эти идеалы патриотизма настолько глубоки и сильны, что никому никогда не удавалось и не удастся перекодировать Россию, переделать под свои форматы. Нас невозможно отлучить, оторвать, изолировать от родных корней и истоков (Путин: патриотизм так силен в России, что никому не удастся перекодировать нашу страну [Электронный ресурс] // ТАСС. 12.06.2015. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2037902> (дата обращения: 29.10.2017));

У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма (Путин: патриотизм — «это и есть национальная идея» [Электронный ресурс] // ТАСС. 3.02.2016. URL: <http://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения: 29.10.2017)).

Однако в современном российском проправительственном медиадискурсе лексема «патриот» приобретает специфическое смысловое приращение:

Идея пришла как это ни странно не мне, на самом деле. *Давно хотела заявить, что я — патриот, как-то поддержать президента.* <...> И тут же я пропела: «Мой Путин, мой милый Путин» (Новосибирская певица Машани попросила прощение у Путина за фамильярность // МК. 2015. 3 фев.);

Я патриот, я Путина поддерживаю, — объяснял он мне, — и да, я приверженец губернатора Ситникова, я вижу изменения, вижу работу (Зотова Н. Под уважением человек // Новая газета. 2015. 7 сен.).

По словам мужчины, таким образом он хотел *поддержать политику президента России Владимира Путина*, а также выразить свое отношение к странам Запада, которые ввели ограничения.

— Я выражаю свое несогласие с политикой Евросоюза в отношении Российской Федерации, — говорит охранник Гайфуллин. — *Являясь патриотом своей страны*, хочу разделить санкционное ограничение, наложенное политическими властями Евросоюза против моей страны (ЕС ответил на просьбу жителя Кубани ввести против него санкции // Lifenews. 23.03.2015. [Электронный ресурс]. База данных. URL: <http://finder.lv426.ru/admin/article/show/359> (дата обращения: 29.10.2017))

Как видно из приведенных примеров, в которых персонажи журналистских текстов осуществляют проправительственную

политическую самоидентификацию, прямая связь устанавливается между патриотизмом и поддержкой власти, олицетворением которой служит Владимир Путин (см.: [Cassiday, 2012; Mikhailova, 2012; White, 2008]). Как следствие, номинация «патриот» закрепляется за сторонниками действующей власти. При этом формулируется идеологическое предписание: патриот не должен критиковать свою страну и особенно власть. Например:

На совещании после заявлений ОНФ первый заместитель главы администрации города Петр Фризен сообщил Ермоленко, что она предатель, так как вынесла «сор из избы», и *настоящие патриоты власть не критикуют* (Кашеварова А. Охота на ОНФ // Известия. 2015. 7 авг.);

...разве можно назвать *патриотом* человека, у которого в любой конфликтной ситуации права любая страна, кроме своей собственной? (Хашченко А. «Быки-патриоты» требуют перемен // Известия. 2015. 14 дек.).

Невозможность самокритики, утверждение непогрешимости действий России и ее власти оказывается одной из ключевых составляющих национально-гражданской идентичности в правительственном дискурсе.

Нетрудно понять, что основными критиками реалий современной России и действующей власти представляются, соответственно, представители оппозиции (в широком смысле этого слова, в том числе без конкретной политической идентификации или с семантически неопределенной идентификацией «либерал»), которые, таким образом, исключаются из числа патриотов. В результате в текстах СМИ фиксируется устойчивое противопоставление патриотов и либералов, предстающих в качестве основной оппозиционной силы:

Быть патриотом — это значит с уважением относиться к своей стране, что очень тяжело дается нашей *либеральной элите* (Адабашьян А. Кто ты, патриот? // Аргументы и факты. 2014. 25 июн.); *Либералы* полагают, что нынешняя ситуация усиливает изоляционистские настроения <...> *Патриотические круги*, со своей стороны, диагностируют ситуацию принципиально иначе: волны либерализма, всякий раз обессиливая нашу родину, толкают ее в пропасть (Пыжиков А. Технократное уравнение // Коммерсантъ-Власть. 2015. 19 янв.).

Таким образом, в проправительственном дискурсе лексема «патриот» получает следующее толкование: «человек, лояльный к действующей власти, имеющий при этом нелиберальные политические взгляды»; данная номинация активно используется для политической идентификации россиян. Присвоение патриотизма как ценности сторонниками действующей власти приводит к тому, что в оппозиционном медиадискурсе данная лексема приобретает отрицательный оценочный компонент:

Другая попытка — игра «Колесо истории» — тоже не удалась по простой причине: очень *патриотичный электорат* решительно ничего не знает об истории своей горячо любимой родины (Тарощина С. Кто ответит за Севастополь? // Новая газета. 2015. 28 окт.);

Муниципальному депутату московского района Якиманка Дмитрию Захарову, по заявлению которого арестовали директора Библиотеки украинской литературы Наталью Шарину, 30 лет. <...> Кроме этого, Захаров *патриот* и борется с «бандеровцами», «либерастами» и пятой колонной (Шенкман Я. Сезон доносов // Новая газета. 2015. 2 нояб.).

Таким образом, в оппозиционном дискурсе номинация «патриот» становится пейоративным обозначением сторонников Владимира Путина, имеющим два синонима: «ура-патриот» и «поцреот». Первый синоним давно вошел в оборот и фиксируется словарями: ура-патриот — это «сторонник ура-патриотизма», то есть «показной, шумно афишируемой любви к своей стране, своему народу» [БТСРЯ, 2000, с. 1395]:

Соломон Гинзбург: Еще есть у нас люди, верящие в *ура-патриотическую пургу*, которую несет телевизор. Но скоро холодильник победит телевизор. Уже побеждает (Ерошок З. Как ни компрометируют саму идею демократических выборов, а закатать их в асфальт уже не получается // Новая газета. 2015. 11 сен.); Ревнителям благочестия и *ура-патриотизма* предлагаются более мягкие, хотя и не менее отвратительные формы участия в «политической» борьбе. Например, донос... (Полухина Ю., Волошин В. Фрик вам! Наследники «русской весны»: маргиналы-политики, хулиганы-патриоты — кто они? // Новая газета. 2015. 6 нояб.).

Второй синоним, более грубый, используется, как правило, в неформальном интернет-общении, но в некоторых случаях проникает и в СМИ, к примеру, в раздел «Блоги» на сайте «Эха Москвы»:

Этот коктейль, в свою очередь, перемежается с кусками, содержащими сумрачную фигуру, являющую собой полубезумную карикатуру на типичного *ватника-поцреота* с речами о нужде в сильной власти и великом будущем России (Кириченко Н. Кинофестиваль «Короче» 2014: российские короткометражки [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 29.08.2014. URL: https://echo.msk.ru/blog/nikolay_kirichenko/1389792-echo (дата обращения: 29.10.2017));

Реально восхитил ворох вчерашней патриотической писанины, посвященной Звягинцеву и его «клевете на Россию». <...> А подумайте, как досталось бы Н. С. Лескову от этих *поцреотов* за «Леди Макбет Мценского уезда»?! (Носик А. 58-я статья для Андрея Звягинцева [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 14.01.2015. URL: <https://echo.msk.ru/blog/nossik/1473578-echo> (дата обращения: 29.10.2017)).

Ключевой для современного медиадискурса статус лексемы «патриот» проявляется также в активной метаязыковой рефлексии, которую осуществляют как журналисты, так и другие субъекты дискурса:

Сергей Грачев: А может ли быть *патриотом* человек, являющийся оппозиционером существующей системе и власти?

Иосиф Кобзон: Конечно, может. Вспомните историю — у нас было достаточно эмиграционных волн. Уезжала интеллигенция, цвет нации. Но, даже находясь вдали от Родины, они ее искренне любили, испытывали ностальгию (Грачев С. Претензии только к себе! // Аргументы и факты. 2014. 9 июл.); Даже понятие *патриотизма* ныне оседлали радикальные представители общества, а люди умеренных взглядов почему-то избегают называть себя *патриотами*. Между тем любовь к родине не может быть оккупирована радикалами (Машкин С. Ефим Пивовар: Историки всегда выполняли социальный заказ // Вечерняя Москва. 2014. 15 июл.).

Метаязыковая рефлексия по поводу номинации «патриот» в оппозиционном дискурсе связана с попытками вернуть слову первоначальное значение. В противовес официозной пропаганде из значения слова «патриот» устраняется сема «невозможность критиковать свою страну». Национально-гражданская самоидентификация не требует обязательного признания непогрешимости России, но, наоборот, предполагает самокритику.

Значительная, и далеко не худшая, часть русских людей как в России, так и за ее границами не любит Кремль и осуждает проводимую им политику. Но Кремль — что бы там ни говорили его лакеи — это далеко

не Россия! Более того, именно потому и отторгают верховную власть, что любимую страну она привела к изоляции, экономическим бедам и падению уровня жизни, а в будущем и вовсе маячит катастрофа. При этом бессовестное чиновничество именует себя *патриотами*, а своих болеющих за Родину оппонентов — *русофобами*. Все с точностью до наоборот! (Троицкий А. Новое старое слово // Новая газета. 2017. 30 авг.)

Автор рассуждает об использовании слова «русофоб» и акцентирует внимание на принципиальной разнице между любовью к своей стране и любовью к власти, к чиновничеству, к Кремлю. Одновременно критической метаязыковой рефлексии подвергаются и современные практики использования слова «патриот». Значение слова «патриот» меняется до противоположного (по сравнению с принятым в проправительственном дискурсе): патриот не поддерживает действующую власть, развалившую страну, болеет за страну, потому что любит ее и способен видеть беды и проблемы, существующие в стране.

Таким образом, реакция оппозиционного медиадискурса на присвоение патриотизма сторонниками действующей власти двояка: с одной стороны, наблюдается метаязыковая рефлексия, демонстрирующая негативное отношение к попыткам элиминировать традиционное значение слова «патриот», с другой стороны, в оппозиционном дискурсе слово «патриот» достаточно активно используется как пейоративная номинация сторонников власти.

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЦИИ «ВАТНИК»

В современном политическом медиадискурсе лексема «ватник» приобрела новое, политизированное значение и стала использоваться в критическом по отношению к власти дискурсе для наименования одобряющих действия правительства граждан как синоним рассмотренной выше номинации «патриот».

Согласно данным базы «Интегрум», частотность употребления слова «ватник» плавно возрастает с 2012 г. в связи с протестами после выборов в Госдуму и выборами президента России, однако наиболее резкий рост приходится на 2014 г. и объясняется событиями на Украине и связанными с ними изменениями политической ситуации в России (диаграмма 7).

Под ватником традиционно понимают «стеганую куртку или безрукавку на вате» [БТСРЯ, 2000, с. 112]. Однако актуализа-

ция лексемы связана с развитием иного значения, основанного на метонимическом переносе: ватник — это «простой человек», который носит ватник и поддерживает действующую власть. Примечательно, что ношение ватника является лишь образным атрибутом «простого человека» и не предполагает реального проявления. Более того, в дальнейшем неактуальной становится и сема «простой человек». А вот смыслы, связанные с поддержкой власти, напротив, остаются обязательными.

В одном из интервью 2014 г. М. А. Кронгауз в связи с событиями на Украине отмечает, что «вырабатываются специальные слова ненависти, <...> когда для одной или другой противоборствующей стороны придумывается как можно более оскорбительное название, потому что привычные нам «кацап», «москаль» и «хохол» никого уже не обижают: они слабые. Так появилось название «ватник» для прорусски настроенных граждан — тут не только национальная окраска, но и социальная: ватник — это одежда для не самых высоких слоев общества, поэтому это еще и принижение по социальному признаку» (Кнорре-Дмитриева К. Максим Кронгауз: Вырабатываются специальные слова ненависти // Новая газета. 2014. 15 сен.). Однако наш материал показывает, что новое значение слова «ватник» появляется в конце 2011 г. — в период активного противостояния оппозиции и проправительственных сил после выборов в Госдуму России, результаты которых, по мнению оппозиции, были сфальсифицированы. Как ни странно, это противостояние конструировалось в том числе как классовый конфликт (см.: [Каблуков, 2012]):

Сергей Кургинян: Пусть народ решает на выборах. Но нельзя смешивать Норку и *Ватник*!

За счет чего Норки-то?

За счет ограбления *Ватников*!

Норке надо снова грабить все больше и больше, а *Ватнику* надо, чтобы его перестали грабить! (Черных Е. Сергей Кургинян: Скажем НЕТ гламурной норковой революции! Вторую перестройку Россия не выдержит! // Комсомольская правда. 2011. 27 дек.);

Если вы имеете какую-либо политическую позицию, во время сетевых споров вас наверняка периодически называют сектантом. *Вы или «оболваненный зомбоящиком ватник», или «белоленточный зомби», «свидетель Навального»* (Макаренко О. 10 признаков политической секты [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 14.09.2013. URL: https://echo.msk.ru/blog/fritz_morgen/1157224-echo (дата обращения: 29.10.2017)).

В первом фрагменте ватниками названы те самые «простые люди», которые идеологически противопоставляются оппозиционно настроенным горожанам в норковых шубах, выступающим против Владимира Путина. Ватники выступают за стабильность и готовы поддержать упомянутого кандидата на предстоящих президентских выборах. Второй пример характеризует более поздний период — после президентских выборов, но до событий на Украине — и отражает эволюцию значения слова «ватник»: теперь это тот, кто противостоит оппозиции («белоленточным зомби» и «свидетелям Навального»). Как видим, сема «простой человек», которая присутствовала при конструировании классового противостояния, уже не актуальна.

Политический кризис на Украине и дальнейшие события, связанные с российско-украинскими отношениями, приводят к резкой активизации лексемы «ватник», а также оказывают некоторое влияние на ее смысловое наполнение. Однако мы намеренно обходим стороной те номинации, которые использовались в российском медиадискурсе для обозначения участников противостояния на Украине. Покажем, как это повлияло на конструирование российской политической идентичности в СМИ:

— Есть ли политические вопросы, в которых ты с Алексеем не согласен и споришь?

— Спорим для повышения навыка споров. Он меня иногда называет *ватником* — *я отстаиваю какие-то моменты по Крыму* (Фельдман Е. Олег Навальный: Сколько бы ни дали, мы выйдем раньше // Новая газета. 2014. 24 дек.);

Информационная повестка зимней Олимпиады плавно и безотрывно перетекла в украинскую повестку. Гражданский конфликт на Украине под шаблоны Системы-2007 лег идеально. Вот одна сторона, а вот другая — выбирайте, кто тут *украин*, а кто *ватник* (Ветерков В. Повестка померла // Новая газета. 2015. 6 апр.).

В первом случае герой интервью, осуществляя политическую самоидентификацию, использует слово «ватник» в значении «тот, кто поддерживает присоединение Крыма к России». Во втором примере «ватник» — тот, кто поддерживает позицию России в вопросе противостояния на Востоке Украины. Такая интерпретация не вносит существенных дополнений или изменений в наше определение, но лишь иллюстрируют его. Можно сказать, что номинация «ватник», означающая сторонника действующей власти, сигнализирует о том, что названный так субъект воспринимает присоединение Крыма и конфликт на Востоке Украины в соответствии с официальной позицией.

В проправительственном медиадискурсе лексема «ватник» и ее дериваты, как правило, используются не для наименования другого, политически чуждого субъекта, а как самоназвание, меняя при этом знак оценки:

Если вы ознакомитесь с аргументацией Беседина, то вам покажется, что вы читаете какой-то текст с проукраинского «Эха Москвы», а не текст, опубликованный в наших любимых *ватнических* «Известиях» (Чаленко А. Русский мученик // Известия. 2016. 27 янв.);

В свободное от работы время Алексей любит путешествовать. Как настоящий *ватник* и *патриот*, предпочитает поездки по России и бывшим странам СССР (Путь героев к «Созвездию мужества» // Московский комсомолец. 2015. 9 дек.).

Покажем оценочную амбивалентность номинации «ватник» с помощью двух фрагментов из «Новой газеты», журналист которой говорит о ватниках как о «чужих», а один из персонажей с гордостью принимает данную номинацию:

Приняв решение вступить в войну в Сирии, Владимир Путин снова заставил разговаривать с собой западных лидеров и отвлек внимание российского *ватника* от медленно дотлевающего Донбасса (Латынина Ю. Нас кинут все // Новая газета. 2015. 5 окт.);

- *А вы считаете себя ватником?*
- *Да! И горжусь этим!*

(Макаренко В. Жители Ростовской области несли цветы и свечи к портретам Бориса Немцова // Новая газета. 2015. 1 мар.).

Часто наблюдается и более сложная ситуация: автор вкладывает номинацию «ватник» в уста некоему второму субъекту, якобы цитирует политического противника, который так называет своих врагов, в круг которых включает себя сам автор. В таком случае фиксируется пренебрежительный оттенок номинации «ватник», однако подчеркивается субъективность этого оттенка:

Наверняка рванет Чхартишвили ближе к дистанционно спасающему страну инсургенту Ходорковскому или рассказывающей о голоде в Москве Маше Гессен. На Руси — непонятливые «*ватники*», пригнутые к земле рабской психологией, а там — настоящая свобода (Шахназаров М. Об одной невынужденной эмиграции // Известия. 2014. 8 сен.);

Во всей этой схеме более всего удручает устойчивый, почти неистребимый антидемократизм наших «либералов», считающих «*ватниками*» всех, кто не готов следовать их догмам (Дискин И. Про схватку «телевизора» и «холодильника» // Известия. 2015. 21 мая).

Это стандартный ход для информационной войны, когда политическому оппоненту приписывается вербальная агрессия в адрес «наших». В противостоянии такому общему врагу конструируется сплоченное единство населения и власти, и это население идентифицируется как жертва информационной войны.

Таким образом, в проправительственном дискурсе номинация «ватник» активно используется для конструирования концепта «информационная война»: по принципу «наши политические оппоненты так нас называют». Это позволяет создать образ врага, перед лицом которого необходимо сплотиться, а также активизирует практики проправительственной национально-гражданской идентификации. Другой вариант использования номинации — ироническое или даже положительное самоназвание.

Оппозиционный дискурс демонстрирует иные практики использования номинации «ватник». Номинация появляется чаще в речи персонажей или в контексте метаязыковой рефлексии.

Это старая российская традиция, потому что народ святой, народ безгрешный. Все. Вот, народовольцы шли в народ, их крестьяне за шкурку хватали, сдавали в полицию, да? То есть абсолютно, как бы, не слушали, радели за батюшку-царя. А у нас все равно

продолжают «Народ святой». Да нет, не в политике дело, дело в народе. У нас искренне вот это все. Мы — настоящая *вата* на 89%. Настоящая стопроцентная вата (Джемаль О. Персонально ваш // Эхо Москвы. 2015. 3 дек.).

В данном примере в речи гостя программы (журналиста Орхана Джемалья) используется слово «вата», которое является производящей единицей по отношению к рассматриваемой нами лексеме «ватник» и, очевидно, воспринимается как более грубый синоним слова «ватник». С помощью слова «вата» выражена негативная оценка и пессимистическая политическая идентификация большинства россиян.

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЦИИ «ЛИБЕРАЛ»

Согласно данным базы «Интегрум», частотность использования в СМИ лексемы «либерал» резко увеличивается в 2011 и 2012 гг. (диаграмма 8). Именно в этот период описываемое в СМИ противостояние между властью и оппозицией обостряется в связи с выборами в Госдуму, результаты которых вызвали сомнения у представителей оппозиции, и кампанией по выборам президента России.

Согласно толковому словарю, либерал — это «сторонник либерализма», то есть «идеологического и общественно-политического течения, объединяющего сторонников парламентского строя, широких политических свобод и частного предпринимательства» [БТСРЯ, 2000, с. 496]. Данное определение не содержит какой-либо оценки, однако практика использования слова в проправительственном медиадискурсе приводит к трансформации

его лексического значения: за счет последовательного включения в негативный контекст у слова «либерал» появляются типовые синтагматические связи и отрицательный оценочный компонент. Например:

Игорь Холманских: *Либерал — это враг народа*, враг своей страны, для которого ценность и интересы западной демократии гораздо важнее, чем интересы своей Родины (Репов С., Фуфырин А. Ящик Чубайса // Аргументы и факты. 2016. 10 фев.); Терроризм и насилие тогда воспринимались нашей либеральной прессой с восторгом. Участие в движении или даже просто сочувствие террористам у наших либералов было правилом хорошего тона. Двигаясь к XX веку, наши *либеральные террористы* убивали много и увлеченно... (Киселев Д. Вести недели // Россия 24. 2016. 31 янв.).

Полпред президента России в Уральском федеральном округе Игорь Холманских актуализирует дискурсивные практики сталинского периода и называет либералов врагами народа, причем единственным основанием для выбора столь агрессивной номинации указана их связь с так называемыми «западными демократическими ценностями». Ведущий государственного телеканала «Россия» Дмитрий Киселев устанавливает прямую связь между либеральной идеологией и терроризмом. Все это, на наш взгляд, имеет целью делегитимировать либерализм и максимально размыть его границы в восприятии аудитории СМИ.

— Во-первых, на фоне присоединения Крыма возникла убежденность в том, что Россия пошла наперекор международной общественности и защитила русских. Во-вторых, актуализировалась роль России как мессии. Граждане считают, что Россия готова защищать и свою страну, и русскоязычное население, проживающее за рубежом, от различного рода врагов, будь то фашисты, *либералы* или Запад, — отметила Карина Пипия (Большинство граждан считают Россию великой державой // Известия. 2015. 24 мар.)

Комментируя результаты социологического опроса, эксперт, социолог «Левада-центра», воспроизводит парадигматический ряд «врагов», где наряду с фашистами и Западом находятся либералы.

Таким образом, лексема «либерал» теряет связь со словарным значением, десемантизируется и становится пейоративом, который используется для обозначения противников действующей

власти (см.: [Каблуков, 2016a]). Данная номинация включается в парадигматические ряды, которые представляются логически абсурдными, но оправданными с идеологической точки зрения (ср.: [Арендт, 1996, с. 464]). Во-первых, это контексты, в которых фиксируется синонимия «либерал — оппозиционер»:

Судя по отношению *либералов* к широким народным массам, *оппозиционные политики* не слишком беспокоятся о своей репутации (Мельников А. Колбасные ценности Гонтмахера // Комсомольская правда. 2015. 16 апр.);

Не отстает от них и наша *либеральная интеллигенция*. *Оппозиционеры* варьируют свои эмоции от неприкрытой радости до издевок по поводу России как государства (Гришин А. Ну сейчас покажут этой Рашке! // Комсомольская правда. 2015. 25 нояб.).

Во-вторых, появляются контексты, противопоставляющие либералов и сторонников действующей власти, которых, как было показано ранее, принято называть патриотами:

Либералы, либеральные художники отрицают Крым, отрицают воюющий Донбасс, отрицают Донбасское восстание. А *патриотические писатели* ездят в Крым, ездят в Донбасс, создают свои произведения об ополченцах... (Реплика Александра Проханова // Россия 24. 2015. 24 июн.);

Но если уж говорить о выборе между *патриотами* и *либералами*, то, на мой взгляд, они одинаково чужды природе нашей страны и населяющих ее народов (Шевченко М. Свобода, справедливость, православие? // Аргументы и факты. 2016. 29 июн.).

Члены антонимической пары «либерал — патриот», если верить толковому словарю, не связаны в языке отношениями противоположности, противоречивости или обратимости. При этом значение слова «патриот», как нам представляется, более прозрачно для носителя русского языка: это «тот, кто любит свою отчизну, верен своему народу, готов на личные жертвы и подвиг во имя родины» [БТСРЯ, 2000, с. 787]. Значение же слова «либерал» для носителя языка является более туманным и реконструируется с опорой на выделенный контекстный антоним. Получается, что так называют представителей оппозиции, которые не любят свою отчизну, предали свой народ. В таких условиях корректируется и понятие патриотизма, который, будучи противопоставленным либерализму как оппозиционному

явлению, приобретает обязательный смысловой компонент «приверженность политике власти».

Активизируются и словообразовательные возможности лексемы «либерал». С одной стороны, появляются составные наименования, отражающие типовые сочетания данной языковой единицы:

На заре XX века Маркс писал о том, что по Европе бродит призрак коммунизма. Сейчас по ней бродит призрак *либерал-тоталитаризма*, и, когда он обретет плоть, эта штука будет пострашнее Бен Ладена (Машкин С. Свобода быть рабами // Вечерняя Москва. 2014. 20 мая);

Но на это наплевать нашим космополитам, *либерал-фашистам*, поскольку их не интересуют права человека на самом деле (Шевченко М. Что будет? // Радио «Комсомольская правда». 2016. 3 мар.).

С другой стороны, появляется слово «либераст» и его дериваты, вся совокупность которых — независимо от реальной этимологии — актуализирует лексему «педераст», имеющую, кроме основного (см.: [БТСРЯ, 2000, с. 789]), еще и пейоративное значение:

И вашим, и нашим за грошик спляшем — так говорила моя бабушка про тех, кого можно назвать, вслед за Лениным, «политической проституткой». А можно — более мягко и современно — *либерастом* (Бокашева Л. Машина времени стала машиной часу // Вечерняя Москва. 2014. 19 сен.);

Вся эта «нанобратия — пятая колонна» — это сборище предателей, которые живут ради денег и мифических *либералистических ценностей* и не знают, что такое Родина и что такое совесть (Цыганов В. Вести // Россия 24. 2014. 12 мар.).

С помощью выстраивания таких синтагматических и парадигматических связей номинации «либерал» конструируется пугающий, резко негативный, но при этом размытый образ внутреннего врага, который не любит Россию и готов предать ее. Наличие такой одиозной фигуры врага призвано укреплять провластно ориентированную национально-гражданскую идентификацию России и россиян как сплоченного единства.

Неудивительно, что подобные практики функционирования слова «либерал» встречают сопротивление в оппозиционном медиадискурсе. Оно сводится, во-первых, к разъяснению того,

что такое либерализм как политическое течение, а во-вторых, к критическому осмыслению описанных выше официозных дискурсивных практик, в том числе их высмеиванию.

Либерализм представляет собой простую идею, согласно которой человек принадлежит сам себе. То есть не государству, корпорации, церкви, ремесленному цеху, семье или призывному пункту. Ругают либерализм чаще всего не по делу, а просто из-за отождествления с конкретными неприятными *либералами* (Мартынов К. Апология либерализма // Новая газета. 2014. 12 мая);

Я считаю, что [я] *либерал*, потому что я, прежде всего, стою на том, что, когда вы говорите о каждом человеке, он должен исходить из того, что он имеет право на то, чтобы, по крайней мере, у себя в национальном государстве иметь право на свободу слова, свободу собраний, право предпринимательства <...> вы должны обязательно соглашаться с порядком, то есть с тем, что важнее всего, выше всего — закон (Евгений Ясин. Я либерал // Эхо Москвы. 2017. 21 фев.);

Единственным способом объяснить нехватку в магазинах мяса, мыла и туалетной бумаги при наличии вышеупомянутых дворцов будет тезис: «Это проклятый Запад, гейропа и прочие *либерасты* мстят Великому Путину за то, что он поднял Россию с колен» (Латынина Ю. Первая экономическая // Новая газета. 2014. 6 авг.).

Таким образом, позитивно-оценочная национально-гражданская идентичность россиян, которая конструируется оппозиционным дискурсом, включает такие базовые ценности, как «свобода», «права человека», «уважение к закону». В последнем примере мы видим уже знакомую практику конструирования ситуации информационный войны, когда в уста политических оппонентов вкладывается вербальная агрессия в адрес «наших», только «нашими» в этот раз выступают оппозиционеры. Взятая в кавычки гипотетическая чужая речь призвана выразить авторское неприятие, отрицание проправительственной политической позиции.

Обратимся к еще одному тексту, высмеивающему официозную российскую пропаганду с помощью развернутой метафоры, где борьба с либералами сравнивается со средневековой охотой на колдунов:

Российская пропаганда, рассуждая о либералах, утверждает две важные вещи.

Во-первых, либералы омерзительны. Согласно телевизору, либералы подвержены сексуальным перверсиям вплоть до педофилии. Они до стыдного глупые, не разбираются в геополитике — царице гуманитарных наук. Не имея стыда, продаются иностранным разведкам, говорят по указке МОССАД, ФБР и СБУ. Они слабы, в том числе и физически. Сочетание физической слабости, глупости, продажности и перверсивной сексуальности делает либералов гадкими. Россиянин, завидев их, обязан перейти на другую сторону улицы.

Во-вторых, либералы развалили СССР. Их разговоры на пресловутых кухнях, песни под гитару, газетные статьи, сатира, акции протеста уничтожили второе по влиятельности государство планеты.

Либералы омерзительны и могут разрушать целые империи — это сочетание хорошо известно специалистам, исследующим крестьянский фольклор. Омерзительный человек, способный приносить беды и несчастья добрым людям, — это колдун (Горюнов М. Колдуны и мы // Новая газета. 2016. 31 окт.).

Используя одновременно с метафорой прием доведения до абсурда, автор создает комический эффект, чтобы показать нелогичность предлагаемой россиянам в проправительственном медиадискурсе национально-гражданской идентичности, которой лишены «либералы»:

Описывая события на востоке Украины, российские СМИ перешли на язык средневековой толпы, охваченной апокалиптическими ожиданиями. Потакая ее страхам, российская пропаганда утверждает, что *колдуны сглазили Россию*, навели порчу, заговорили. От этой порчи Россия утратила самое ценное — свое величие (Там же).

Однако оппозиционный медиадискурс использует номинацию «либерал», ее дериваты и синонимы и в новом, отрицательно-оценочном значении, предложенном проправительственными политиками и журналистами:

Основной вопрос *либерального* сетевого сообщества: можно ли вообще разговаривать с этой властью, — Миронов для себя давно и успешно решил: разговаривал и разговаривать будет, и плоды диалога прочно вплетены в его лавровый венок (Токарева М. Можно ли применить в театре принципы дзюдо? // Новая газета. 2016. 5 дек.).

Но чаще в таких случаях лексема помещается в кавычки, которые передают разные оттенки смыслов: от иронии до условного принятия правил игры и существующих семантических трансформаций (смысл «так называемые либералы»).

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЦИИ «ОППОЗИЦИЯ»

Под оппозицией принято понимать «партию или группу лиц внутри какого-л. государственного органа, партии и т. п., противопоставляющую свои взгляды, свою политику и т. п. взглядам, политике и т. п. большинства» [БТСРЯ, 2000, с. 719]. Активизация лексемы «оппозиция» в российских СМИ наблюдается в 2011–2012 гг. (диаграмма 9). В этот же период происходит размежевание двух значений данного слова.

Первое охватывает так называемую парламентскую оппозицию, получает нейтральную или положительную оценку в проправительственном дискурсе, но при этом, как ни парадоксально, утрачивает семантику противостояния власти: парламентская оппозиция в России поддерживает президента и критикует лишь «отдельные недостатки» (ср.: [Шанин, 2001, с. 215]). Второе значение — оно нас и интересует — охватывает оппозицию, которая действительно противопоставляет свои взгляды официальным, причем значение слова существенно расширяется: речь идет не о группе внутри какого-либо политического течения, а о не имеющей единой организации части граждан России, критически относящихся к некоторым решениям и действиям власти. В проправительственном медиадискурсе лексема, реализующая это значение, последовательно погружается в негативный контекст и приобретает отрицательный оценочный компонент:

Пораженчество — это даже не тактика рациональных циников. Это суицидальная ненависть. Русофобия — историческое проклятие русской оппозиции. Либо они уничтожают страну, либо они

уничтожают себя и вместе с этим всякую возможность оппозиции (Леонтьев М. Однако // Первый канал. 2014. 2 окт.);

Те, кто называет себя российской оппозицией, пожалуй, впервые устроили публичный мозговой штурм. <...> Распад страны, Крым — украинский, в Москве — майдан. Цена, которую, по мнению участников, вполне можно заплатить за некую свободную Россию (Зарубин П. Вести недели // Вести 24. 2016. 13 июн.).

Ведущий авторской программы Михаил Леонтьев активно использует оценочную лексику (*ненависть, русофобия, проклятие*), что позволяет подчеркнуть негативное отношение к оппозиции, а репортер телевизионных новостей Павел Зарубин приписывает оппозиционерам взгляды, которые в официозной системе ценностей воспринимаются как абсолютно неприемлемые. Примечательно, что в первом случае объектом критики становятся не просто представители оппозиции, а так называемые либералы (Михаил Леонтьев начинает программу с фразы «Нашу либеральную оппозицию замучила кремлевская пропаганда»), что свидетельствует о развитии синонимических отношений между данными языковыми единицами. Словосочетания типа «либеральная оппозиция» при этом используются в основном для того, чтобы подчеркнуть смысл «противостояние власти» либо разграничить разные оппозиционные группы:

Когда вышел Ходорковский, *либеральная оппозиция* окончательно рассыпалась как карточный домик. С каждым днем с их идеологической платформой у них остается все меньше аргументов против Путина и власти (Акцынов А. Выпустив Ходорковского, Путин добил либеральную оппозицию // Эхо Москвы. 2013. 23 дек.);

Наша *либеральная непримиримая оппозиция* регулярно общается с несколькими десятками разного рода таких таргамадзе. И в отличие от Удальцова *либеральные оппозиционеры* центром своей сегодняшней пропаганды делают проклятия в адрес «российской агрессии, аннексии и оккупации» (Милитарев В. Но мне левые милей, чем либералы // Известия. 2015. 12 мая).

В первом примере с помощью конкретизатора «либеральный» говорящий показывает, что имеет в виду ту часть оппозиции, которая противостоит президенту. Во втором случае либеральной названа непримиримая оппозиция. Смыслы, неприемлемые для идентификации россиян в проправитель-

ственном дискурсе (*российская агрессия, аннексия и оккупация*), отрицаются путем помещения в кавычки и отнесения их к речи политических оппонентов.

Для того чтобы обозначить названные группы, используется также устойчивое идеологически нагруженное словосочетание «(в)несистемная оппозиция», которое ранее (до 2011 г.) практически не встречалось в медиатекстах и не было предметом серьезной научной рефлексии со стороны политологов (см.: [Давыденко, 2012, с. 104]):

Главная новость в политике — сегодня впервые лидеры так называемой *внесистемной оппозиции*, то есть незарегистрированных партий, были приглашены к Президенту (Елисеев В. Время // Первый канал. 2012. 20 фев.);

Потому что и сама власть вызывает сильное раздражение, и оппозиция не вызывает большого энтузиазма, как *парламентская*, так и *внесистемная* (Исаева М. Раздраженные горожане // Русский репортер. 2012. 31 окт.).

Интересно, что ведущий программы «Время» дает определение рассматриваемому понятию, что говорит о его новизне для широкой аудитории. При этом в состав несистемной оппозиции включаются исключительно незарегистрированные партии. Однако второй пример свидетельствует о более широком понимании данной языковой единицы: несистемная оппозиция противопоставлена здесь парламентской, которая, как уже было сказано, устраняется от противостояния с верховной властью в лице президента, который, как утверждается, выражает взгляды большинства. Следовательно, значение словосочетания «несистемная оппозиция» близко к словарному толкованию оппозиции: это группа, противостоящая политическому большинству. Именно поэтому несистемная оппозиция «демонизируется», превращаясь в обозначение политического врага в дискурсе официальной пропаганды:

...внесистемная оппозиция — это люди, «о которых раньше никто ничего не слышал, из кожи вон лезут, чтобы прославиться тем, что противопоставляют себя президенту России Владимиру Путину». «К таким людям надо относиться как к *врагам народа*, как к *предателям*. У них нет ничего святого», — сказал Кадыров. <...> «Это говорит о том, что этих людей *не заботит судьба России и российского народа...*» <...> Кадыров добавил, что «этих людей надо

судить по всей строгости за их *подрывную деятельность*» (Кадыров приравнял внесистемную оппозицию к врагам народа [Электронный ресурс] // Лента.ру. 12.01.2016. URL: <https://lenta.ru/news/2016/01/12/kadyrov> (дата обращения: 03.11.2017)).

Интерпретация Рамзана Кадырова (предатели, которые пляшут под дудку западных спецслужб) отсылает к фразеологизму «пятая колонна», которому посвящен следующий раздел.

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОМИНАЦИИ «ПЯТАЯ КОЛОННА»

Фразеологизм «пятая колонна», обозначающий «тайных агентов врага — шпионов, диверсантов, предателей, изменников» [Бирих, 2001, с. 284], имеет яркую отрицательную оценку, которая фиксируется как на денотативном, так и на коннотативном уровнях лексического значения. Он был введен в оборот в 1936 г. в связи с событиями в Испании (см.: [Bolinger, 1944, p. 47]) и использовался в советском дискурсе по отношению к врагам народа, которые, как выясняло следствие, непременно работали на иностранную разведку (см.: [Судебный отчет..., 1938]). Таким образом, смысл «противоправная тайная деятельность в интересах врага» был определяющим при выборе данной номинации, причем факт нарушения закона и связи с врагом фиксировался институционально — посредством приговора суда. В 2014 г. отмечается стремительная активизация данного фразеологизма в российском медиадискурсе (диаграмма 10).

Повышение частотности употребления сопровождается идеологической трансформацией значения словосочетания (см. также: [Каблуков 2016б]):

Есть ли в России *пятая колонна* в СМИ? Есть и очень мощная. Это «Эхо Москвы», «Ньюсруком» товарища Гусинского, «Сноб» и РБК товарища Прохорова, владельца баскетбольного клуба в Америке, «Слон» и «Дождь» товарища Винокурова, известного тем, что он обанкротил банк и вывел активы за рубеж, и ряд других (Федоров Е. Новости // Первый канал. 2014. 20 мая);

В наших интеллигентских кругах разразилась дискуссия, которую трудно не заметить. Она проходит в условиях, когда Россия сталкивается с внешними вызовами. Кому-то не нравится словосочетание «*пятая колонна*», но как назвать тех, кто в момент наступления на нас тут же переметнулся на другую сторону? И теперь для них уже все, что там, просто отлично, а все, что здесь, отвратительно (Киселев Д. Вести недели // Россия 1. 2014. 14 сен.).

В первом примере в состав «пятой колонны» включены исключительно СМИ, последовательно транслирующие оппозиционный власти дискурс. При этом фиксируется их условная связь с иностранными государствами. Во втором примере Дмитрий Киселев оправдывает употребление фразеологизма «*пятая колонна*» в отношении тех, кто критикует реалии современной России, в том числе действующую власть (далее в тексте речь идет именно об этом). Получается, что выражение «*пятая колонна*» в проправительственном дискурсе означает политическую оппозицию, якобы действующую в интересах некоего внешнего врага. Из лексического значения фразеологизма исключаются семы, связанные с противоправным характером деятельности пятой колонны (см. также статьи УК «Государственная измена», «Диверсия», «Шпионаж»). Однако разница между семами «работа в интересах иностранного государства» и «противоправная деятельность» легко стирается. В результате всякая оппозиционная деятельность и соответствующие высказывания делегитимируются и воспринимаются как что-то постыдное и даже незаконное:

«Это уникальное совершенно явление — оно продолжается — когда лидер страны, тем более на таких турбулентностях не то что сохраняет свой рейтинг, а увеличивает его. Поэтому, я думаю, голоса *записных критиканов, нано-пятой колонны* — ибо больше перспектив у нас этой «*пятой колонны*» нет — они будут присутствовать в общей какофонии», — отметил пресс-секретарь президента (Песков: Рейтинг Путина зашкаливает, это уникальное явление // Аргументы и факты. 2014. 7 мар.);

Представители так называемой российской «*оппозиции*» (или «*пятой колонны*») сегодня ведут целенаправленную и системную кампанию по дискредитации внешней политики России, лидеров Донецкой и Луганской народных республик, ценностей Русского мира (Городненко Ю. «Пятая колонна» жаждет революции // РИА Новости. 2014. 8 авг.).

Дмитрий Песков называет пятой колонной «записных критиканов» президента, пользующегося стабильной популярностью в обществе. Оценочное слово «критикан» употреблено в соответствии со словарным значением, речь идет о «придирчивых, но поверхностных и пристрастных» критиках главы государства [БТСРЯ, 2000, с. 471]. Таких людей можно было бы назвать неконструктивной оппозицией, однако говорящий выбирает иную, гораздо более агрессивную номинацию. Таким образом, фразеологизм «*пятая колонна*» используется здесь в значении «*оппозиция*», то есть группа лиц, противостоящих политике президента. Второй пример подтверждает правомерность такой интерпретации и однозначно показывает, что названные языковые единицы выступают в качестве синонимов. При этом важно, что фразеологизм «*пятая колонна*», несмотря на отступление от первоначального, исторически возникшего значения, сохраняет чрезвычайно высокий заряд агрессии, что позволяет перевести оппозицию в разряд врагов. Таким образом, проправительственный медиадискурс конструирует чрезвычайную ситуацию, в которой оказалась Россия.

Представители оппозиции включаются в идеологическую игру, предложенную официозной пропагандой, и используют номинацию «*пятая колонна*» в качестве иронического самоназвания:

Один из манифестантов гордо разгуливал с табличкой: «*Я — пятая колонна Запада*» (Латухина К. Я — пятая колонна! // Независимая газета. 2014. 25 окт.);

Просто «*нано-пятая колонна*» в Санкт-Петербурге. Думаю, что слов не нужно. Поэтому решила просто предоставить фото с митинга 8 Марта в Санкт-Петербурге против оккупации Украины (Гусева Е. Просто «*нано-пятая колонна*» в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 9.03.2014. URL: <https://echo.msk.ru/blog/ponka2/1274968-echo> (дата обращения: 29.10.2017)).

Впрочем, подобное словоупотребление вызывает и критическую реакцию, которая реализуется в форме метаязыковой рефлексии:

А сегодня в обиход входят и «пятая колонна», и «враги народа», и «национал-предатели». Как далеко могут завести подобные игры? Сталинские чистки тоже начинались с казавшихся невинными внутрипартийными обвинениями в «ревизионизме», в левом или правом уклоне. Потом появились «вредители» среди инженеров, ученых, врачей, дипломатов, деятелей культуры. Потом в лагеря гребли уже всех подряд — и рабочих, и колхозников, и детей врагов народа (Костиков В. Сумбур вместо политики // Аргументы и факты. 2014. 29 окт.);

Нам все время нужно предъявлять врагов. Это вся система устроена на этом. Понимаете, то, что мы сейчас имеем, никакой новости не представляет. Давайте вспомним, как нам подсовывали разных врагов. Иначе система не работает, иначе народ начинает поворачиваться и смотреть, что вокруг. Вот, чтобы народ не разворачивался, а смотрел только туда, куда надо, ему в его направление взгляда... коридор взгляда — дают врагов. Это были кавказцы. Потом это были азиаты. Потом это были грузины. Потом это стали украинцы... *«Пятая колонна»*, Америка, конечно (Айдер Муждабаев. Особое мнение // Эхо Москвы. 27.03.2015. [Электронный ресурс]. База данных. URL: <http://finder.lv426.ru/admin/article/show/92> (дата обращения: 29.10.2017)).

В первом тексте демонстрируется потенциальная опасность использования таких номинаций, как «пятая колонна». Во втором гость программы «Особое мнение», журналист Айдер Муждабаев рассуждает о причинах поиска врагов.

Все рассмотренные нами номинации используются для конструирования двух противоборствующих вариантов политической идентификации россиян: проправительственного и оппозиционного. Номинации «патриот», «либерал», «оппозиция» обретают амбивалентную оценочность, зависящую от политической позиции, от точки зрения субъекта речи внутри определенного дискурса. Номинации «ватник» и «пятая колонна» используются для конструирования образа политического оппонента, для иронического самоназвания, а также для приписывания политическим оппонентам вербальной агрессии. Последнее используется для утверждения о наличии информационной войны, которую якобы ведет враждебная сторона. Развитие антонимических отношений между названными единицами (патриот — либерал, патриот — оппозиционер и др.) поддерживает поляризацию российского политически ориентированного медиадискурса.

В российских СМИ, несомненно, количественно доминирует проправительственная точка зрения, в том числе при конструировании политического направления национально-гражданской идентификации россиян. Именно проправительственный медиадискурс в первую очередь конструирует политическую реальность через отбор номинаций, расставляет оценочные акценты, именно в проправительственном дискурсе сложились устойчивые семантические трансформации исследуемых номинаций. Отбор номинаций в проправительственном дискурсе определяет и отбор номинаций для оппозиционного дискурса, однако номинации либо меняют знак оценки, либо подвергаются метаязыковой рефлексии. В оппозиционном медиадискурсе политическая идентичность россиян оказывается сформированной преимущественно «от противного», через отрицание проправительственной позиции и рефлексию над ней.

Выводы

В рейтинговых СМИ национально-гражданская идентичность россиян предстает как сетевой концепт, в котором ведущую роль играют политические идентификации россиян с общим смыслом сплоченного единства. Истинность такого смыслового наполнения обеспечивается многократными повторами в разных текстах СМИ. В идентификациях-высказываниях номинации *россияне*, *русские*, *российские граждане*, *жители страны* практически не употребляются, в большинстве случаев используется метонимическая замена на *Россия*, *Родина* и/или на местоимение *мы*, что также «работает» на конструирование смысла единства граждан. Однородная политическая идентификация *России* устанавливается через отрицательно-оценочную идентификацию враждебной стороны, с разной степенью конкретизации. Также активно воспроизводятся цитаты или обобщенные мнения с отрицательными идентификациями по отношению к России, что может быть интерпретировано как свидетельство ведения информационной войны западными противниками. При этом, прежде всего, конструируется однородность круга *своих* с лишением этого круга набора конкретных позитивных ценностных смыслов. В зависимости от того, какую субъектную позицию в информационных жанрах занимает говорящий — журналиста или эксперта, персонажа — определяется сужение или расширение стилистического выбора и свободы выражения ценностной позиции.

Конструирование в дискурсе СМИ реальности, основанной на констатации чрезвычайного положения, в котором оказалась Россия, по крайней мере, в 2010-е гг., интенсифицирует практики выбора политической национально-гражданской идентичности россиян, что связано с фактором наличия в медиадискурсе концепта «информационная война». Обнаруживается смежность политического и территориального/цивилизационного направления в национально-гражданской идентификации россиян.

2.2. Экономическое направление идентификации россиян: «кризис», «санкции», «импортозамещение»

В рамках нашего исследования рассматриваются практики конструирования идентичности россиян, в том числе в экономической плоскости. При этом экономическая идентификация субъектов и персонажей медиадискурса дает преломление и обыденных представлений о том, что считать экономическим положением или экономическими взглядами населения страны.

Экономическая идентификация субъекта предполагает выражение тех или иных взглядов на экономику, то есть «организацию, структуру и состояние хозяйства (страны, района и т. п.) или какой-л. отрасли хозяйственной деятельности» [БТСРЯ, 2000, с. 1515]. Выражая эти взгляды, субъект присоединяется к группе «своих», разделяющих те же взгляды, и противопоставляет себя «другим» — тем, кто придерживается иной позиции в экономическом отношении.

Экономическая идентичность чаще рассматривается как психологический и когнитивный феномен, например, как «составная часть экономического сознания» [Спасенников, 2006, с. 116]. При этом российские исследователи концентрируют внимание прежде всего на самоопределении субъектом своего экономического статуса, то есть благополучия или неблагополучия [Журавлев, Купрейченко, 2007, с. 35]. В таких условиях значимым оказывается включение субъекта в определенные социальные — часто профессиональные — группы, которые характеризуют данный статус, например, «советские инженеры», «российские олигархи», «учителя и врачи» и т. п. [Там же]. При этом отмечается, что «экономическая идентичность чаще всего не совпадает с реальным экономическим статусом индивида» [Хашченко, 2005, с. 525]. Точно так же экономическая

идентичность общности, объединенной по территориальному признаку, сводится к «оценке качеств своей территории населением на основе выработанных обществом экономических критериев (уровни дохода, занятости, рост экономического благополучия и т. д.)» [Чернобровкина, 2015, с. 140].

Редукция экономической идентичности россиян к самоопределению их экономического благополучия соотносится с исследованиями О. В. Ильиной, посвященными отражению в СМИ стереотипных представлений россиян о богатых и бедных. Эти исследования показывают, что большинство российских СМИ тиражирует негативные стереотипные представления о богатых, ответственность за наличие бедности и бедных перекладывается на государство, а трансляция представлений о приоритете для россиян духовного над материальным выполняет компенсаторную функцию (см.: [Ильина, 2007; 2008; 2009]). Между тем существует возможность более широкого подхода к экономической идентификации, который не сводится исключительно к рефлексии о благосостоянии, но также заключается в выражении приверженности той или иной экономической идеологии, которая определяет способ конструирования актуальных экономических концептов медиадискурса.

При этом, когда в условиях информационной войны современный российский медиадискурс претерпевает политическую поляризацию, она вынуждает субъектов высказывания принимать сторону действующей власти или оппозиции и в области оценок ситуации в российской экономике, в сфере экономической идеологии. Это разделение выявляется при анализе ключевых экономических концептов медиадискурса (ср. с понятием «ключевое слово текущего момента», предложенным Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1993]), которые по-разному конструируются в проправительственном; мы также будем называть его официозным (см.: [Каблуков, 2016в, с. 807]) и оппозиционном дискурсах.

Далее мы покажем, как осуществляется экономическая идентификация россиян при конструировании трех концептов: «экономический кризис», «санкции» и «импортозамещение».

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Дискурсивный концепт «кризис» оказывает существенное влияние на экономическую идентификацию россиян с 2014 г. Интересно, что проправительственный медиадискурс, фикси-

руя кризисные явления в 2014 г., сначала избегает номинации «кризис». Упомянутые явления, в числе которых девальвация рубля, сразу же маркируются как нормативные, то есть обычные и не имеющие негативных последствий для россиян:

«Если ваши доходы и расходы рублевые, вам должно быть абсолютно все равно, какой там курс, — пояснил Улюкаев, — вас это волнует, если есть какие-то обязательства, которые вы должны исполнить в валюте, или если у вас иной источник доходов и возникают проблемы конвертации. Тогда должна быть трехвалютная корзина из доллара, евро и рубля» (Маркелов Р. Доллару собоют дыхание // Российская газета. 2014. 10 нояб.);

Президент России Владимир Путин считает, что падение курса рубля позитивно сказывается на доходах российского бюджета, передает ТАСС. <...> «Это ведет к обесценению рубля, нашей национальной валюты. Один из факторов, не единственный, но один из них. А что это означает для российского бюджета? Мы-то рассчитываем его не в долларах. Упала стоимость рубля, он немножко обесценился... На 30%... Но вот смотрите: раньше мы продавали товар, который стоил доллар, и получали за него 32 рубля. А теперь за тот же товар ценой в доллар получим 45 рублей. Доходы бюджета увеличились, а не уменьшились», — пояснил Путин (Путин: из-за падения курса рубля доходы бюджета увеличились [Электронный ресурс] // Газета.ру. 23.11.2014. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2014/11/23/n_6676361.shtml (дата обращения: 03.11.2017)).

Примеры показывают, как осуществляется идеологическая переоценка резкой девальвации рубля, которую массовая аудитория — с опорой на собственный негативный опыт 1998 и 2008 гг. — может отнести к кризисным и оценить негативно. Сначала министр экономики России отмечает нейтральный характер данного явления по отношению к населению, признавая, однако, возможный вред для ограниченного числа россиян. Затем президент страны предлагает оценивать резкую девальвацию рубля положительно, так как последняя способствует пополнению бюджета, а значит, отвечает интересам национальной экономики.

Ненормативность девальвации, впрочем, выявляется в некоторых контекстах, которые входят в логическое противоречие с представленными выше элементами конструируемой реальности:

Глава правительства подчеркнул — несмотря на трудности, по итогам года экономика России продемонстрирует рост. Но падение

курса рубля все равно оказалось испытанием для граждан, которые столкнулись с ростом цен (Новости // Первый канал. 2014. 10 дек.);

«Относиться к этому надо, как к плохой погоде, которая пройдет. Нельзя упрощать ситуацию, но ни в коем случае нельзя нагнетать панику, потому что это может только ухудшить ситуацию...», — сказала Валентина Матвиенко (Новости // Первый канал. 2014. 17 дек.).

Позднее интерпретация экономических реалий как кризисных получает ретроспективную легитимацию. Отчасти это происходит уже в конце 2014 г.:

В кратчайшие сроки правительство намерено оформить весь механизм преодоления кризиса, включая выработку дополнительных инструментов (Кузьмин В. Президент подвел итог // Российская газета. 2014. 25 дек.).

Впоследствии обозначение ситуации как кризисной становится общим местом, что приводит к появлению устойчивого сочетания «кризис 2014 года»:

Глава Банка России Эльвира Набиуллина заявила, что в стране не предвидится новой девальвации рубля, как в кризис 2014 года... (Миридонов А. Эльвира Набиуллина: Россию не ждет новая девальвация рубля // Коммерсантъ. 2016. 12 окт.);

Что касается безработицы, то здесь, по мнению эксперта, сыграл свою роль кризис 2014 года... (Игнатова О. Джентльмены не уступают // Российская газета. 2017. 23 мая).

Альтернативная экономическая идентификация российских граждан, осуществляемая в оппозиционном медиадискурсе, предполагает не только констатацию реальности экономического кризиса, но и фиксацию его негативного влияния на экономику России, на жизнь россиян. Для этого используются дискурсивные практики описания экономической реальности, которые характеризуют интенсивность кризиса:

Кажется, уже никто, даже самые отчаянные оптимисты, не сомневается, что происходящее сегодня в России является *полноценным экономическим и социальным кризисом*. Сочетание целого ряда факторов привело к явлению, которое называется «идеальный шторм» (Лебедев А. Кризис и выход из него: четыре решения // Новая газета. 2015. 13 фев.);

Глубокий системный кризис российской экономики не вызывает сомнений. В июне на Петербургском экономическом форуме элиты еще пытались делать вид, что это не столько кризис, а это так Россия идет «своим путем». Правда, компания, в которой президент России выступал с трибуны (вице-премьер Китая, вице-премьер Мьянмы и греческий премьер Алексис Ципрас), была малоубедительной (Явлинский Г. Реформа невыполнима // Ведомости. 2015. 8 нояб.).

Видно, что оппозиционный медиадискурс погружает аудиторию в более суровую экономическую реальность. Так, журналист «Новой газеты» оценивает ситуацию как полноценный, а значит полностью соответствующий этому статусу (ср.: [БТСРЯ, 2000, с. 904]), экономический кризис и даже как «идеальный шторм». Между тем данное словосочетание, как правило, используется для обозначения катастрофических явлений экономики, например, Великой депрессии в США (см.: [Латов, 2013]). Григорий Явлинский называет кризис глубоким, то есть «очень сильным, достигшим значительной степени или предела» [БТСРЯ, 2000, с. 209], и системным, а «термин “системный кризис” в экономической литературе зачастую применяется для обозначения глубины и охвата кризисного потрясения, масштабности и разрушительности данного экономического явления» [Щербаков, 2016, с. 52].

Итак, экономическая идентификация россиян в рассматриваемый период осуществляется под влиянием концепта «кризис». Первым кризисным явлением, которого, несмотря на приведенные выше аргументы Алексея Улюкаева и Владимира Путина, опасаются жители страны, становится девальвация рубля:

Его курс вплотную приблизился к новому рубежу в 39 рублей. Евро тоже резко вырос и впервые с апреля преодолел 50-рублевую отметку. Эксперты связывают удешевление российской валюты с западными санкциями. Однако главная причина, по их мнению, — снижение цены на нефть на фоне стагнации американской и европейской экономик (Новости // Первый канал. 2014. 16 сен.);

Курс доллара вышел сегодня на рекордную отметку. По данным Центробанка, это 72 рубля 51 копейка. Так высоко биржевые котировки уже бывали, но официальный курс выше 72 — вообще впервые с 1998 года (Новости // Первый канал. 2015. 29 дек.).

Такие новости появляются в СМИ периодически и выявляют вполне закономерную зависимость экономического благополучия россиян от курса национальной валюты. При этом новости

об укреплении рубля, как правило, выглядят более выразительно, чем приведенные выше:

Официальный курс на завтра: 60 рублей 71 копейка за доллар — столько он не стоил с окончания зимних каникул. У самой низкой отметки и евро, который за день рухнул на два с лишним рубля. <...> Одним из факторов роста эксперты называют цены на нефть (Новости // Первый канал. 2015. 26 фев.);

Внушительные потери несет сегодня доллар на валютных торгах. «Американец» упал сразу на два с лишним рубля. Официальный курс Центробанк установил на 51 рубль 60 копеек. Евро также сильно теряет в цене — курс на завтра 55,13 (Новости // Первый канал. 2015. 23 апр.).

Интересно, что евро, курс которого до этого за год вырос на 30 рублей, именно *рухнул на два с лишним рубля*, то есть «обвалился, упал с шумом, разрушаясь; обрушился» [БТСРЯ, 2000, с. 1134]. Доллар же — в благоприятном для россиян контексте укрепления национальной валюты — получает выразительную метонимическую номинацию «американец». Причем для обозначения его биржевого поведения используется словосочетание «нести потери», характерное для описания боевых действий (см.: [БТСРЯ, 2000, с. 941]).

Как видно из наших примеров, часто в материалах СМИ отмечается прямая зависимость между курсом рубля и стоимостью нефти, что вынуждает россиян следить еще и за этим экономическим показателем:

На мировых рынках углеводородов продолжается снижение котировок. Нефть марки «Брент» упала в цене до минимальных значений за последние 11 лет. Впервые с июля 2004 на торгах за баррель сегодня давали 36 долларов 17 центов (Новости // Первый канал. 2015. 21 дек.);

Мировые цены на нефть в обозримом будущем могут подняться до 160 долларов за баррель. Такого сценария придерживается ОПЕК в опубликованном сегодня Мировом нефтяном обзоре, который охватывает период до 2040 года. <...> Сегодня нефть марки «Брент» на электронных торгах находится примерно на уровне 36 с половиной долларов (Новости // Первый канал. 2015. 23 дек.).

Приведенные примеры показывают, как проправительственные СМИ формируют оптимистические ожидания россиян

на фоне резкого падения цен на нефть: цитируемые сюжеты вышли практически в одно и то же время, при этом первый сообщает о падении цен, а второй — о прогнозе, согласно которому стоимость нефти вырастет в четыре с половиной раза.

Второе негативное проявление экономического кризиса — это инфляция, то есть рост цен:

Но даже те, кто не понимает, что такое рыночная турбулентность, уже почувствовали ее на себе — для них это рыночная цена, которая заметно подскочила на еду и одежду (Новости // Первый канал. 2015. 25 янв.);

В семье Лазаревых собирают магнетики, любят море, приключения, футбол и безвизовые страны. И весь год с нетерпением ждут отпуска. То есть Лазаревы похожи на типичную семью российского среднего класса. В этот раз еще и тем, что путешествие за границу показалось слишком дорогим. В похожих сомнениях оказались тысячи россиян. Из-за курса рубля привычный отдых стал почти вдвое дороже (Новости // Первый канал. 2015. 12 апр.).

Мы вновь цитируем новостные сюжеты официозного «Первого канала», чтобы показать: проправительственный медиадискурс не игнорирует негативные стороны экономической идентификации россиян и фиксирует рост цен как на предметы первой необходимости, так и на товары и услуги особого спроса, например туристические путевки.

Результатом девальвации и инфляции представлено падение покупательской способности россиян и необходимость экономить:

Рост уровня бедности вынудил россиян отказаться от товаров не первой необходимости: более 50% их трат на покупки в магазинах пришлось на продукты питания. Последний раз такой баланс был в прошлый кризис 2008—2009 годов. Перспектив улучшения ситуации в ближайшее время эксперты не видят (Мартьянов Ю. Повторение проеденного // Коммерсантъ. 2016. 19 апр.);

Наиболее распространенной моделью адаптации к кризису для россиян по-прежнему является экономия — к ней прибегает большая часть населения (73%). В этих условиях наиболее популярными направлениями снижения расходов оказались покупка одежды и обуви (53% среди всего населения и 72% среди сокративших расходы), продуктов питания (43% и 59%) и траты на отдых (43% и 59%). Также массово граждане экономят на досуге и дорогостоящих товарах

длительного пользования, причем за полгода «рейтинг» направлений экономии не изменился (Харсеев О. Занятость ради бедности // Коммерсантъ. 2016. 23 нояб.).

Причем экономия становится не только ведущей стратегией выживания россиян, но и стратегией выживания всего государства:

Сокращение на 10% бюджетных расходов, уже одобренное правительством, сэкономит бюджету только триллион, подчеркнул Силуанов. Придется расходовать резервный фонд, причем понадобится взять больше 500 млрд руб., предусмотренных сейчас бюджетом, отметил министр (Папченкова М. Улюкаев и Силуанов поспорили о бюджетных расходах в кризис // Ведомости. 2015. 14 янв.);

Впрочем, без затягивания поясов все же не обойтись. Второстепенные статьи бюджета придется урезать примерно на десять процентов. При этом за всеми расходами, обещают, контроль будет жестким (Новости // Первый канал. 2015. 1 фев.).

В сложных условиях, которые описаны выше, актуализируется советская традиция патерналистского отношения к государству, которое должно обеспечить экономическую стабильность любой ценой. Причем наиболее ярко патернализм проявляется в текстах проправительственного медиадискурса:

«Я прошу Банк России, правительство провести жесткие, скоординированные действия, чтобы отбить у так называемых спекулянтов охоту играть на колебаниях курса российской валюты», — заявил Путин (Брянский Г. Путин пригрозил валютным спекулянтам инструментами ЦБ [Электронный ресурс] // ТАСС. 04.12.2014. URL: <http://tass.ru/ekonomika/1623727> (дата обращения: 29.10.2017));

Пока та самая невидимая рука рынка лишь лезет в карман и переписывает ценники на продукты, вся надежда только на прокурорские проверки, ФАС и взвешенные решения (Новости // Первый канал. 2015. 25 янв.);

Премьер поставил задачу — обеспечить аграриев техникой и удобрениями. Он поручил разобраться с торговыми сетями, которые не идут навстречу отечественным производителям (Новости // Первый канал. 2015. 25 мар.).

В первом фрагменте Владимир Путин фактически делегитимирует законную биржевую деятельность, связанную с осуществлением валютных спекуляций. При этом президент России ак-

туализирует образ уже, казалось, позабытого врага — спекулянта, который воспринимается как преступник в связи с влиянием советских дискурсивных практик. Ненормативность биржевых спекуляций подчеркивает продолжение цитируемого материала:

«Власти знают, кто эти спекулянты. И инструменты влияния на них есть. Пришло время воспользоваться этими инструментами», — сказал Путин, не уточнив, какие инструменты он имеет в виду (Там же).

Выходит, что спекулянты, как и другие преступники, действуют тайно, но власти о них все равно знают и будут использовать против них некие инструменты.

Во втором фрагменте репортер «Первого канала» противопоставляет неэффективные рыночные механизмы ценообразования административным мерам, на которые «вся надежда» в условиях кризиса. В репортаже приведены примеры успешных действий ФАС, результатом которых стало снижение цен на сахар и гречневую крупу. В то же время показаны и типичные «перегибы на местах»:

Свою борьбу с высокими ценами свердловские депутаты называли пафосно — «Народный контроль». Но почти сразу выяснилось, что от народа эти «контролеры» слишком уж далеки. И начали надменно: «Подумаешь, подорожало — всего-то на 30 процентов». И закончили совсем уже издевательски: «Надо меньше есть» (Там же).

Показательно, что объектом критики становятся исключительно бизнесмены, которые «задирают цены», и отдельные региональные депутаты, но не федеральные власти.

Третий фрагмент выявляет типичную проблему — взаимоотношения отечественных производителей и торговых сетей — и предлагает опять же типичное административное решение. При этом журналист устранивается от анализа правовых оснований и потенциальной эффективности поручения председателя правительства России.

Приведенные примеры показывают, как проправительственный медиадискурс конструирует почти советскую экономическую идентичность, которая предполагает отрицательную оценку рыночной экономики и положительную оценку командно-административной системы. Важно, что практики антирыночной идентификации не становятся предметом критического

осмысления внутри данного дискурса и при этом сосуществуют с практиками рыночной идентификации:

«Мы должны думать, что нам делать, как выстраивать свою политику», — указал он. «Разумеется, будем действовать в логике рыночной экономики», — подчеркнул президент (Латухина К. Уроки экономики // Российская газета. 2015. 21 янв.);

«Но Путин — абсолютный либерал по своей натуре. <...> Он абсолютно либерален в своих экономических подходах, социальной политике и так далее...», — сказал Песков в интервью телекомпании «Мир» (Путин по своей натуре является абсолютным либералом, заявил Песков [Электронный ресурс] // РИА Новости. 21.12.2016. URL: <https://ria.ru/politics/20161221/1484252401.html> (дата обращения: 29.10.2017)).

В результате конструируемая экономическая идентичность россиян включает разрозненные и порой противоречивые фрагменты, которые могут актуализироваться в разное время в ответ на те или иные стимулы.

Оптимистические ожидания россиян в условиях экономического кризиса формируются благодаря специфическим практикам медиадискурса. Перечислим наиболее активные из них. Во-первых, это встраивание кризиса в привычный ход вещей, которое достигается, например, с помощью констатации «планового» характера кризисных явлений:

Глава государства назвал недопустимым спекулирование на экономических проблемах. «Время сейчас непростое, но никаких неожиданностей не произошло. Кризисные явления были предсказуемы», — заявил он и попросил глав регионов отслеживать ситуацию на рынках продовольствия и других товаров первой необходимости (Нагорных И., Горяшко С. Кризисные явления были предсказуемы // Коммерсантъ. 2015. 29 янв.).

Во-вторых, конструируется реальность глобального кризиса (даже если его нет в действительности), в контексте которого российский кризис представляется, с одной стороны, закономерным, с другой, не таким серьезным:

Несмотря на низкие цены на нефть, санкции Запада, ограничения доступа к кредитным ресурсам, *общемировой экономический кризис*, несмотря на все это, российская экономика выстояла и продолжает развиваться, меняя свою структуру (Дм. Киселев. Вести недели // Россия 1. 2016. 24 апр.).

В-третьих, используется прием сравнения с одиозным — по крайней мере, в рамках официозного дискурса — периодом 1990-х, что позволяет продемонстрировать преимущество современной ситуации:

Случись это в 90-е, говорит Дмитрий Медведев, Россия такое просто бы не пережила. А сегодня, по словам премьера, даже развивается. «Да, не так быстро, да, с проблемами. Но нас никто на колени не поставил. Мы не встанем, как некоторые государства, с протянутой рукой. Или, как мы, напеминаю, стояли в 90-е годы. И не ждем, когда к нам в страну приедет руководитель Международного валютного фонда, чтобы попросить какое-то количество денег. А иначе бюджет не сойдется. У нас и так все сходится» (Дмитрий Киселев. Вести недели // Россия 1. 2016. 24 апр.).

В-четвертых, происходит смещение акцентов с констатации кризиса на его преодоление:

Антикризисные меры, естественно, по поручению президента и по моему поручению, будут подготовлены, — пообещал глава кабинета министров. — Часть из них уже реализуется, часть из них должна быть внедрена в ближайшее время (Кузьмин В., Курпьева О. Президент подвел итог // Российская газета. 2014. 25 дек.).

И, в-пятых, осуществляется конструирование кризиса не как актуального явления в настоящем, а как уже миновавшего явления:

«Некоторые специалисты считают, и я с ними согласен, что пик кризиса в целом, можно сказать, достигнут, и российская экономика в целом приспособилась или уверенно приспосабливается к этим изменяющимся условиям экономической жизни», — заявил Путин, выступая на форуме «ВТБ Капитала» «Россия зовет!» (Путин заявил о достижении пика экономического кризиса [Электронный ресурс] // Интерфакс. 13.10.2015. URL: <http://www.interfax.ru/business/473051> (дата обращения: 29.10.2017)).

Пессимистические ожидания формируются главным образом в оппозиционном медиадискурсе, который конструирует кризис как затяжную реальность:

«То, что мы видим сейчас — это масштабный кризис. Нулевая прибыль, рост резервов, ЦБ очищает систему от банков. *Следующий год также будет непростым*», — сказал Греф. По его подсчетам, ситуация в экономике «будет около нуля», а мировые цены на нефть

превысят 50 долларов за баррель (Греф объявил о масштабном банковском кризисе в России [Электронный ресурс] // Газета.ру. 17.11.2015. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2015/11/17/n_7899149.shtml (дата обращения: 29.10.2017));

В любом случае *ни один прогноз не сулит России быстрого пост-кризисного подъема*, когда бы он ни начался. По словам Улюкаева, в ближайшие лет пять, если не провести структурных и институциональных преобразований, темп роста экономики составит 1,5–2% в год, ниже среднемирового (Кувшинова О. Российская экономика из рецессии возвращается в застой // Ведомости. 2015. 24 дек.).

Пессимизма добавляют и сравнения текущего кризиса с предыдущим:

Большинство опрошенных «Новой газетой» экспертов сходятся во мнении, что ситуация на данный момент *даже хуже, чем в кризисном 2008 году* (Хачатуров А. Кризис — наш! // Новая газета. 2014. 12 дек.);

Для региональных бюджетов нынешние экономические неурядицы порождают *более серьезные проблемы, чем кризис 2008–2009 гг.*, пишет Наталья Зубаревич из МГУ в статье «Региональная проекция нового российского кризиса» («Вопросы экономики», 4/2015) (Аптекарь П. Кризис победителей: россияне нищают, но довольны // Ведомости. 2015. 22 апр.).

Даже положительные тенденции, которые перекликаются с оптимистической реальностью официозного дискурса, проблематизируются за счет критического анализа:

Промышленность уже адаптировалась к затянувшемуся кризису и приноровилась выживать в сложившихся условиях, указывают аналитики Центра конъюнктурных исследований ВШЭ: уже к середине года некоторые руководители предприятий отметили рост производства. <...> Работать в стагнации — плохая привычка, говорит Остапович: у компаний нет стимулов наращивать производство и делать инвестиции (Базанова Е. Российская промышленность адаптировалась к кризису // Ведомости. 2015. 26 нояб.);

«Не страшно то, что страна наша в заднице, страшно то, что она начала там обустраиваться», — заявил Мельниченко накануне на итоговом заседании Комитета гражданских инициатив в гостинице «Националь» в Москве. По словам Мельниченко, во время выступления он рассказывал собравшимся о состоянии российского села, зачитывая, в том числе, письма самих селян (Уральский фермер Васи-

лий Мельниченко выступил с новой критической речью [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 24.12.2015. URL: <https://echo.msk.ru/blog/echomsk/1682764-echo> (дата обращения: 29.10.2017)).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ

Западные санкции в отношении России становятся важным фактором экономической идентификации россиян, особенно в условиях информационной войны, интерпретируемой как противостояние России и Запада. С одной стороны, журналисты и персонажи медиадискурса выявляют отрицательное воздействие санкций на экономику России и, как следствие, на жителей страны:

Перед системными санкциями страна с экспортно ориентированной сырьевой и недиверсифицированной экономикой практически беззащитна (Рубцов А. Крым-2014 в логике неприемлемого ущерба // Новая газета. 2014. 3 мар.);

Новые санкции и очередной виток падения цен на нефть могут загнать российскую экономику в еще большую яму, заявляет экс-министр финансов Алексей Кудрин (Орехин П. Либеральные реформы: вам это не понравится [Электронный ресурс] // Газета.ру. 14.07.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/07/14/7638725.shtml> (дата обращения: 29.10.2017)).

С другой стороны, отмечается неэффективность санкционного воздействия со стороны Запада:

На мой взгляд, санкции не окажут большого влияния на российский рынок, скорее оно будет умеренным (Хачатуров А. Либерия, КНДР, Сомали — Россия // Новая газета. 2014. 25 сен.);

Выжить в условиях даже очень жестких и очень долгих санкций, и выжить неплохо, можно, это доказал Иран, построивший абсолютно независимую от Запада экономику. России нелегко, но и она строит — и в отсутствие западных кредитов, и в условиях ограничений на импорт технологий, и при низких ценах на нефть и газ (Новости // Первый канал. 2015. 5 июн.).

Примечательно, что полярные оценки эффективности санкций встречаются как в проправительственном, так и в оппозиционном медиадискурсе.

Между тем лишь проправительственный медиадискурс — в соответствии с логикой информационной войны — последовательно

описывает ущерб, который санкции наносят субъектам, их применяющим. Владимир Путин:

Меры, которые предпринимает администрация США в отношении России, на мой взгляд, противоречат национальным интересам самих Соединенных Штатов. Например, крупные компании хотят работать в России, но, сталкиваясь с определенными ограничениями, будут терять в своей конкурентоспособности по сравнению с другими мировыми энергетическими компаниями (Новости // Первый канал. 2014. 17 июл.);

Тем временем эксперты делают прогнозы о том, каковы последствия санкций США и Евросоюза в отношении России. Многие экономисты считают, что ограничительные меры ударят, прежде всего, по самим странам Запада (Новости // Первый канал. 2014. 30 июл.).

Данная практика добавляет оптимизма экономической идентификации россиян, поскольку конструирует ситуацию противостояния России и Запада так, что экономически сильная Россия рассматривается как страна-победитель, в отличие от Запада, который проигрывает в экономической конфронтации.

Еще более интересной является практика конструирования санкций как блага для экономики России. Об этом, к примеру, заявляет президент Владимир Путин:

Впереди время сложное, напряженное, и многое зависит от каждого из нас на своем рабочем месте. Так называемые санкции и внешние ограничения — это стимул для более эффективного, ускоренного достижения поставленных целей (Декабрьские тезисы [Электронный ресурс] // Лента.ру. 04.12.2014. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/12/04/tezisy> (дата обращения: 29.10.2017)).

Однако чаще положительные признаки приписываются не западным санкциям, а введенному в ответ на них продовольственному эмбарго, которое в российском медиадискурсе получает номинации «контрсанкции» и «ответные санкции». О положительном влиянии контрсанкций на экономику России говорит президент:

Комментируя текущую ситуацию с санкциями против нашей страны, Путин отметил, что Россия не намерена смягчать контрсанкции. «Фиг им», — сказал президент. Он подчеркнул, что данные меры были не санкциями, а мерами «по защите нашего рынка». «Мы делали это там, где нам выгодно это было делать, и мы ничего

не будем делать для того, чтобы кого-то наказать, наказывая себя. Купить билет и не поехать — так мы не будем поступать», — сказал российский лидер (Вести // Россия 1. 2016. 16 окт.).

Такую же оценку ответным мерам России дают и другие субъекты медиадискурса:

Урузмак Сергеевич заканчивает погрузку. Говорит: «Спасибо западным санкциям!» Теперь для его экологически чистых яблок открылись новые рынки. Разница — это небо и земля, можно сказать. До этого спроса не было (Вести недели // Россия 1. 2015. 27 сен.); Российское сельское хозяйство преуспевает благодаря ответным санкциям, принятым Россией в отношении Запада. Об этом пишет автор статьи в британском издании Financial Times (Григорьев А. Американские СМИ: Сельское хозяйство России на подъеме благодаря санкциям [Электронный ресурс] // Life. 04.09.2017. URL: https://life.ru/t/новости/1040680/amierikanskiie_smi_sielskoie_khoziaistvo_rossii_na_podiomie_blaghodaria_sanktsiiam (дата обращения: 29.10.2017)).

В первом случае субъектом оценки становится российский фермер, при этом из контекста ясно, что речь на самом деле идет не о западных санкциях, а о российском эмбарго, благодаря которому фермерская продукция стала более конкурентоспособной. Во втором фрагменте субъект оценки — западный журналист, который показывает прямую связь между контрсанкциями и успехами российского агропромышленного комплекса.

Отметим, что прямые последствия продуктового эмбарго, в том числе негативные, в основном отмечаются на ранних этапах санкционного противостояния:

От продовольственного эмбарго, введенного в среду Россией, в большей степени пострадают потребители дорогих деликатесов. Уже через несколько месяцев в ресторанах и магазинах они вряд ли найдут, к примеру, испанский хамон, французские сыры и фуа-гра. Рестораторы уже начали готовить изменения в меню, сложнее всего придется суши-барам (Трутнев О., Геращенко Е. Фуа нон грата // Коммерсантъ. 2014. 8 авг.);

Владимир Садовин, гендиректор сети «Азбука вкуса»: С точки зрения покупателя полки становятся другими. Потребители начинают к ним привыкать. Пока количество клиентов не снижается, а даже прирастает ввиду высокого сезона. В чеках наблюдается синусоида — то больше позиций, то меньше. Покупатель пробует:

у него забрали привычную потребительскую корзину. Немного нервозная ситуация (Дудленкова А. Ситуация будет аналогичной кризису 2008 года // Коммерсантъ. 2014. 29 сен.).

Важно, что в оппозиционном медиадискурсе отрицательная оценка продуктового эмбарго распространяется и на субъекта контрсанкционного воздействия, то есть на российскую власть, что соответствует логике информационной войны:

Это еще и примерно такая логика: мы ответим на санкции тем, что сделаем хуже гражданам своей собственной страны, — Западу мало не покажется (Колесников А. Граждане отъезжающие // Новая газета. 2014. 14 апр.);

Продовольственная инфляция — это в значительной степени эффект так называемых контрсанкций, поскольку импортозамещение — процесс достаточно длительный, требующий и денег, и времени (Андреев Е. Андрей Нечаев: Инфляция — это «налог на бедных» // Новая газета. 2015. 6 окт.).

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ

В условиях экономического кризиса и так называемой санкционной войны медиадискурс фиксирует новую экономическую стратегию, которую руководство страны предлагает россиянам, — импортозамещение:

«Нужно использовать этот фактор для проведения политики *импортозамещения*, во всяком случае, там, где это целесообразно и необходимо», — считает президент (Новости // Первый канал. 2014. 4 дек.);

Владимир Путин: Также мы гарантируем стабильные налоговые и другие базовые условия для инвесторов, которые готовы вкладывать средства в проекты *импортозамещения* (Путин предложил дать регионам право снижать ставку налога на прибыль [Электронный ресурс] // РИА Новости. 3.12.2015. URL: <https://ria.ru/economy/20151203/1334939579.html> (дата обращения: 29.10.2017)).

Импортозамещение становится одним из важнейших факторов, сообщающих оптимизм экономической идентификации россиян, поскольку утверждается, что оно позволяет сохранить привычный уровень жизни в условиях отсутствия прежних возможностей. При этом описание практики импортозамещения структурируется в соответствии с основными потребностями населения. На первый план выходит замещение импортных про-

дуктов питания. Рассмотрим типичный в этот период телевизионный репортаж. Сначала журналист формулирует проблему:

Насколько опустели столы самих россиян, куда не завезли импортное. И что на них теперь накрывать. Ведь, с одной стороны, попавшие под эмбарго продукты покупали 54% россиян, с другой — 72% эмбарго поддержали (Новости // Первый канал. 2014. 9 нояб.).

После этого он рассказывает о многочисленных российских продуктах, призванных заместить импортные. Чтобы оценить масштаб конструируемого импортозамещения, приведем несколько фрагментов:

Купить судно и отправиться в плавание за черноморскими устрицами Сергей решил после очередной поездки в Европу, где и распробовал этих морских гадов. <...> Пока в уникальном для России эксперименте участвуют 10 уток. Уже скоро из них сделают первую партию фуа-гра а ля рус. <...> Блек Ангус — особая порода полудиких коров, это их мясо лучше всего подходит для самых дорогих в мире стейков — рибай. Теперь крупнейшее в Европе стадо пасется на полях под Брянском. <...> Это сегодня об идеальной моцарелле в Малых Вишерах знают все, а 8 лет назад, когда на молочном заводе решились на смелый гастрономический эксперимент, поначалу покупатели негодовали (Там же).

В заключение репортер делает вполне логичный и совершенно оптимистичный вывод:

Эксперты считают: на рынке высокой гастрономии уже сработал закон джунглей, как в поговорке: «Свято место пусто не бывает». Российские фермеры готовы в ближайшее время заполнить пустующие ниши и поставлять к столу гурмана, к примеру, устрицы с Сахалина или сыр бри из Анапы. И через год, на сегодня это срок действия эмбарго, может оказаться, что иностранным производителям деликатесов возвращаться будет некуда (Там же).

Аналогичная ситуация конструируется в текстах СМИ о сфере туризма:

Отдохнем с умом — потрясения последних месяцев — ослабевший рубль и санкции, крах турфирм и тысячи оставшихся за границей туристов, напряженность на Ближнем Востоке и беспорядки в Северной Африке — уже перечеркнули привычную карту отдыхающих, уверяют в Ростуризме. Впереди — новогодние каникулы, уже давно пора бронировать путевки, а большинство россиян

в растерянности — куда едем. Те, кто определился, в большинстве подошли к отдыху по-европейски — решили проехаться по собственной стране, в которой есть и олимпийский Сочи, и теплый Крым, и помолодевшая Казань. Все, что откладывали на потом и разглядывали лишь на картинках (Новости // Первый канал. 2014. 9 нояб.).

И далее вновь обзор туристических возможностей, которые предлагает Россия:

Горячими источниками холодной зимой удивляет Тюменская область. На улице -20 , в воде $+48$. Термальный курорт в самом сердце Сибири. <...> Полезные микроэлементы и в лечебной грязи Сакского озера. В Крыму ее даже называют черным золотом. <...> Из субтропиков до горнолыжного курорта — за полчаса. Олимпийский Сочи готов к своей первой зиме после Игр... «Мы в Австрии были в том году, очень похоже на австрийский отдых, но приятно, что это именно наш. В России можно отдохнуть так же, как и за границей», — говорит туристка из Московской области Наталья Федорова. <...> Отсутствие развитой инфраструктуры — настоящий рай для любителей экстремального отдыха. Никаких дорог и подъемников. На вершину заснеженного камчатского вулкана туристов привозит вертолет. <...> «В Европу на эти деньги не съездишь! И вообще Казань очень красивый город! И люди здесь хорошие!» — отмечает Джара Магомбетова (Там же).

Особенно показательно сравнение с иностранными курортами. Репортаж демонстрирует, что наши курорты, во-первых, не хуже, а во-вторых, дешевле, что особенно важно в условиях кризиса.

Импортозамещение получает различную оценку. Так, правительственный медиадискурс в основном положительно оценивает достигнутый результат, показывая, что экономика России успешно развивается именно благодаря импортозамещению:

Новое производство магистральных насосов создано в рамках программы импортозамещения. В Челябинске сегодня прошло заседание правительственной комиссии, посвященное этой тематике (Новости // Первый канал. 2016. 25 апр.);

«Мы выстроили многоуровневую систему государственной поддержки, на нее могут рассчитывать и начинающие фермеры, и агрохолдинги; мы продолжим курс на импортозамещение, потому что на самом деле, говоря прямо, он дает отличный результат, ко-

торый позволяет нам и внутренние задачи решать, и заниматься экспортом сельхозпродукции», — сказал председатель правительства (Новости // Первый канал. 2016. 5 окт.).

Впрочем, официальный дискурс не табуирует и критическую рефлексию по поводу импортозамещения, если таковая ограничивается критикой «перегибов на местах» и не подвергает сомнению отмеченные выше успехи:

Главная цель импортозамещения — не создание барьеров в торговле, а развитие собственной промышленности, современной и конкурентоспособной, продукцию которой покупали бы не только в России, но и за рубежом. *Главное, подчеркнул премьер, не пытаться доводить идею импортозамещения до абсурда* (Новости // Первый канал. 2015. 3 окт.).

В оппозиционном медиадискурсе фиксируется амбивалентное отношение к импортозамещению: поставленная правительством цель оценивается положительно, а реальная практика импортозамещения — скорее отрицательно:

При этом никакого резона не вижу в импортозамещении апельсинов из Марокко или из Израиля, абрикосов из Узбекистана или Азербайджана. Как, впрочем, и в импортозамещении польских яблок словенскими. Смысл этого трудно выговариваемого слова все-таки не в тупой замене всего иностранного на все наше или на другое иностранное, а в восстановлении продовольственной безопасности страны, которую мы долгое время с таким бездумным усердием разбазаривали (Ким Смирнов: Нашему бы рублю графа Витте или наркома по фамилии Бриллиант. Из личного дневника // Новая газета. 2015. 26 окт.);

В результате под видом импортозамещения мы получаем продукты из пальмового масла, мыла и прочих примесей, угрожающих здоровью людей. Продовольственная политика разумна, когда продукты полезны для людей. Когда они не угрожают жизни и здоровью наших детей. Когда люди могут покупать качественные и разнообразные товары по доступным ценам. И «тянуть» с реализацией такой политики больше нельзя (Явлинский Г. О последствиях продэмбарго [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 24.11.2016. URL: <http://m.echo.msk.ru/blogs/detail.php?ID=1879960> (дата обращения: 29.10.2017)).

Выводы

Экономическая идентификация россиян в медиадискурсе находится под влиянием практик информационной войны и структурируется рядом ключевых концептов: кризис, санкции, импортозамещение.

В проправительственном медиадискурсе отношение к кризису претерпевает некоторую эволюцию. Если на первых этапах кризиса оно предполагает нейтральную и даже положительную оценку отдельных кризисных явлений, которые при этом не называются кризисными, то в дальнейшем происходит легитимация номинации «кризис» по отношению к конструируемой реальности. Однако это не мешает сохранять оптимистическую тональность, которая обусловлена применением следующих дискурсивных практик: встраивание кризиса в привычный ход вещей, а также в контекст глобального экономического кризиса, сравнение кризиса с более негативными реалиями, смещение акцентов с разворачивания кризиса на его преодоление, с кризиса как примет настоящего на кризис как уже прошедшее явление. Амбивалентным является отношение к санкциям, которые, с одной стороны, оцениваются негативно, а с другой, рассматриваются как конкурентное преимущество России, поскольку оказывают негативное влияние не на отечественную экономику, а на экономику тех стран, которые их ввели. Причем эти страны оцениваются отрицательно и замещают позицию врага в информационной войне. С введением ответных российских санкций связано импортозамещение, которое получает однозначную положительную оценку.

Оппозиционный медиадискурс конструирует кризис как актуальную реальность, которая оказывала, оказывает и еще долго будет оказывать отрицательное влияние на экономическую ситуацию в стране, причем ответственность за это возлагается на действующую власть, замещающую позицию врага во внутри-российской информационной войне. Считается, что кризис усугубляется санкциями, которые — в связи с включением субъекта речи и его аудитории в группу пострадавших — оцениваются негативно. Ответственной за санкции, как и за кризис в целом, становится российская власть, усугубившая ситуацию ответными санкциями, которые также вредят не столько другим странам, сколько экономике и жителям России. Критическое отношение

распространяется и на импортозамещение. При этом сама идея импортозамещения не подвергается критике, в отличие от реальных мер, предпринимаемых представителями власти, которые оказываются неэффективными или фиктивными, то есть на деле не связанными с подлинным импортозамещением.

2.3. Идентификация россиян в рамках нарратива о возникновении российского государства

В исследовании данного направления национально-гражданской идентификации россиян история страны рассматривается как фактор, объединяющий ее граждан. Речь идет об использовании различных практик конструирования исторического нарратива в журналистских текстах.

Дискурс об историческом прошлом России конструируется в соответствии с теми общими практиками конструирования событий в журналистском дискурсе [Чепкина, 2010; Чепкина, Енина, 2011], которые, безусловно, опираются на традиции художественной литературы, ее «типологию интриг» [Рикер, 2000; Шмид, 2003], а также на практики конструирования научного исторического дискурса [Рикер, 1998], вычленяющего и описывающего реальные события прошлого. Принципиальные качества нарратива, в том числе исторического, в журналистском дискурсе — его связь с актуальным информационным поводом и опора на достоверно произошедшие события. Однако установка на достоверность журналистских текстов не должна заслонять то обстоятельство, что информация, которая может быть проверена на соответствие действительности, допускает значительные вариации в степени подробности изложения событий и тем более в разбросе интерпретаций [Чепкина, 2010].

В логике журналистского дискурса для обращения к событиям прошлого в современных СМИ используется актуальный информационный повод. Это, например, торжественные мероприятия в связи с государственными праздниками и памяtnыми датами — День Победы, День народного единства и др.

Так, пресса регулярно освещает ставшие популярными реконструкции известных событий, связанных с Днем Победы в мае 1945 г.:

Реконструкция штурма Рейхстага, последней битвы Великой Отечественной войны, пройдет в воскресенье в подмосковном парке

«Патриот», заявил министр обороны России генерал армии Сергей Шойгу. «Одним из важнейших мероприятий является реконструкция событий разных лет, связанных с подвигами наших отцов и дедов. В это воскресенье состоится первое такое мероприятие в этом году: реконструкция штурма Рейхстага в связи с 72-й годовщиной последней битвы», — сказал Шойгу на совещании Минобороны. По его словам, реконструкция должна напоминать нынешним поколениям и ближним и дальним соседям России о подвиге наших отцов и дедов (В парке «Патриот» пройдет реконструкция штурма Рейхстага [Электронный ресурс] // РИА Новости. 21.04.2017. URL: ria.ru/society/20170421/1492815450.html (дата обращения: 29.10.2017)).

Заметный резонанс в СМИ получает и практика установки памятников известным историческим личностям, причем их выбор нередко становится предметом публичной полемики. Например, неоднозначные оценки вызвало решение городских властей Рузы установить памятник Ивану Грозному. Пресс-служба городской администрации видит в таком решении повод для гордости:

Власти подмосковной Рузы планируют установить в городе памятник Ивану Грозному для привлечения туристов. Об этом «Интерфаксу» сообщили в пресс-службе администрации Рузского городского округа. <...> «Считается, что именно во времена правления Ивана Грозного Руза приобрела важное военное значение, ее земли были выделены в опричнину — удел с особой территорией, войском и аппаратом, доходы с которого поступали в государственную казну», — отметили в пресс-службе (В Рузе заявили о планах установить памятник Ивану Грозному [Электронный ресурс] // РБК. 17.02.2017. URL: www.rbc.ru/rbcfreenews/58a62e449a794730675ca529 (дата обращения: 29.10.2017)).

В то же время ряд историков выступил против этой инициативы — установки памятника правителю, известному своей жестокостью по отношению к подданным:

В адрес губернатора Московской области Андрея Воробьева направлено коллективное письмо известных историков, специалистов по русскому Средневековью с просьбой дать оценку резонансной ситуации с проектом возведения памятника Ивану Грозному в Рузе (Против памятника Ивану Грозному в Рузе выступили известные историки [Электронный ресурс] // Подмосковье без политики. 28.04.2017. URL: i-podmoskovie.ru/php/podmoskovnii-

letopisets/news/10602-izvestnye-istoriki-vystupili-protiv-pamyatnika-ivanu-groznomu-v-ruze.html (дата обращения: 29.10.2017)).

Анализ практик отбора исторических событий, которые попадают в поле обсуждения в дискурсе СМИ, показывает, что прошло время исторических сенсаций, как это было в период 1990-х гг., когда журналисты масштабно публиковали ранее неизвестные исторические факты и обсуждали «белые пятна истории». Основной корпус событий и имен, которые были в свое время исключены из советских учебников, сегодня известен. Набор исторических событий, которые признаны имеющими важность для современной идентичности россиян, в основном не вызывает споров. Общественная дискуссия, в том числе в СМИ, обращена к оценке известных событий и фактов, к поиску способов выстроить с их помощью по возможности единый и непротиворечивый исторический нарратив, который мыслится как необходимая часть национально-гражданской идентичности россиян [Енина, Ильина, 2017].

Так как концептуализация наиболее значимых событий вызывает дискурсивные разногласия, поиск в рамках медиадискурса логики конструирования цельного и связного нарратива истории России пока не увенчался успехом. В ходе анализа эмпирического материала было выделено несколько направлений и узловых точек расхождения практик конструирования российского исторического нарратива. Поэтому точнее было бы говорить не о едином дискурсе истории России в СМИ, а о нескольких версиях истории российского государства с разными точками отсчета — момента рождения этого государства. Для национальной идентификации считается ключевым момент возникновения нации: с какого исторического события следует вести отсчет [Малинова, 2015].

В СССР, когда господствовал большой советский метанарратив, событием рождения новой гражданской общности стала Октябрьская социалистическая революция, она была объявлена даже началом новой эры в истории человечества. В 2017 г. исполняется 100 лет этому событию, но сегодня оно явно не является ключевым в публикациях российских СМИ на темы истории. Характерная иллюстрация — обзор юбилейных и памятных дат в 2017 г., который опубликовала в январе этого года «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге». В тексте под заголовком

«100 лет Октябрьской революции и 180 лет дуэли Пушкина с Дантесом» революция оказалась лишь на 18-м месте в длинном списке, который открывался перечислением следующих трех памятных дат:

220 лет Михайловскому замку; 80 лет Музею Арктики и Антарктики; 20 лет группе «Ленинград».

Свержение самодержавия получило следующее описание:

100 лет революции. 1917-й — переломный год в истории нашей страны. В феврале происходят массовые забастовки петроградских рабочих, солдат и военных моряков. Николай II отрекается от престола. Власть в руках временного правительства. В октябре (по новому стилю — 7 ноября) оно было свергнуто. К власти пришли большевики (Себелева И. 100 лет Октябрьской революции и 180 лет дуэли Пушкина с Дантесом [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 01.01.2017. URL: www.spb.kp.ru/daily/26626/3644560 (дата обращения: 29.10.2017)).

В шести кратких предложениях совершенно утрачены существенные политические подробности тех событий: различие Февральской и Октябрьской революции исчезает; какие политические силы представляло временное правительство, что означало его свержение и приход к власти большевиков — все это неизвестно и, кажется, неважно. Таким образом, события 1917 г. выглядят смутным временем разрушения, а затем восстановления государственного порядка. В результате при составлении списка памятных дат 2017 г. строительство Михайловского замка и открытие Музея Арктики и Антарктики представлены как более значимые, чем революция, события, а в заголовке годовщина революции приравнена к годовщине дуэли Пушкина и Дантеса. Как можно интерпретировать такой способ пересказа российской истории? По-видимому, это просто длинный список любопытных событий, не оказавших существенного влияния на идентичность россиян и развитие России как государства.

Сегодня в большинстве российских СМИ на статус события, обозначившего рождение современной России, специфику идентичности ее граждан, скорее претендует победа в Великой Отечественной войне. Именно она подчеркивается во множестве публикаций как событие, выражающее или даже формирующее идентичность российского народа-победителя. Само словосо-

четание «народ-победитель» стабильно повторяется в текстах об этой победе. Вот характерная публикация из федеральной газеты «Взгляд», где, как и в анализированном выше тексте, нивелируется связь великих для России событий XX в. с преимуществами советского строя, возникшего в результате революции 1917 г., зато утверждается, что победа 1945 г. подтвердила особый путь и величие российского государства с историей не в одно столетие:

В СССР до 1947 г. день 9 мая был выходным, но в декабре 1947-го решением Президиума Верховного Совета СССР он стал рабочим. Большой праздник вернулся лишь в 1965 г., при Брежневе. <...> Но именно Леонид Ильич сделал 9 мая идеологически заряженным. Люди по-прежнему искренне почитали священный подвиг своих отцов и дедов, но официальная пропаганда все чаще соотносила Великую Победу с «преимуществами советского строя». <...> Между тем отчасти случайно сложившаяся разница в одни сутки (празднование Дня Победы 8 или 9 мая. — *Прим. авт.*) никакого отношения к «советскости» или коммунизму не имела. Чего такого советского внес Сталин вторым, берлинским актом о капитуляции? Перенес подписание в столицу поверженной державы? Сделал русский язык аутентичным языком документа? Внес пункт об ответственности сдающихся немецких частей за исправность их военного имущества? Что же тут советского? Тут сплошь разумные геополитические и технические требования, на которые согласились лидеры стран-союзниц. <...> По прошествии нескольких десятилетий 9 мая обрело не столько геополитическое или военное, сколько цивилизационное звучание. Это только наш праздник, день национальной гордости и светлой памяти обо всем Поколении Победителей. Это не дата окончания некой далекой войны. Речь тогда шла о выживании народа и страны. Выживании нашей особой цивилизации (Дробницкий Д. Между 8 и 9 мая — сутки, разделившие мир [Электронный ресурс] // Взгляд. 08.05.2017. URL: vz.ru/opinions/2017/5/8/869440.html (дата обращения: 29.10.2017)).

В поисках начала *нашей особой цивилизации*, рождения и укрепления российского государства предлагаются и более далекие точки отсчета — с крещения Руси при князе Владимире или с укрепления и расширения русского государства московскими князьями. В этой перспективе история России — это история собирания русских земель и успешных войн с соседями при сильных правителях. В частности, именно в этой логике внимание СМИ привлек проект памятника Ивану Грозному, публикации о котором были процитированы выше.

Описывать историю государств как историю правителей — это давняя и устойчивая историческая традиция, но если внимание СМИ сегодня отдано лишь успехам и заслугам, то это рождает акцент на одних сторонах их деятельности и уводит в тень другие. Большой резонанс в мае 2017 г. вызвала информация о том, что на павильоне станции метро «Сокольники» появился портрет Сталина:

В вестибюле повесили транспарант с надписью «Великому и родному Сталину — инициатору и вдохновителю строительства метро — пролетарский привет». Об этом сообщает издание «Медуза» со ссылкой на пользователей соцсетей, которые сделали фото. Сообщается, что портрет Сталина и транспарант появились в рамках исторической реконструкции, приуроченной к 82-й годовщине запуска московского метрополитена (Портрет Сталина появился на павильоне станции метро «Сокольники» [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 14.05.2017. URL: echo.msk.ru/blog/day_photo/1980794-echo (дата обращения: 29.10.2017)).

В этой логике Сталин как глава государства связан с успехами и достижениями страны, а не с массовыми репрессиями против ее граждан.

В рамках подобных публикаций ведущие концепты, которые обеспечивают связность нарратива великой истории сильных правителей, — это «государственная мощь», «укрепление армии и спецслужб» (в том числе опричнины). Выстраивается историческая связность между эпохами Ивана Грозного, Петра Первого, Иосифа Сталина и далее. Соответственно, Российская империя, СССР, Российская Федерация — это разные имена одного государства. Признание такого нарратива, нивелирующего значительные разрывы и потрясения в истории страны, сопровождается в СМИ разными интерпретациями: с одной стороны — идентификация современных граждан России с сильным государством, которое несколько столетий внушает миру страх и уважение; с другой — история сохранения вплоть до сегодняшнего дня самодержавной власти, которая раз за разом подавляла процессы построения демократического государства. Например, такая позиция последовательно представлена в интервью ряду СМИ политолога Лидии Шевцовой:

Если речь идет о российской системе и российском режиме, то совершенно четко есть все доказательства того, что российское самодержав-

вие уже в прошлом году (2015. — *Прим. авт.*) вошло в новую стадию своей агонии. Первая открытая стадия агонии, несомненно, совпала с 1991 годом. Это год распада Советского Союза. Это уникальное событие в мировой истории! Представьте себе, что ядерная сверхдержава, один из полюсов миропорядка, фактически распадается, как глиняная статуя, без всяких угроз извне и без всяких угроз внутри страны. В мирное время такой распад — это уже свидетельство истощения ресурсов системы. А сейчас, начиная с 2014 года, есть все признаки того, что эта система входит в новую стадию агонии. И сам процесс агонии может быть достаточно длительным. Кстати, агония и Австро-Венгерской империи была такова, и агония Османской империи была достаточно длительной. Но все признаки самоистощения этой системы налицо» (Шевцова Л. Самодержавие в стадии агонии [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 28.12.2015. URL: www.svoboda.org/a/27452056.html (дата обращения: 29.10.2017)).

Точку зрения, что демократические достижения 1990-х гг. были потеряны в процессе реставрации форм традиционного российского государства, разделяет и Аркадий Пригожин, профессор РАНХиГС при президенте РФ. Его мнение опубликовала газета «Ведомости»:

Сначала о социальных потерях последних 15 лет. У нас упразднена республика. А именно в ее конструкции заложены нематериальные богатства — лучшие регуляторы, созданные человечеством. Она упразднена в несколько приемов. Так, независимость трех властей заменена «согласованием депутатов» еще на стадии их выдвижения. Судьи подчинены администрациям. Уже нет и федерации. <...> Мягким или жестким будет возврат на европейскую дорогу, через потрясения или постепенно, встанет вопрос: почему тогда не получилось? Во второй раз. По поводу Февральской революции ответы были бесконечно разнообразны, такими они будут и о падении постсоветской, второй республики. Но строителям третьей республики с ответом надо определяться точнее и дружнее. Уже сейчас. <...> Третья республика внесет в российское общество и другие европейские ценности — союзничество (вместо воинственности), переговорность (вместо конфликтности). Расшифрует смыслы формул «национальные интересы», «великая страна», «сильное государство» и др. Словом, российские европейцы когда-то возьмут на себя цивилизационное лидерство в стране. Не в третьей республике, так в четвертой (Пригожин А. Идеология третьей республики // Ведомости. 2017. 2 мая).

Если шире говорить о дискурсивном конструировании истории в СМИ, то проблемного обсуждения заслуживают практики

применения концепта «информационная война» в контексте обсуждения российской истории: спор разных логик связи исторических событий и их этической оценки объявляется спором между истиной и происками врагов. Часто это попытка прервать дискуссию, избежать обсуждения болезненных тем. Утверждение неслучайной связи эпох и правителей от князя Владимира до нынешнего российского президента, как тех, кто создавал и укреплял сильное государство, расширял его границы, часто оказывается смежным с конструированием истории противостояния России остальному враждебному миру. А логика противостояния, в свою очередь, апеллирует к актуализации национально-гражданской идентификации россиян, их патриотической мобилизации и сплоченности. Героическая сторона российской истории, утверждение ее цивилизационной уникальности призвана в том числе «защитить» Россию от невыигрышного сравнения с Западом.

Выводы

Частью конструирования национально-гражданской идентичности россиян в дискурсе современных российских СМИ стала борьба различных концепций исторического пути России. Узловая точка споров о национальной идентичности — выбор события, которое можно считать рождением российской нации и государства. Практики конструирования истории России как процесса непрерывного развития одного и того же сильного государства конкурируют с практиками описания сложного исторического процесса, в котором один тип государственности сменялся другим: Московское царство, Российская империя, СССР, Российская Федерация как демократическая республика, возникшая в 1991 г.

Утверждение уникальности исторического пути российского государства оказывается смежным с конструированием истории противостояния России остальному враждебному миру и призывами к актуализации национально-гражданской идентификации россиян в русле их патриотической мобилизации и сплоченности.

2.4. Религиозная идентификация россиян: церковная и светская версии

Богатый национально-этнический состав России во многом определил ее многоконфессиональность. Уникальный исторический опыт, связанный с отказом государства от религии

после Октябрьской революции 1917 г., а затем с возвращением к утраченным традициям, привел к тому, что в настоящее время мы наблюдаем становление религиозного пространства России.

Современный российский медиадискурс транслирует поиски идентичности россиян в сфере догматических религиозных представлений с различных субъектных позиций: церкви (представителей разных конфессий и религиозных общин), светского общества, журналистов и власти. Прежде всего отметим, что религиозный дискурс в российских СМИ существует как бы в двух плоскостях: официальной и неофициальной. Выбранные названия условны и не имеют прямой зависимости от типа СМИ и политики редакции. Официальный дискурс о религии предполагает освещение государственной и/или конфессиональной институциональной идеологии, он закрыт по отношению к разным субъектам дискурса, обладает «безответной речью» [Бодрийяр, 1999] или формально имитирует диалогичность. Неофициальный фокус обнаруживает бóльшую интерактивность, так как, кроме позиций церкви и власти, охватывает позиции общества и журналистов.

Рассмотрим сначала результаты проведенного мониторинга. Все найденные материалы иллюстрируют неофициальную версию религиозной жизни в России. Религиозный дискурс нечасто проникает в повестку дня светских, неконфессиональных СМИ, что обусловлено, с одной стороны, светским статусом государства, с другой стороны, наличием конфессиональных СМИ типа телеканалов «Союз», «Аль-РТВ», которые функционируют на уровне корпоративных медиа, не вмешиваясь в информационное поле «простого человека» [Каминская, 2009]. Такая минимальная включенность свидетельствует вовсе не о слабом интересе к религиозным вопросам, напротив, мы знаем, как ярко проявлена позиция церкви и власти благодаря, к примеру, «Слову пастыря» на «Первом канале», сюжетам и программам, посвященным главным христианским праздникам, трансляции праздничных богослужений, в последние годы не только православных, но и мусульманских. Однако в нашем материале религиозная идентификация россиян встречается преимущественно тогда, когда речь идет о конфликтных ситуациях.

В связи с очевидным ростом клерикализации современной России и принятием в 2013 г. закона об оскорблении чувств верующих все чаще сенсационным информационным поводом

для наиболее популярных СМИ выступает активное участие церкви в общественной и государственной жизни, прежде всего в вопросах культуры и морали. Вспомним послуживший началом этого процесса скандал с Pussy Riot в Московском Храме Христа Спасителя, затем историю с «ловцом покемонов» в Храме-на-Крови Екатеринбурга, обсуждение художественного фильма «Матильда» и др.

В анализируемом периоде 2015 г. внимание СМИ было приковано к конфликту вокруг постановки оперы «Тангейзер» в Новосибирске, ее режиссер обвинялся в оскорблении чувств верующих. В новостях и интервью, посвященных этой истории, россияне предстают разделенными на православных активистов и секулярное общество. Причем власть чаще солидаризируется с первыми, журналисты и гражданское общество — со вторыми. К примеру, в речи журналиста появляется такой маркер идентификации, как «многоконфессиональная страна», который служит основным аргументом против радикалов:

Понимаете, сегодня верующие будут заявлять о своих оскорбленных чувствах, но тогда это только приведет к расколу общества. <...> По той простой причине, что сегодня православные, или кто-то там, кто от них выступает, будут говорить, что их оскорбили, завтра будут выступать мусульмане, а мы, напоминаю, многоконфессиональная страна, послезавтра будут атеисты... (Все главное сейчас // Русская служба новостей. 2015. 29 мар.).

Обратим внимание на дискурсивную практику указания на угрозу раскола общества: обе стороны конфликта видят в противоположной позиции опасность разрушения национального единства. Как акцент на множественности вероисповеданий, так и борьба за защиту чувств православных приводят к разобщению. Ср.:

Министерство заявило о недопустимости постановки на бюджетные деньги спектаклей, которые *«вносят раскол»* в общество и «оскорбляют огромную массу жителей» (Минкультуры пояснило причины увольнения Мездрича [Электронный ресурс] // РБК. 29.03.2015. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/55181f909a7947f22cdcc34b> (дата обращения: 29.10.2017)).

Голос церкви в этом споре, несмотря на стремление аудитории приравнять его к точке зрения православных активистов, в действительности отличается разнообразием оценок.

Православные россияне разделены на ортодоксов и либералов, и эта оппозиция поддерживается в медийном дискурсе за счет такого идентифицирующего признака, как отношения подлинности/ложности [Bucholtz, Hall, 2005]. В качестве иллюстрации приведем слова А. Кураева из интервью:

Новосибирский митрополит выступил с проповедью, призвал прихожан прийти на митинг — он это слово употребил — 29 марта, в центре Новосибирска с протестом против кощунственной, по его мнению, оперы местного театра. <...> самое страшное с религиозной точки зрения, что происходит — это *профанация святыни* — это правда. Но в данном случае митрополит не отдает себе отчет, что именно этим он и занимается такими проповедями своими (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 мар.).

А. Кураев сам является представителем церкви и зачастую разделяет далеко не все действия и решения ее иерархов. На уровне пресуппозиции он присваивает себе подлинность православных воззрений, а отрицательная оценка позиции митрополита и, соответственно, активистов, выступающих от лица церкви, базируется на утверждении о ложности их религиозных представлений.

Что касается упоминаний других российских конфессий, в одном из новостных текстов встречается номинация «исламысты из России» — в связи с задержанием российских граждан по обвинению в экстремизме, но делать какие-либо выводы на основе одного текста не представляется возможным.

Перейдем к анализу официального православного дискурса, иначе конструирующего религиозную идентификацию россиян. Рассмотрим его на примере телевизионной передачи «Слово пастыря» на «Первом канале» за 2015–2016 гг. Тексты передачи были взяты с сайта URL: <https://patriarchia.ru>. В случае отсутствия полного варианта текста он был расшифрован автором самостоятельно. Мы обращаемся именно к этому материалу, поскольку речи патриарха свойственны пересечения практик политического и религиозного дискурсов [Асташова, 2017], что сопряжено с совпадением позиций церкви и власти по многим вопросам.

Концепт «россияне» в речи патриарха Кирилла обозначает в первую очередь православных жителей современной России, Украины и Белоруссии, чаще всего получающих номинации *наш народ, наша нация, Святая Русь, историческая Русь*.

Это объясняется тем, что религиозная идентификация всегда подается в тесной связи с исторической, поскольку в государственном дискурсе закреплена практика акцентирования на большой роли церкви в истории России. Одним из ведущих идентифицирующих признаков выступает принадлежность к православию:

...именно православная вера стала духовной/культурной основой жизни нашего народа // государство в котором национальная жизнь/возвышенная христианской верой/стала приносить удивительные плоды <...> сегодня на просторах исторической Руси существуют разные государства/разные народности/но поелику мы все являемся православными/поелику мы все одна божья церковь/то нас связывают духовные узы... (Слово пастыря // Первый канал. 2015. 4 июл.);

Чукотка — православная страна/и здесь совершаются божественные службы/которые затем совершаются на всем пространстве Евразийского континента и далее в Америке... (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 24 сен.).

Заложенный в контексте смысл «многонациональность» уходит на второй план, редуцируя таким образом и смысл «многоконфессиональность».

Практика присвоения православной идентификации сужает значение концепта «россияне» до «православные», но она реализуется не в абсолютном большинстве случаев, а в зависимости от хронотопа дискурса. «Слово пастыря» транслирует слово патриарха после Божественной литургии в одном из храмов России или иной страны, и, если действие происходит на территории с преобладанием православного населения, православная идентификация совершенно однозначна, как в приведенном выше фрагменте.

Ислам занимает второе место в России по численности верующих после христианства, и в случае, когда литургия служится в регионах, где проживают преимущественно мусульмане, наполнение концепта «россияне» расширяется. Приведем пример из выступления патриарха Кирилла в Казани:

...Давайте зададим вопрос/а как же получилось/что православный народ/верующий/верующие мусульмане/как они допустили/чтобы в их стране разрушались храмы и мечети? <...> Как замечательно/что здесь на этой земле где живут бок о бок православные и мусульмане/люди/принадлежащие к исламской традиции/с такой

готовностью поддержали идею воссоздания собора и принимают активное участие (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 30 июля.).

Как при сужении, так и при расширении концепта важно заметить, что россияне предстают в любом случае верующими, вне зависимости от этнического происхождения и конфессиональной принадлежности. Всегда подчеркивается религиозность, высокая нравственность народа:

...историческая традиция нашего многонационального народа/добрые отношения в первую очередь православных и мусульман/ но не только/а всех традиционных религий России/должны быть залогом мирной/спокойной и процветающей жизни <...> по воле Божьей у нас общие нравственные ценности/которые восходят вот к тем десяти заповедям/которые Бог дал Моисею на Синайской горе // и вся этика наших народов/законодательство/которое на основе этой этики сформировалось/восходит к тем божественным заповедям (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 21 мая).

Эти слова произнесены патриархом Кириллом в Нальчике, поэтому идентификации «многонациональность», «многоконфессиональность» выходят на первый план, неоднократно подчеркивается толерантное отношение друг к другу. Вера в Бога, соборность как особое свойство национального нравственного сознания — то, что выступает залогом единства многонационального народа.

Образ секулярного общества в официальном дискурсе церкви, как и в материалах мониторинга журналистских текстов, тоже высвечивается достаточно четко. К примеру, повторяются высказывания об отходе современного человека от Бога и традиций, о распространении греховного образа жизни, тлетворном влиянии телевидения и интернета (см.: [Гришаева, Шумкова, 2017]). Тем не менее все эти смыслы мы не считаем релевантными для исследования национально-гражданской идентичности россиян, так как в речи патриарха они относятся к человечеству в целом.

Национальным все же признается стремление россиян к святости и внутреннее единение, которые конструируются в дискурсе за счет практик исключения и противопоставления. Россияне выделяются из мирового пространства как наиболее верующие и сплоченные при всем культурном разнообразии:

Совершилось чудо/которое не имеет и не имело аналогии в мировой истории // потому что за двадцать с небольшим лет мы почти

восстановили то/что было в прошлом/и все это требовало огромных усилий... (Слово пастыря // Первый канал. 2015. 1 авг.);

...когда я сегодня во время закладки капсулы в основание строящегося храма/посмотрел на высоких руководителей/религиозных руководителей ислама/то задал себе такой вопрос/а где еще на земном шаре можно увидеть такую картину? // я проехал большинство стран мира/я не представляю/что где-то это еще возможно // но это возможно в России/и не случайно // мы с вами особенный народ/мы научились жить вместе/мы научились ценить друг друга/уважать традиции друг друга/и вместе трудиться во благо нашей великой родины (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 30 июл.).

Практика исключения россиян из мирового сообщества работает также на смысл «богоизбранничество», в этом случае маркерами идентификации служат отсылки к воле Бога и указания на уникальность россиян в отличие от каких-либо других национальных общностей:

...нам предстоит еще долгий путь/и мы должны его пройти // (...) чтобы обновилась сила нашего народа/и чтобы мы могли жить/творить/в соответствии с теми силами и теми возможностями/которые Бог вложил в наши души/в нашу страну/в землю нашу... (Слово пастыря // Первый канал. 2015. 23 мая);

...мы видим/что становимся сильнее и открываются новые храмы/и восстанавливаются святыни/и все больше молодежи обращается к Богу/и это свидетельствует о том/что есть некое помазание свыше над нашим народом... (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 30 июл.).

Практику противопоставления образует положительная оценка России на фоне стран Запада, причем эта антитеза относится не столько к религиозной жизни общества, сколько к духовной сфере в целом, то есть речь идет, скорее, о противопоставлении нравственного облика, а не догматов внутри религиозных течений. Англо-саксонский мир ассоциируется с грехом и бездуховностью, сопровождаясь, как правило, отрицательно-оценочной идеологемой «дехристианизация» — концепт «россияне» связывается с идеологемой «возрождение», которая несет в себе значение восстановления в первую очередь силы веры, имманентно присущей нации, погасшей в советский период, но теперь вновь проявленной:

...сегодня мы наблюдаем очень опасное явление в современной человеческой цивилизации <...> в европейских и американских странах это явление становится все более и более заметным // это явление называется *дехристианизацией* // когда христианская вера/но и самое главное христианские нравственные ценности вытесняются из общественной и даже личной жизни людей <...> в России/в Украине и в других странах/где Русская православная церковь имеет свою паству/мы наблюдаем обратный процесс // *укрепляется христианская вера* в людях/строятся тысячи храмов и монастырей (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 5 мар.).

Глубокое религиозное чувство нации передается также за счет практики историзации — придания особого значения историческим условиям, под воздействием которых формировался объект идентификации. В речи Патриарха Кирилла представлен нарративный механизм дискурсивной идентификации: предстоятель РПЦ часто говорит о непростой судьбе русского народа, об испытаниях, которые выступают катализатором непревзойденной силы веры:

при всем понимании того/что *было так много тяжкого и даже безобразного в жизни Родины* // и в этом смысле подвиг тех кто погиб защищая Отечество/и подвиг тех кто в мирное время погибал за ту же самую *духовную сердцевину жизни нашего народа* он соединяется <...> // откажись эти сонмы новомучеников/исповедников/от веры/от Христа/от церкви/встань они в ряды хулителей // может быть у народа не хватило бы никакой духовной силы сопротивляться врагу... (Слово пастыря // Первый канал. 2015. 13 июн.);

...народ наш/прошедший через все эти трудные испытания/и смутное время/и различного рода нашествия иноплемеников/будь то Наполеоново нашествие или Гитлеровское нашествие/народ/вышедший из тяжелейшего умопомрачения/которое привело его к разрушению своих собственных святынь/сегодня вновь обретает и веру православную/и национальное самосознание/и вместе с этим изменяется к лучшему лик нашего Отечества (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 20 авг.).

Заметим, что история духовного становления россиян не идеализируется, в ней признаются ошибки и констатируются моменты слабости.

Нарратив, по О. Фрейденберг, включает описание подвигов и страданий [Фрейденберг, 1998]. Нарратив о России в рамках религиозного медиадискурса представляет собой движение

от побед к ошибкам, которое интерпретируется с позиции РПЦ как усиление роли церкви и ее ослабление, сближение с Богом и отход от него. Основными испытаниями являются Революция и почти весь советский период, Смута, Церковная реформа Петра I, отменившая патриаршество, и Великая Отечественная война. Например, так говорится о советском периоде:

...неужели мы снова наступим на те же грабли/на которые наступили в революционную эпоху двадцатого века? Ведь и тогда *наш православный народ соблазнился* тем/что ему предлагали // предлагали идеи равенства/братства/свободы/всеобщего счастья/справедливости/и/движимый высокими чувствами/народ пошел на эти призывы // но сопровождался эти призывы неперменными требованиями отказаться от веры/разрушить духовную жизнь/сконцентрироваться на материальном/и мы знаем/к чему все это привело (Слово пастыря // Первый канал. 2015. 5 дек.).

Революционное время и его последствия приравниваются к трагедии, и виновником события изображается сам народ. Совершение ошибки — основание для отрицательно-оценочной идентификации, так как оно трактуется как проявление духовной слабости. Идентичность россиян, обычно наполненная в речи патриарха смыслами «духовная сила», «единство духа», «стремление к святости», в кризисные исторические моменты включает противоположные смыслы «нравственный упадок», «неспособность сопротивляться искушениям».

Периодами национального подъема служат эпоха восстановления после Смуты (правление Михаила Федоровича Романова) и победа в Великой Отечественной войне. В повествовании о подвигах решающее значение имеют религиозные ценности народа. К примеру:

...в страшные годы общенациональных испытаний/тяжелейшим из которых была Великая Отечественная война/именно *этот дух/эта сила/невидима/может быть прямо не осязаема/но реально связанная с верой во Христа/и помогла народу* нашему обрести силу/способную сокрушить самого страшного врага // когда люди шли в атаку они не думали ни о каких идеологиях/ни о каких партийных уставах/они шли/потому что считали/что так только и можно/иначе нельзя/а почему нельзя/многие из них недоговаривали/что иначе грех/потому что не знали что такое грех // но так глубоко в сердце были идеалы/христианские идеалы/что они подымали людей в атаку (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 6 мая).

Современность в нарративе о России характеризуется как постепенное приближение к подвигу, что отражается в речи патриарха через уже упомянутый нами концепт «возрождение»:

...народ/вышедший из тяжелейшего умопомрачения/которое привело его к разрушению своих собственных святынь/сегодня *вновь обретает и веру православную/и национальное самосознание/и вместе с этим изменяется к лучшему лик нашего Отечества...* (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 20 авг.);

...разве строительство этого собора не чудо?/но разве не чудо *возрождение/духовное возрождение нашего народа?* (Слово пастыря // Первый канал. 2016. 17 сен.);

...совершенно очевидно/что *Россия*/если ей не будут сильно мешать со стороны/не просто способна к такому *возрождению*/она запрограммирована на него в силу наших природных богатств, в силу способностей нашего народа (Слово пастыря // Первый канал. 2015. 5 дек.).

Констатируются улучшения в жизни российского общества, и причиной тому названа духовная сила народа, описываемая как божественный промысел, нечто «запрограммированное».

Выводы

Религиозная идентификация россиян конструируется в современном российском медиадискурсе либо конфликтогенными практиками, предполагающими стратификацию общества на основе отношения к церкви, либо унификационными, в большинстве случаев сужающими концепт «россияне» до православной идентификации. Идентификационным маркером в том и другом случае служат указания на многонациональность и многоконфессиональность россиян, хотя для воспроизведения этих смыслов требуются особые условия: конфликтное событие или количественное превосходство последователей религии, отличной от христианства. Среди имеющихся в России вероисповеданий упоминаются только христианство — преимущественно православие — и ислам.

Раздел 3

Разные аспекты национально-гражданской идентификации россиян в медиадискурсе

3.1. Национально-гражданская идентичность в региональном преломлении

В силу многонациональности и территориальной неоднородности Российской Федерации национально-гражданская идентичность россиян получает специфическое воплощение в региональном медиадискурсе. С одной стороны, активно конструируется объединяющая россиян национально-гражданская идентичность, с другой стороны, мы можем зафиксировать стремление территориальных общностей к сохранению и утверждению своей самости и уникальности, к конструированию региональной идентичности. Сосуществование и взаимодействие национально-гражданской и региональной идентичности в региональном медиадискурсе строится на отношениях подобию, противоречия, включения, исключения и др. Важными для идентификации оказываются противоположные по своей сути практики тождественности («Мы как вся Россия») и самости («Мы не как вся Россия») [Енина, Чепкина, 2010; Ильина, 2012].

В данном параграфе мы покажем региональную специфику национально-гражданской идентичности россиян на примере Кунгурского района Пермского края. Для этого последовательно рассмотрим, во-первых, как в медиадискурсе конструируется региональная идентичность, во-вторых, как данная региональная идентичность взаимодействует с национально-гражданской. В качестве источника эмпирического материала мы выбрали газету «Искра» города Кунгура и Кунгурского района.

Определение понятия регион зависит от научной области, от целей и задач исследования. В широком смысле, регион — это любая территория или группа территорий, объединенных

по каким-либо признакам, при этом регион не обязательно является таксономической единицей в какой-либо системе территориального членения (см.: [БТСРЯ, 2000, с. 535]). В рамках данного исследования нам важно разделить национально-гражданскую идентичность, которая связана со страной в целом, и идентичность территорий, составляющих страну. Поэтому региональная идентичность может быть определена как установление тождества с местностью — краем, районом, округом [БЭС, 1993, с. 1111; Жаде, 2006, с. 95–96]. Региональная идентичность основывается на географической, экономической, исторической и культурной общности.

Для начала обозначим лингвистические маркеры региональной идентификации Кунгура и Кунгурского района. Базовую группу сигналов образуют языковые средства, содержащие прямую отсылку к территориальной принадлежности, — *кунгуряк, житель кунгурского района, Кунгур, кунгурский*. Отдельно можно выделить существительное *край*, которое выступает как обозначение определенной местности, особенно в сочетаниях *родной край, любимый край, Кунгур — край родной*. К маркерам территориальной идентичности относятся и слова с семантикой принадлежности к территории, например, прилагательное *родной: родной город, родной Кунгур*.

Как пишет Н. А. Купина, ярким вербальным сигналом идентичности являются номинации, «реализующие значения личностной принадлежности, причастности к коллективному» [Купина, 2009, с. 142]. В газете «Искра» и на ее официальном сайте мы находим тексты, содержащие данные маркеры. Это словосочетания с местоимением *наш: наш мэр, наш Пермский край, наш город, наш гениальный комедиограф, наш праздник, наш завод*; с прилагательным *общий: общий праздник, общая ярмарка, общее дело*. Указанные словосочетания передают семантику принадлежности, свойственности группе, характерности для определенной группы, связанности какими-либо отношениями. Например:

Ежегодный фотоконкурс «Любимый Кунгур» позволяет посмотреть на *наш город* с новой, порой необычной, порой романтической, стороны (Очарование Кунгура. Фотоальбом конкурса «Любимый Кунгур-2015» // Искра. 2015. 16 нояб.);

Нужно признать, *наш завод* работал в очень сложных условиях не только в прошлом году, но и большую часть текущего (Кунгурский

машзавод набирает обороты и новых сотрудников // Искра. 2010. 22 нояб.);

Почему вы решили поселиться именно в *нашем городе*? (Цивилива П. Кунгурский фотохудожник Ринат Салимов: «Увидеть красоту родного города в серости будничных дней!» // Искра. 2017. 19 авг.).

Рассмотрим основные тематические направления региональной идентификации Кунгурского района. Как показало наше исследование, в региональной идентификации преобладают следующие направления: географическое, историческое, культурное и личностное.

Для Кунгурского района наиболее важным оказалось историческое направление идентификации. Идентичность строится на купеческом прошлом региона:

Кунгур — один из старейших городов Урала, который издавна называли купеческой республикой, уже в XVIII–XIX веках, оказавшись на выгодных торговых путях, становится крупнейшим торгово-промышленным центром Урала, центром хлебной торговли и кожевенного производства. Знаменитые кунгурские базары и ярмарки собирали купцов и торгующий люд с разных уголков Урала, Сибири, Центральной России (Масленица в Кунгуре: фольклор, блины и лошади // Искра. 2011. 6 мар.);

Старинный *купеческий город Кунгур* интернет-пользователи вновь выбрали одним из лучших мест для романтического отдыха (Рожкова Н. Кунгур снова попал в топ-5 лучших мест для романтического отдыха в России // Искра. 2015. 20 янв.);

Кунгур — город купеческий. Кунгурское купечество с его твердой хваткой и благотворительными традициями задавало тон жизни города (К 230-летию Кунгурской городской Думы: Путь большой и славный. Продолжение // Искра. 2015. 20 апр.).

Особое внимание уделяется исторической роли Кунгура в развитии чайной торговли в России:

«Кунгурские купцы развивали российско-китайскую чаеоторговлю. 70 % чая шло в Российскую империю через Кунгур. И сегодня все мы заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве», — сказал во время приема делегации заместитель председателя правительства Пермского края, министр территориального развития Роман Кокшаров (В Кунгуре в рамках визита китайской делегации обсудили перспективы сотрудничества в чайной отрасли // Искра. 2015. 23 окт.).

В данном фрагменте подчеркивается значимость региона для России. Таким образом, мы наблюдаем тесную связь региональной идентичности с национально-гражданской.

Значимо отсутствие советского периода в идентификации Кунгура и Кунгурского района. «В текстах газеты “Искра” проводится прямая линия между современной (постсоветской) и до-революционной жизнью территории. Реалии советского прошлого упоминаются, но не получают ценностной связи с региональной идентичностью. Лишь немногие события в истории СССР подаются как значимые для региональной идентификации. Это, например, Великая Отечественная война, которая упоминается в связи с календарным информационным поводом — Днем Победы, а также в портретных зарисовках как важный этап жизни героя-кунгурияка» [Ильина, Халуторных, 2017]. Рассмотрим примеры:

Прошел праздник — 9 мая, посвященный 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. *В Кунгуре он поистине стал общим для всех горожан* (Парад в честь 70-летия Победы в Кунгуре. Грандиозное шествие в фотоленте «Искры» // Искра. 2015. 9 мая);

Поисковик из Калуги Александр Соколов обратился к президенту России с ходатайством о присвоении звания Героя Советского Союза нашему земляку Григорию Пигасову. *О ратных подвигах молодого кунгурияка в годы войны в его родном городе до сей поры никто не знал* (Кунгурияк Григорий Пигасов из спецназа Жукова героически погиб под Калугой // Искра. 2012. 21 фев.);

В день празднования 72-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне по всей России прошли торжества, парады, митинги, шествия и другие мероприятия в честь этого праздника. *Как и другие города нашей большой страны, Кунгур окунулся в атмосферу большого праздника. Яркое тому подтверждение — концерт «Героям тыла посвящается», прошедший 5 мая во Дворце культуры «Мечта»* (В Кунгуре 5 мая состоялся концерт «Героям тыла посвящается» // Искра. 2017. 12 мая).

Великая Отечественная война становится объединяющим концептом-событием для всех регионов страны, участие жителей региона в этой войне становится поводом для утверждения тождественности со страной, а не уникальности региона.

С историческим направлением идентификации региона тесно связано культурное направление. Ключевыми для

идентификации Кунгура и Кунгурского района являются памятники архитектуры:

Гостиный двор, шикарные купеческие дома, сохранившиеся до наших дней, ценные памятники истории и архитектуры — благодаря этому Кунгур можно назвать музеем под открытым небом и идеальным местом для прогулок (Рожкова Н. Кунгур попал в тройку самых популярных городов России для поездок на День влюбленных // Искра. 2015. 3 фев.);

Не каждый населенный пункт может похвастаться сохранившимся Гостиным двором постройки 19 века (150 лет назад в Кунгуре было начато строительство «Гостиного двора» // Искра. 2015. 29 июл.);

В центре города расположен символ купеческого Кунгура — гостиный двор (XIX в.): по периметру находились торговые ряды и склады, а снаружи — крытая галерея. В городе расположено множество старинных русских церквей (Кунгур вошел в топ-5 необычных мест для отдыха в сентябре // Искра. 2016. 24 авг.).

Важную роль играют церкви как архитектурные и духовные объекты:

Уральский провинциальный Кунгур славится своими церквями и необычайными просторами. Человека верующего и неравнодушного к святым местам притягивает, как магнитом. Я путешествовала по многим православным уголкам России, ближнего и дальнего зарубежья, но когда приехала в Кунгур, будто окунулась в целебный источник. Церкви в городе и Белогорский монастырь на территории района создают полноценный ансамбль духовного возрождения на нашей земле. Сколько паломнических маршрутов можно организовать на территории нашего района! (Овчинникова О. Монастырю нужна помощь // Искра. 2009. 8 дек.).

Восстановление храмов, возрождение традиций, связанных с православным христианством, — это религиозная составляющая культурной тематики.

Географическое направление идентификации Кунгурского района прежде всего опирается на природные богатства, а центральным географическим объектом, своего рода символом района становится Кунгурская ледяная пещера. Например:

Кунгурская Ледяная пещера полезна для здоровья как спелеокамера. Пещера в Кунгуре действительно удивит всех нас, если однажды станет всероссийской здравницей! (Кунгурская Ледяная пещера по-

лезна для здоровья как спелеокамера // Искра. 2011. 6 мая). *Ледяная пещера* — в лидерах конкурса «Чудо России». Сейчас разворачивается нешуточная борьба. Давайте вместе вырываться вперед (Ваш голос важен! Ледяная пещера — в лидерах конкурса «Чудо России» // Искра. 2012. 3 дек.);

В Кунгуре, как и в любом другом населенном пункте нашей страны, существует немало микрорайонов, на которые мы порой совершенно не обращаем внимания. К числу таковых заповедных уголков, которые, несмотря на все перипетии времени, сохранили в себе дух минувших эпох, принадлежит и так называемая *Верх-Сылвенская часть города. Небольшой уголок города, расположенный между Сылвой и крутыми горами*, хранит в себе дух минувших эпох (Одегов В. Читаем Кунгур, как книгу. Верх-Сылвенская сторона // Искра. 2016. 22 нояб.).

Важным для региональной идентичности оказалось личностное направление. В текстах реализуются следующие смыслы: члены группы обладают исключительными качествами характера, уникальными талантами, они преуспевают в самых различных видах деятельности. Успехи земляков являются предметом гордости, все члены группы ощущают свою причастность к их успехам. Спортивные, профессиональные, интеллектуальные и другие достижения связывают с принадлежностью к определенному региону. Они становятся информационным поводом для написания текстов:

Превращению чаепития в привычную российскую повседневность способствовала расчетливая и планомерная деятельность не одного поколения российских предпринимателей. Выдающееся место в их списке принадлежит *кунгурскому купцу первой гильдии Алексею Семеновичу Губкину*, которого современники прозвали «пионером чайного дела Российской Империи». *Благодаря нашему земляку был наведен долгожданный порядок в оптовой продаже чая* (Ренёва О. Купец-дворянин Алексей Губкин. К 200-летию со дня рождения знаменитого кунгуряка // Искра. 2016. 24 фев.);

Кунгурская легкоатлетка Марина Патласова завоевала множество медалей на самых разных соревнованиях и в качестве тренера воспитала не один десяток талантливых чемпионов. Радость тренера за своих учеников искренняя, неподдельная. *Их победы — это ее победы. Характер Марины Эриксоновны, похоже, железный*. «Нет, золотой! — утверждают ее коллеги. — Ведь она воспитала немало золотых чемпионов из числа молодежи». А сколько еще таких чемпионов

впереди. Марина и сама в состоянии побороться за кубки и медали (Профессионал: Марина Патласова, кунгурская спортсменка и тренер с «золотым» характером // Искра. 2015. 24 фев.).

«Семейственность и преемственность — еще одна важная характеристика жителей территории. Персонажами текстов часто становятся представители семейных династий, журналисты описывают традиционный уклад жизни маленького города» [Ильина, Халуторных, 2017, с. 11]. Например:

Железнодорожники — фамильная профессия династии кунгуряков Васильевых-Бурдиных. Передавая опыт, знания и любовь к выбранной профессии, трудятся на железной дороге дети и внуки этой многочисленной трудовой династии. Общий трудовой стаж на железной дороге династии Васильевых-Бурдиных составляет 401 год (Железнодорожники — фамильная профессия династии кунгуряков Васильевых-Бурдиных // Искра. 2012. 8 авг.);

Школьная династия в Кунгуре. Первоклассник Марк Штольц пошел в школу, где учились его мама и бабушка. Вера Викторовна Попова преподает в школе № 1, где и сама училась. Эту школу окончили ее две дочери. Сегодня она ведет в свою школу внука-первоклассника (Школьная династия в Кунгуре. Первоклассник Марк Штольц пошел в школу, где учились его мама и бабушка // Искра. 2015. 4 сен.);

Семью Шемелиных можно считать *сложившейся спортивной династией*. У кунгурской семьи тренеров Шемелиных общий стаж занятий спортом — почти 100 лет (Купреев Ю. У кунгурской семьи тренеров Шемелиных общий стаж занятий спортом — почти 100 лет // Искра. 2017. 15 авг.).

Постоянными персонажами региональной прессы являются представители власти. Формируется положительный образ власти, подчеркивается ее роль в обеспечении стабильности в регионе. Как пишет Э. В. Чепкина, «в региональной прессе иерархия новостной ценности сообщений существенно корректируется приоритетом формирования положительного имиджа региональной и муниципальной власти и региона в целом. В первую очередь обеспечивается конструирование социальной реальности в интересах учредителей». Конструируется картина «стабильного и разумного мироустройства с опытными и эффективными руководителями во главе, за счет чего обеспечивается единство взглядов власти и населения», а населению отводится роль объекта заботы властей (см.: [Чепкина, 2016, с. 65]). Например:

На сходе в Усть-Турке 10 февраля *жители благодарили власть* за новые детсад и школу. Глава поселения Ирек Салаватов в своем докладе отметил, что в минувшем году в поселении было сделано очень много, несмотря на сложное сейчас время для нашей страны (Рожкова Н. «Спасибо за детский сад». О сходе в Усть-Турском поселении Кунгурского района // Искра. 2016. 22 фев.);

Как помочь бедным? — эту проблему обсудили в городской администрации. Территориальное управление минсоцразвития, именуемое в народе соцзащитой, предложило объединить усилия всех существующих в Кунгуре ведомств в деле оказания помощи бедным и малоимущим семьям (Берклунд Е. В Кунгуре решали, как помочь бедным // Искра. 2016. 4 мая).

Все рассмотренные выше практики идентификации сопровождаются преимущественно положительной оценкой говорящего:

«У нас уже имеется несколько *обустроенных* мест, где жители и гости города могут *полюбоваться* местными достопримечательностями», — говорит начальник сектора по развитию туризма управления экономического развития города Ирина Михайлова (Купреев Ю. Памятный знак в честь нефтяников и новая смотровая площадка появятся в Кунгуре // Искра. 2015. 3 окт.).

Используется лексика с положительной семантикой удобства, удовольствия [БТСРЯ, 2000, с. 509, 689]. Для районной прессы в целом характерна идеализация собственной территории, что граничит с созданием корпоративного имиджа. Например:

Гости города посетят смотровые площадки, музеи, промышленные предприятия и дегустационные залы и увидят *Кунгур*, как небольшой, *стабильно развивающийся город с богатыми и крепкими традициями купечества и меценатства, с влюбленными в свою малую родину жителями* (Памятный знак в честь нефтяников и новая смотровая площадка появятся в Кунгуре // Искра. 2015. 6 окт.);

Кунгур — старинный городок, компактный. Может, вы никогда над этим не задумывались, но этот *город идеально подходит* для художников, фотографов, писателей, одним словом, для творчества (Цивилива П. Кунгурский фотохудожник Ринат Салимов: «Увидеть красоту родного города в серости будничных дней!» // Искра. 2017. 21 авг.);

Мы гордимся тем, что признаны лучшими, верим в то, что *нужны Кунгуру*, и постараемся в дальнейшем оправдать все возложенные

на нас ожидания (Поляков Д. 50 премий для одаренных школьников Кунгура // Искра. 2017. 29 мая).

Появление редких негативных оценок обусловлено тематикой и жанром текста. Например, в интервью с чиновниками и депутатами в предвыборный период или на ежегодных пресс-конференциях затрагиваются проблемы города и района. Но это всегда проблемы, которые могут и должны быть решены. Например:

— Назовите 3 основные проблемы Кунгура.

— Первая, *безработица*. Если какое-то предприятие закрывается, необходимо открывать какое-то новое производство (Поляков Д. Кандидат на пост главы Кунгура Артур Ахметьянов: «Люди, которых я хорошо знаю и уважаю, попросили заявить свою кандидатуру» // Искра. 2015. 26 сен.).

Либо освещаются отдельные недостатки, частные случаи нарушения стабильности и порядка:

Вандализм в Филипповке. В Кунгурском районе на сельском кладбище неизвестные уронили и сломали более 50 каменных надгробий (Вандализм в Филипповке. В Кунгурском районе на сельском кладбище неизвестные уронили и сломали более 50 каменных надгробий // Искра. 2017. 14 авг.);

Очистные сооружения на поселке Дальнем в Кунгуре так и не построены. Канализационные стоки текут на землю (Купреев Ю. Очистные сооружения на поселке Дальнем в Кунгуре так и не построены. Канализационные стоки текут на землю // Искра. 2017. 18 авг.).

Проанализировав позицию говорящего по отношению к идентификации, мы пришли к выводу, что говорящий чаще всего включает себя в группу жителей территории. Данная практика характерна и для речи журналиста, и для речи персонажа. Такое включение говорящего в группу «своих» происходит преимущественно с помощью маркеров идентичности («мы», «наш» и др.). Например:

Фильм (о Кунгуре) получился простым, душевным, добрым. С крупными планами главных *памятников и достопримечательностей Кунгура*, к которым *мы, местные жители*, уже немножко привыкли (Телеканал «Культура» и режиссер Волчанская: «Счастье не за горами», а в Кунгуре // Искра. 2013. 28 янв.);

Мы, жители Урала, все жалуемся на погоду, а вот американцам наш климат очень нравится (Цивилива П. Американская семья Смит: «Концерты в Кунгуре лучше, чем в Техасе» // Искра. 2017. 8 авг.).

Происходит конструирование «своего круга», в который входит редакция, журналист, аудитория (население города и района) и местная власть. Данный круг «своих» наделяется исключительно положительными характеристиками и отличается идеологическим единством [Чепкина, 2016, с. 64].

Опираясь на идею С. Жижека о существовании феномена «субъекта, предположительно верящего» [Жижек, 2005, с. 6–7], Э. В. Чепкина говорит о конструировании в региональной прессе «наивного адресата», «когда человек всего лишь делает вид, что верит во что-либо, так как он считает, что есть кто-то верящий на самом деле и что эту веру следует поддерживать» [Чепкина, 2016, с. 64]. Тексты строятся так, как если бы реально существовал такой типичный адресат, который примет за объективную реальность все идеологически обработанные описания актуальных событий.

Таким образом, региональная идентичность связана с конструированием стабильного и непротиворечивого мироустройства, аудитория региональной прессы при этом мыслится как наивный адресат, «который верит в то, что живет на прекрасной территории, что его земляки — сплошь красивые, талантливые, трудолюбивые люди, что региональная власть — это всегда мудрые и заботливые руководители, а население искренне благодарит их за заботу. Представляется очевидным, что реальная аудитория является совсем не такой однородной, какой ее конструирует региональная пресса. Эта аудитория живет в гораздо более сложном и недружелюбном мире, чем непротиворечивый благополучный регион на страницах прессы» [Чепкина, 2016, с. 67].

Выявленные нами практики региональной идентификации взаимодействуют с практиками национально-гражданской идентификации. Как показало исследование прессы Кунгура и Кунгурского района, региональная идентичность на данной территории способствует утверждению национально-гражданской идентичности. В этом случае базовые смыслы идентификации оказываются тождественными для региона и для страны, транслируется смысл «Мы как вся Россия». Концепт «кунгуряки» объединяется, сливается с концептом «россияне».

«Взаимодействие национально-гражданской идентичности и региональной идентичности кунгуряков происходит преимущественно через практики включения (смысл “часть — целое”» [Ильина, Халуторных, 2017, с. 12]. Жизнь, которая протекает в глубинке, имеет прямое отношение к жизни всей страны и в данном контексте судьба страны не мыслится без жизни в глубинке:

Так что *Елесино* (деревня в Кунгурском районе) — это *самая настоящая частичка России*. Кусочек, обрывочек. Маленькая точка на карте. И то не на каждой. Тем не менее именно *из таких вот деревушек — больших и маленьких и состоит наша страна* (Россия — из глубинки // Искра. 2009. 11 июня.).

В текстах подчеркивается значимость событий всероссийского и мирового масштаба для кунгуряков, участие в них имеет особый смысл в судьбе героя материала, является поводом для гордости:

Однажды мне уже доводилось быть факелоносцем. На церемонии открытия «Небесной ярмарки» мне доверили нести факел. Ощущения необычайные. Поэтому я *чрезвычайно рад*, что мне *выпала такая честь* пронести огонь олимпиады по улицам родного города. Факел я обязательно выкуплю, и он займет свое место в моем музее. Предвижу, что будут поступать предложения перепродать его. Ни за какие деньги! Факел станет наглядным *напоминанием кунгурякам о причастности города к зимним олимпийским играм в Сочи* (Факелоносцы олимпийского огня // Искра. 2013. 14 нояб.).

Ежегодные мероприятия, которые проводятся в большом количестве российских городов, также проходят и в Кунгуре, и данный аспект подчеркивается в журналистских текстах:

«Лыжня России — 2015» собрала около 600 участников, жителей Кунгура и Кунгурского района. Праздник спорта традиционно прошел на лыжной базе «Снежинка». Последние несколько лет в *главный лыжный праздник России* у нас в городе стоял мороз — иногда до 30 градусов. Сегодня температура «всего» — 15, и без ветра. Самое то! (Халуторных Е. В Кунгуре состоялась «Лыжня России-2015» // Искра. 2015. 7 фев.).

Подчеркивается значимость деятельности кунгуряков и их влияние на текущее положение дел в стране:

В последнее воскресенье июля *наша страна отмечает День Военно-Морского флота*. Мы чествуем людей, стоящих на страже безопас-

ности нашей Родины. Россия — великая морская держава. *В Кунгуре проживают более тысячи мужчин и молодых людей, которые свою службу несли в открытом море.* Это люди, на которых стоит равняться молодому поколению (29 июля — День Военно-Морского флота // Искра. 2012. 28 июл.);

Уже 13 ноября Александра Третьякова ожидает новый турнир. Он в составе Российской сборной поедет в Ригу, на Чемпионат мира. Где обещает *достойно представить страну и родной город* (Кунгуряк установил новый мировой рекорд // Искра. 2011. 6 окт.);

Хочется отметить, что в зале было очень много зрителей молодого поколения — ведь они наше будущее, а значит, *наша страна будет жить!* (В Кунгуре 5 мая состоялся концерт «Героям тыла посвящается» // Искра. 2017. 12 мая).

Отдельно следует выделить тексты, в которых персонажи-кунгуряки одобряют политику российского государства. На наш взгляд, подчеркивание согласия именно в этой сфере является магистральным направлением для формирования включенности в единую российскую идентичность:

Кунгурский танцор Евгений Новожилов (творческий псевдоним — JohnnyBoy), основатель популярной в нашем городе группы INcity, в конце января уехал покорять Китай: «Я не первый представитель кунгурского шоу-бизнеса, который поехал в Поднебесную. Да и вообще это направление сейчас *приоритетное для России.* *Наша страна плодотворно сотрудничает с Китаем,* идет переориентация с Запада на Восток. Я здесь совсем недавно, но уже хочется поделиться впечатлениями» (Кунгурского танцора в Китае удивили идеально ровные дороги и отсутствие домашних животных на улицах // Искра. 2015. 15 фев.).

Таким образом конструируется идеологическое единство власти и населения, страны и региона.

В текстах, в том числе, содержатся призывы к объединению с другими территориями в значимых для общественно-политической жизни страны вопросах. Например, обсуждается присоединение полуострова Крым к России 18 марта 2014 г.:

Владимир Матющенко, член правления организации «Мой город»: *Мое отношение к президенту Путину бывало разное, но его позицию по Крыму я поддерживаю на 200%.* Как бывший военный заявляю, что присоединение полуострова — это выверенное,

своевременное и точное решение. Конечно, присоединение Крыма России будет даваться не просто. Запад грозит санкциями. Но вместе с тем уважение к нашей стране вырастет в глазах всего мирового сообщества. *Россияне должны помогать друг другу, во что бы то ни стало.* Уверен, за этот поступок наши потомки скажут «Спасибо» сегодняшней власти. Ведь в 1954 году территорию «оторвали» от Родины. А теперь все встает на свои места (Рожкова Н. Что думают кунгуряки о воссоединении Крыма с Россией? // Искра. 2014. 21 мар.);

В Центральной городской библиотеке им. К. Т. Хлебникова состоялся тематический диалог: «Крым: путь на родину». Артем Халуторных, руководитель местного отделения «Молодой Гвардии Единой России», отмечает: *«Это часть истории, поэтому мы должны знать и рассказывать об этом»* (Халуторных Е. В Кунгуре состоялась дискуссия на тему «Крым: путь на родину» // Искра. 2015. 24 авг.).

Интересно, что даже негативно-оценочная идентификация выступает как объединяющий фактор. Например, проблемы, которые существуют в городе, часто выступают как часть проблем, охвативших всю страну. С одной стороны, данное явление можно связать с перекладыванием ответственности за происходящее на представителей федеральной власти (особенно когда субъектом высказывания является представитель местной власти), но с другой стороны, подчеркивается актуальность вопросов, которая требует решения на уровне всей страны, и Кунгур идентифицируется как неотъемлемая часть государства с аналогичными проблемами:

Ситуация в нашем городе, как и во всей России, очень плачевная, много пьющих, много алкоголиков, наркологическая больница не пустует, много наркоманов, — говорит автор проекта Ольга Вшивкова. <...> Во многих регионах России при храмах и монастырях организуется Общество «Трезвение» (В Кунгуре на базе Иоанно-Предтеченского женского монастыря реализуется проект «Первый шаг к трезвению» // Искра. 2014. 21 мая);

В России увеличилось количество детей, пострадавших от жестокого обращения в семьях, и *Кунгур не стал исключением* (Спирidonов Д. Кто защитит детей от жестокого обращения в семьях? // Искра. 2015. 24 сен.).

Практики взаимодействия региональной и национально-гражданской идентичности в разных регионах России могут

существенно различаться. Так, медийная картина идентификации региона существенно различается, если сравнивать Кунгур и Калининград. Анализируя идентичность жителей Калининграда и Калининградской области, исследователи отмечают, что в эмоциональном плане региональная идентичность калининградцев доминирует над национально-гражданской, что в формировании идентичности важную роль играют смыслы оторванности от основной части России и недостатка внимания федеральных властей к специфическим трудностям калининградцев [Алимпиева, 2009]. По нашим предварительным наблюдениям, в региональном медиадискурсе Калининграда и Калининградской области более частотными оказываются практики «самости», реализуется идентификационный смысл «Мы не как вся Россия».

Выводы

Региональная идентификация россиян идет по нескольким основным направлениям: географическому, историческому, культурному, личностному. При этом смыслы, реализующие данные направления, а также практики взаимодействия региональной и национально-гражданской идентичности могут варьироваться в зависимости от местности.

Идентификация Кунгура и Кунгурского района в местной прессе реализуется через смыслы уникальных природных богатств (ледяная пещера и др.), купеческого прошлого региона, исторической роли региона в развитии чайной торговли и др. С помощью отбора преимущественно положительных смыслов и оценок создается идеализированный образ территории. При этом региональная идентичность Кунгура и Кунгурского района не вступает в конфликт с национально-гражданской идентичностью, а наоборот укрепляет ее через практики включения и подобия. Подчеркивается роль кунгуряков в жизни целой страны, а участие в делах государства является предметом гордости. Частотны практики тождественности «Мы как вся Россия». Тождественность, единение со страной является важным скрепляющим смыслом для регионального медиадискурса.

3.2. Привлечение мнения эксперта в практиках идентификации россиян

В текстах СМИ нередко присутствует эксперт — человек, который обладает специальными знаниями в сфере, теме, являющейся предметом обсуждения. Субъектная позиция эксперта чаще всего представлена в виде прямой речи, присутствующей в тексте наравне с речью журналиста. В случае пересказа экспертного мнения, в том числе в виде косвенной речи, мы можем говорить об эксперте как персонаже журналистского текста. Эти варианты оформления экспертного мнения в равной мере реализуют функцию передачи специального, предположительно объективного знания о ситуации, которая стала предметом рассмотрения в медиадискурсе.

Можно выделить две основные группы экспертов в зависимости от того, на чем основано их право занимать экспертную позицию. Во-первых, глубокие теоретические знания в какой-либо сфере, и поэтому в качестве эксперта традиционно приглашают людей с учеными степенями и званиями. К этой же группе относятся случаи, когда в качестве эксперта приглашают журналиста, который на протяжении относительно долгого времени занимается одной темой: читает специальную литературу, исследует и накапливает факты, устанавливает связи между ними. По сути, такой журналист является исследователем.

Во-вторых, статус эксперта человек получает, если у него есть большой профессиональный опыт в определенной сфере, например, летчик-испытатель, врач, юрист. Представитель власти тоже может быть экспертом из этой группы, поскольку, благодаря своему положению, он обладает особым взглядом сверху на ситуацию, знает формальные и неформальные правила, которые существуют в работе госаппарата, ориентируется в алгоритмах работы органов законодательной и исполнительной власти, знает настроения, которые царят во властных структурах, но еще не оформлены в правовом поле.

Вместе с тем для практик медиадискурса должно быть важно, чтобы в качестве эксперта был приглашен человек, который не имеет заинтересованности в том, чтобы освещать вопрос именно так, а не иначе.

Таким образом, мнение эксперта должно удовлетворять двум основным требованиям — это авторитетность и объективность.

ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТА В ИНТЕРВЬЮ С ЭКСПЕРТОМ

Ответственность за ход разговора несет журналист, поэтому он реализует практики конструирования объектов, то есть выбирает события и персонажей, о которых пойдет речь. Часто разговоры журналистов с известными политологами, экономистами, деятелями культуры политематичны. Например, с директором Эрмитажа М. Пиотровским в 2015 г. говорят о съезде националистических партий в Петербурге, скандале вокруг «Тангейзера», о параде Победы, о памятнике князю Владимиру и многом другом. Беседа с узкими специалистами предполагает круг объектов, связанных сугубо с их профессиональными интересами; так, с военным обозревателем «Комсомольской правды», полковником в отставке В. Баранцом на радио «Русская служба новостей» в марте 2015 г. говорят о военном параде, о вооружении российской армии, о материальном положении военных.

В связи с проблематикой российской идентичности журналист может с помощью вопросов направлять разговор в сторону сопоставления России и Запада по принципу «где хуже — где лучше»:

Дарья Надина: Сегодня отмечается день театров <...> В мире был учрежден этот праздник в 61 году в Вене на Конгрессе Международного института театра при ЮНЕСКО <...> Россия присоединилась не так давно к этой акции. У нас теперь проходят ночи в театре, проходят какие-то открытия, знаешь там, открытые репетиции, очень много всего в Москве <...> Нам поможет составить планы на вечер *Константин Богомолов, российский театральный режиссер* <...>

Константин Богомолов: У вас полным-полно театров в Москве. Роскошный выбор всевозможных зрелищ. Можно пойти туда, сюда, в пятое, десятое место. Поэтому недостатка в театральных представлениях сегодня в Москве нету, и театр находится в прекрасном состоянии и даже в расцвете.

Дарья Надина: Константин Юрьевич, вы сами сказали, что в Москве на любой вкус есть театры, и спектакли каждый вечер. И вообще *в этом плане Москва опережает Европу, насколько я знаю, у нас гораздо больше премьер в течение года*, по статистике просто их больше. Тем не менее, по-вашему, чего не хватает театральной Москве сегодня? (Все главное сейчас // РСН. 2015. 27 мар.).

Сопоставление с Европой мало связано с темой, включение этого элемента можно считать влиянием концепта «информационная война», который актуализирует практики сравнения и утверждения превосходства России в различных сферах.

ПРАКТИКИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ РЕЧИ ЭКСПЕРТА

В ходе реализации своей субъектной позиции в СМИ эксперты прежде всего опираются на практики собственных профессиональных дискурсов, в терминологии М. Фуко — на правила своей дисциплины, «которая определяется областью объектов; совокупностью методов; корпусом положений, которые признаются истинными; действием правил и определений, техник и инструментов. В целом, это анонимная система <...> которая предназначена для построения новых высказываний» [Чепкина, 2000, с. 17].

Эксперт принимает участие в конструировании дискурсивных объектов (событий и персонажей), о которых идет речь. Если отбор объектов осуществляется журналистом, то в их идентификации активно участвует эксперт, опираясь на систему координат своего профессионального дискурса. Это проявляется и в вопросах, касающихся конструирования современной российской идентичности. Так, на «Эхе Москвы» глава Эрмитажа М. Пиотровский, определивший основную функцию музея как обеспечение диалога культур, идентифицирует ситуацию в российском обществе, где идут накаленные споры (в частности вокруг спектакля «Тангейзер»), как зачатки социального диалога, который пока, правда, идет *на повышенных тонах* (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 23 мар.). Дьякон А. Кураев, представитель православной церкви, задача которой проповедовать любовь и сдерживать ненависть, приписывает российскому обществу характеристики «*накопление ненависти*», «*моральное разложение*», с огорчением признавая, что этому способствует не только государственное телевидение, но и немало представителей самой РПЦ (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 мар.). Таким образом, внимание специалиста по культуре направлено на культуру отношений в обществе, на взаимодействие людей различных взглядов, внимание «специалиста по душе» — на внутреннее состояние российского человека.

Политологи дают идентификации внешней и внутренней политики России. Как правило, эти идентификации идеологически окрашены и носят развернутый характер. Например, этапы

эволюции политики В. Путина как главы государства политолог К. Коктыш представляет в виде поиска Россией достойного места в мировом сообществе:

Россия обнаружила, что, несмотря на членство во всех глобальных институтах, она остается на приставном стульчике, что, по большому счету, ее не слушают. Далее, соответственно, этапом был 2008 год, где мы, наверно, вошли в системную конфронтацию с Соединенными Штатами <...> вступившись за Южную Осетию <...> мы обрушили одну из американских гарантий. Гарантию безопасности <...> в 2008 году выяснилось, что проамериканский Саакашвили не может рассчитывать <...> Америка не может обеспечить ему соответствующую помощь <...> После этого следующий этап, это была Сирия. Это была громкая победа России, где все-таки получилось предотвратить военный сценарий (это говорилось в 2015 г. — Прим. авт.) <...> После чего получился украинский кризис, где уже Россия раскрылась в полной степени. Выяснилось, что Путин демонстрирует качества твердого лидера, последовательного лидера, который хорошо рефлексирует национальные интересы и понимает, что есть те вещи, которым нельзя отступать и которыми нельзя торговать <...> заявление Соединенных Штатов, что Америка проигрывает информационную войну, говорит о том, что российская позиция завоевывает все большее количество симпатий <...> Россию начинают все больше слушать (Умные парни // РСН. 2015. 26 мар.).

Здесь внешнеполитические идентификации России представлены с помощью нарратива (в начале «Россию никто не принимает во внимание» — затем «Россия вступила в системную оппозицию с США» — в конце «с Россией начинают считаться»). Нарратив выстроен с профессиональной точки зрения политолога-международника и в русле официальной политико-идеологической позиции.

Внешнеполитические идентификации России могут быть выполнены в виде дескриптивной модели с использованием персонификации. Политолог С. Белковский изображает процесс взаимоотношений Европы и России как процесс неудачного ухода «мальчика» В. Путина за «девочкой» Европой:

За косички он ее дергал, обзывался, плевался, таинственно улыбался, портфелем по голове бил, крутил роман с другими, исчезал надолго — не помогает. Европа только отдаляется. Теперь в отчаянии угрожает всем ядерным чемоданом грохнуть (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 25 мар.).

Намерения России, как и в предыдущем примере, изображаются как направленные на привлечение внимания Европы, как попытки сблизиться с ней на равных. Но результат оценивается противоположным образом: «России не удастся стать своей в кругу европейских стран». В речи Белковского конкретные внешнеполитические шаги России, в отличие от предыдущего нарратива, уведены в подтекст, адресату необходимо для расшифровки метафоры самому провести фактические сопоставления на основе фоновых знаний. В этом примере мы видим слияние правил двух дискурсов: целостная, логически завершенная картина политических отношений России и Европы предполагает опору на дискурсивные практики специалиста. А речевое ее воплощение в виде персонификации — дань журналистскому дискурсу. Вместе с тем мы видим, что практики внешнеполитической идентификации России находятся также под влиянием дискурсивного концепта «информационная война»: Россия описывается через противопоставление Европе, отношения между ними описаны как недоброжелательные. Появление этих смыслов можно было бы отнести к влиянию профессионального дискурса, однако и другие эксперты реализуют практики идентификации сходным образом. Например, журналист-эксперт И. Шамир говорит о том, что П. Порошенко предпринял

...несколько враждебных по отношению к России шагов. Он призвал миротворцев ООН на русско-украинскую границу вопреки Минским соглашениям, и о том, что обедневшие олигархи становятся более податливыми, но ситуацией могут воспользоваться американцы, если Россия не проявит должного интереса (Шамир И. Коломойский — за Донбасс, Россию и Советский Союз? // Известия. 2015. 24 мар.).

Подчеркиваются смыслы конфронтации, конфликта интересов. Сходная связь смыслов враждебности и военного противостояния как характеристик противостояния России и западного мира в речи полковника-эксперта В. Баранца описана в разделе 2.1.

Смыслы «Россия — агрессор» и «Россия — жертва» также часто воспроизводятся экспертами в публикациях 2015–2017 гг. Так, например, политолог С. Белковский считает, что Россия может настолько увлечься ролью агрессора, что применит и ядерное

оружие. А политолог А. Суздальцев говорит о крайне враждебном отношении к России со стороны западных стран:

я не хочу сказать «вражеские государства», «лютые враги». Хотя, в общем-то, как они себя ведут, как говорят, что жизнь положат, чтобы Россию уничтожить, ну да, лютые враги (отметим также использование оценочной лексики. — *Прим. авт.*) (Умные парни // РСН. 2015. 24 мар.).

Слово «Россия» в использовании А. Суздальцева и других экспертов, разделяющих эту позицию, имеет смысл «государственная власть и весь российский народ», в то время как в текстах экспертов, критикующих власть, это слово обозначает либо российскую власть, в первую очередь В. Путина, либо противопоставленное им население:

Путин понял, что Россию улучшить невозможно, можно только позиционировать себя в качестве Сталина-2 на международной арене и спровоцировать мирные переговоры в формате Ялты-2 (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 25 мар.).

Аналогично выстраиваются идентификации внутренней политики России: они также представлены развернуто и подчинены влиянию концепта «информационная война». При этом лояльные к власти эксперты подчеркивают единство российского народа, его сплоченность перед лицом внешнего врага (*наш народ политизированный, это титульная нация*), а специалисты, критикующие официальную позицию, выводят на первый план противопоставление «власть и народ» (*Путин закручивает гайки — о призыве президента следить за выполнением закона о запрете призывов к экстремизму*), «Москва и Кавказ» (*Кадыров... хочет доить Россию*), «власти Крыма и крымские татары» (*И в случае закрытия АТР (телеканала меджлиса. — Прим. авт.), не продления лицензии это будут крутить по другим каналам, вроде изображая то, что АТР существует. Но такие, может, приемы проходили в средневековых каких-то государствах. Но сейчас обмануть так людей навряд ли получится*) (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 27 мар.)) и т. п.

Для характеристики внутривластной ситуации в стране политолог Г. Павловский рассказывает советский анекдот времен застоя о том, что можно никуда не ехать, а просто трясти вагон, имитируя движение. Затем делается обобщение: в России

властями имитируется любая реальность. В качестве примера Г. Павловский, в частности, описывает предвыборную кампанию:

Если вы включаетесь в реальные выборы, то у вас возникает естественным образом масса проблем: у вас есть враги, противники, у них есть пресса, они вас атакуют, и так далее. <...> А тут надо все организовывать самому — и прессу, и врагов, противников <...> И еще разделить бюджеты между собой и врагами, противниками <...> Здесь значительно больше усилий, чем в обычных банальных выборах (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 23 мар.).

Так же, по мнению эксперта, имитируется стоимость доллара на рублевом рынке, инвестиционные рейтинги, свобода слова, образы самих политиков, суд и правительство. Таким образом, используется развернутая дедуктивная модель описания объектов. Внутриполитическая ситуация в России идентифицируется как совокупность имитаций. Отметим, что персонификация и комическая аналогия — это дань политологов типичным практикам конструирования истины в журналистском дискурсе. По наблюдениям Э. В. Чепкиной и Л. В. Ениной, «встраивание правдоподобной интерпретации событий в логику обыденного мышления чаще всего осуществляется через отношения подобия, особенно если связь устанавливается с чем-то хорошо знакомым» [Чепкина, Енина, 2011, с. 79].

Надо заметить, что некоторые эксперты не подвержены влиянию концепта «информационная война». Например, М. Пиотровский говорит, что у России есть два лица, которые воплощены в Петербурге. Но споры между этими сторонами России он представляет не как войну, а как начало диалога, который необходимо продолжать и учиться договариваться.

Приписывание идентификаций объекту Россия в виде целостной развернутой нарративной, дескриптивной или аргументативной модели — это реализация практик субъектной позиции эксперта.

Еще одним признаком практик идентификаций со стороны экспертов можно назвать то, что все они выполнены в реальной модальности. Специалист не делится личным мнением, а дает экспертную оценку, которую он может аргументировать. Таким образом, следующая группа практик, с помощью которых реализуется субъектная позиция эксперта, — это практики конструирования истины.

Специалист всегда так или иначе обосновывает свою позицию (объясняет суть, причины, цели, делает прогнозы, сравнивает, находит контраргументы, вписывает в исторический контекст и т. д.). Все практики конструирования истины, которые характерны для журналистского дискурса [Чепкина, Енина, 2011, с. 78–79], можно найти и в речи экспертов. Выстраивая аргументацию, эксперт демонстрирует специальные знания. Дискурсивные объекты изображаются как элементы более общей картины, известной эксперту. Перечислим практики аргументации, которые, на наш взгляд, характерны для позиции эксперта.

1. Важнейшая из таких практик — встраивание объекта в исторический контекст, нередко касающийся специальности эксперта. То или иное явление представляют как продолжающее определенную традицию, имеющее какие-то исторические корни. В. Баранец обосновывает необходимость проведения парада 9 мая великими победами российского народа:

Мы россияне, у нас есть свои традиции, в нашем историческом арсенале великие победы. Может быть, нам забыть победу в войне 1812 года? <...> У нас есть Великая Победа, у нас есть Священная Победа, у нас есть традиция проведения парада на Красной площади (В. Баранец: Армия не просит повышения зарплат, у военных есть совесть. Умные парни // РСН. 2015. 27 мар.).

М. Пиотровский, обсуждая съезд националистов в Петербурге, приводит целый комплекс исторических ассоциаций, чтобы аргументировать идентификацию «Петербург — город социальных конфликтов, он совмещает два лица России»:

М. Пиотровский: Петербург вообще-то место, где всегда в нашей истории происходят такие столкновения разных идеологических позиций серьезных. Все-таки три революции происходили здесь. Здесь самые острые вещи, самые острые конфликты есть все время <...>

О. Бычкова: *А почему так? Почему здесь?*

М. Пиотровский: *Такое место.* Я думаю, что Петр привез сюда, на болото, на море <...> тут мы все время будем грозить отсюда шведу. И так далее. Мы тут все время кому-то грозим, и здесь происходят все время столкновения <...> Все наши последние события прошлых лет, и связанные с выставками, с братьями Чепменами, богохульством, <...> — обостренная ситуация здесь. <...> У нас все время какие-то обострения. Постановление по поводу

Зощенко и Ахматовой было здесь. Это самое яркое во всей классовой борьбе в сфере культуры за всю советскую историю <...> И Ахматова здесь была, жила и всех безумно раздражала. Всех — потому что оставалась такой великой. И соответственно вокруг нее все враги тоже обостряли свою деятельность. Поэтому я думаю, что это еще одно из проявлений того, что в Санкт-Петербурге обостренно сталкиваются разные точки зрения, принципиальные позиции, и в какой-то мере здесь мы должны находить решение. Наш город должен находить решение между разными сторонами, разными лицами России. Мы же совмещаем два лица России (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 23 мар.).

Встраивание в исторический контекст может иногда существенно менять привычный взгляд на вещи. Например, А. Кураев, соглашаясь с тем, что коррупция — негативное явление, говорит, что возможен и иной взгляд на эту проблему, проводит исторические параллели и соотносит ее с культурой дара:

Есть традиции добрые и святые, а есть традиции... как пел Высоцкий: «И вся история страны — история болезней». А есть история болезней церковных многовековая. Ну, например, среди церковных традиций — это, например, культура лести, культура взятки, культура коррупции... И в некоторых случаях это даже нельзя оценивать негативно. Но есть такой европоцентризм, характерный для изрядной части вашей радио-аудитории, европоцентризм совершенно понятный. Нас сегодня так воспитали, что взятки чиновнику — это плохо, невозможно, да я, в общем, и согласен. Но дело в том, что это не есть норма общечеловеческая. Как человек со вкусом к истории, к культурологии, я замечу: это не естественно общечеловеческая норма. Огромное количество человеческих обществ и культур жили и создавали, и развивали у себя культуру подарка, культуру взятки. Была система кормления, когда назначается некий чиновник на какую-то область, и все понимают, что да, он должен кормить себя. Государство ему не платит зарплату, князь или царь не платит ему зарплату. Ты сам вот... Есть система откупщиков. Пресловутый мытарь из евангельской поры. То есть римская власть дает ему от имени империи: собирай деньги — вот тебе (*неразб.*) — крутись, как хочешь. Вот нам к 1 марта ты должен принести столько-то талантов. Сколько при этом осядет у тебя в кармане — это твои проблемы. Условие только одно — чтобы люди потом не бунтовали, чтобы не нужно было римскими солдатами рисковать и посылать их на подавление восстания. И огромное количество таких практик было (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 мар.).

2. Объяснение может производиться с мировоззренческой позиции, характерной для сферы деятельности эксперта:

А. Кураев: Что касается перспектив церкви, я уже два года говорю, как человек религиозный, я считаю, что это по промыслу Божию. Господь решил обогатить опыт нашей церковной истории опытом позора, опытом общественной обструкции, не гонений прямых, как было при большевиках, и даже не просто полемики, а вот, когда вдруг становится как-то неудобно ощущать себя принадлежащим к такой «левиафанизирующейся» структуре (Особое мнение // Эхо Москвы. 2015. 26 мар.).

Объяснение причин агрессивного поведения РПЦ дано с конфессиональной точки зрения (промысел Божий), а негативная оценка — с современной журналистской («левиафанизирующаяся структура»).

Специалисты могут использовать практики самопрезентации и прямо сообщать о своей особой осведомленности («я хорошо знаю ту сферу, о которой говорю», «я как профессионал знаю то, чего могут не знать другие») и объективности («другие специалисты разделяют мое мнение»). Подчеркивание объективности достигается за счет ссылок на мнение других экспертов, например:

По опыту моего общения с коллегами из академической среды из европейских стран, там *возникает очень сильное ощущение нехватки России* (Умные парни // РСН. 2015. 26 мар.).

ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТОВ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ МНЕНИЙ ЭКСПЕРТОВ ВНЕ СИТУАЦИИ ДИАЛОГА

При создании монологического медиатекста текста формирование субъектной позиции эксперта в большей степени зависит от действий журналиста.

Сведения об эксперте могут быть поданы по схеме «должность, фамилия и имя»: *Гендиректор ВЦИОМа Валерий Федоров*. Этот вариант может дополняться элементами, показывающими авторитетность экспертного мнения: *главный экономист ФГ «БКС» Владимир Тихомиров*, или оценочными характеристиками: рассказывая о российско-американском форуме, проходившем в здании Сената США, «Россия 24» вводит обобщенную оценочную номинацию *неудобные эксперты* (Христенко А. В конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. Вести Недели // Россия 24. 2015. 29 мар.).

Экспертные мнения довольно часто используются в СМИ для подкрепления тех или иных идентификационных характеристик современной России. При этом способы введения экспертного мнения в текст разнообразны: оно служит информационным поводом для новостной заметки, комментарием к событию, ситуации, заявлению чиновника или политика.

Экспертное мнение и есть новость, как правило, при обсуждении важных экономических и политических вопросов. В таких текстах вывод специалистов, который журналист выбирает в качестве информационного повода, представлен в заголовке. Например, некоторые заголовки на РБК за 25 марта 2015 г.: *Аналитики БКС назвали временным укрепление рубля; Больше половины граждан поддерживают команду президента; Деятельность Путина на посту президента одобрили 86% россиян*. Затем этот вывод повторяется в лиде: *Текущее укрепление рубля, начавшееся на прошлой неделе, вероятнее всего, будет временным. Такое мнение высказал главный экономист ФГ «БКС» Владимир Тихомиров; 93% россиян считают, что у Владимира Путина есть команда, на которую он может опереться*. Далее с помощью реплик эксперта журналист развивает тему, рассказывает о тех или иных деталях исследования. Словами специалиста может быть подан вывод:

Исследование показало, что сегодня треть семей имеет непогашенные кредиты, среднее число кредитов на семью — 1,5. Вызывает тревогу то обстоятельство, что среди наименее обеспеченных россиян (они составляют 11—12% населения страны) кредиты имеют 26% домохозяйств, причем среднее число кредитов на такую семью составляет 1,8 (Краснодар и Ростов вошли в список городов с высоким риском невозврата кредитов [Электронный ресурс] // РБК. 25.03.2015. URL: <http://kuban.rbc.ru/krasnodar/25/03/2015/5592b3089a7947d55bf521df> (дата обращения: 04.11.2017)).

С помощью реплик экспертов в тексте может конструироваться идеологическая оценка. Например, в текст «Известий» от 23 марта 2015 г., озаглавленный *«Больше половины граждан поддерживают команду президента»*, включены реплики трех экспертов, один из которых является гендиректором ВЦИОМа, проводившего опрос, а два других — это руководитель Фонда развития гражданского общества и глава фонда «Институт социально-экономических и политических исследований». В словах

всех трех экспертов так или иначе повторяется мысль, вынесенная в лид: *93% россиян считает, что у Владимира Путина есть команда, на которую он может опереться.*

При этом первые два эксперта называют причины такого положения дел, а реплика третьего эксперта содержит пример отличной работы президента и его команды.

Гендиректор ВЦИОМа: *Мы видим, что всего за год сильно выросли позитивные оценки команды президента. Это, конечно, связано с ростом положительных оценок работы самого главы государства, с существенным ростом его рейтинга, который складывается из доверия и поддержки. Он накладывает позитивный отпечаток почти на все стороны политической карьеры, деятельности Путина, в том числе и на одну из важнейших из них — на команду. Россияне понимают, что президент действует не один, за ним действительно есть люди, на которых он опирается. Утверждение о росте рейтинга главы государства подкрепляется авторитетом самого эксперта, ни на какие исследования он не ссылается, но имплицитно читатель предполагает их наличие, тем более что в СМИ о таких исследованиях говорилось не раз.*

Глава Фонда развития гражданского общества: *В этом смысле данное исследование подтверждает высокий уровень доверия президенту, который, безусловно, распространяется на всю его команду. Одним из достижений Владимира Путина за 15 лет стала стабильная и предсказуемая политика, в том числе взвешенные и выверенные кадровые решения. Граждане понимают и ценят это. Если мы доверяем президенту, то доверяем и человеку, который с ним работает.*

Глава фонда «Институт социально-экономических и политических исследований»: *Наиболее очевидный пример качества командной работы российской власти — это, конечно, воссоединение Крыма и Севастополя с Россией. Недавно президент делился с обществом (документальный фильм «Крым. Путь на Родину») своим восприятием и опытом этой командной работы как раз на примере Крыма. Он сказал, что все сработало настолько слаженно и четко, что в какой-то момент он и сам не поверил, мы ли это. У нас ведь часто так и бывает, что в каких-то решающих ситуациях все работает как часы, поэтому неудивителен заметный рост числа тех, кто говорит, что команда работает на президента, помогая осуществлять задуманное. Даная реплика завершает текст, служит итогом.*

В целом текст конструирует идентификации россиян и власти, изображая их отношения как максимально гармоничные, основанные на доверии и поддержке. Россияне считают команду президента хорошей, надежной, потому что они высоко оценивают президента и доверяют ему, он заботится об их интересах, поэтому он тщательно подбирал команду все 15 лет и качество ее работы показала ситуация с присоединением Крыма.

Из речи главы Фонда развития гражданского общества в текст включена еще одна цитата, которая вводит противопоставление «Россия — Запад». Она предваряется тезисом, который сформулирован журналистом в форме косвенной речи: *Он также отметил, что фактор доверия, который лежит в основе высоких рейтинговых показателей, не учли те, кто вводил санкции.* Затем следует поясняющая реплика эксперта: *Они исходили из ложной гипотезы — чем хуже будет гражданам, тем быстрее упадет рейтинг главы государства. Но существующее доверие к президенту заключается как раз в единогласном мнении, что в любой сложной ситуации, в том числе экономической нестабильности, он будет действовать наилучшим образом в интересах граждан.* Таким образом, единственные отрицательные характеристики ситуации в России (экономическая нестабильность и, как следствие, ухудшение жизни граждан) в устах эксперта связывается с санкциями врагов, которые пытались разрушить единство народа и президента. Опровержение гипотезы врагов содержит подкрепленное только авторитетом эксперта утверждение о единогласном мнении граждан.

Таким образом, отбор реплик экспертов в рассмотренном сообщении направлен именно на формирование идеологической оценки и находится под влиянием концепта «информационная война»: слова трех экспертов повторяют с различной степенью детализации одни и те же положительные идентификации отношения россиян к президенту и его команде.

Аналогично строятся тексты, информационным поводом которых является заявление зарубежного эксперта, слова которого так или иначе подкрепляют проправительственную идеологическую позицию. Например, новость о том, что экс-канцлер Германии Герхард Шредер осудил политику А. Меркель в отношении России. В цитате, включенной в текст, мнение эксперта аргументировано обобщенной отсылкой к истории:

Европейцы из исторического примера знают, что хорошо всегда было тогда, когда с Россией находились в согласии. И плохо, когда этого согласия не было (Шредер: конфронтация с Россией не нужна Европе // Россия 24. 2015. 28 мар.)

Публикация комментариев экспертов к заявлениям политиков и чиновников — это самая малочисленная группа текстов. Их тематика ограничена политическими и экономическими вопросами. Например, мнение министра А. Улюкаева о стабилизации экономики в результате укрепления рубля поддерживают два аналитика из финансовой сферы (Чернышев П., Ахмадиев Э. В экономике наметились признаки стабилизации // Известия. 2015. 25 мар.).

Выводы

Субъектная позиция эксперта в СМИ формируется под влиянием речевых практик профессионального дискурса. Идентификация объектов производится в ракурсе специализации эксперта, с опорой на профессиональные нормы и правила. Данная субъектная позиция требует применения разнообразных практик аргументации, демонстрации особой осведомленности, использования терминов и специальных оборотов речи. Основные требования к словам эксперта — это объективность и авторитетность. В формировании субъектной позиции эксперту помогают журналисты, в первую очередь за счет практик именования.

Вместе с тем на субъектную позицию эксперта в СМИ в исследованный период оказывает заметное влияние дискурсивный концепт «информационная война». Под его воздействием идентификации дискурсивных объектов начинают рассматриваться не только под профессиональным углом зрения, но и в политическом, нередко ангажированном аспекте, что проявляется в трансляции экспертом определенной идеологической позиции, в использовании практик конструирования отношений конфронтации между дискурсивными объектами *Россия* — *Запад*, наивного морального противопоставления «хорошие мы — плохие они». Воздействие дискурсивного концепта «информационная война» распространяется и на практики идентификации объектов медиадискурса, и на практики аргументации, используемые экспертами.

3.3. Направления идентификации россиян в журнале «Русский репортер»

Дискурсивный концепт «идентичность» получает разные направления развертывания в текстах российских СМИ. В данном параграфе мы рассмотрим дискурсивные практики конструирования национально-гражданской идентичности россиян на примере публикаций в журнале «Русский репортер».

В ходе анализа дискурсивных практик предметом рассмотрения стали тематические направления идентификации россиян. Материалом послужили публикации журнала «Русский репортер» («РР»), содержащие репрезентации дискурсивного концепта «Россияне/Русские», за период с января по июнь 2016 г. (всего 17 текстов). Тезисы, представляющие идентифицирующие россиян характеристики, выделялись из речи журналистов и их собеседников, то есть в журнале представлены основные субъектные позиции медиатекстов: журналист, эксперт, персонаж. Значимых расхождений в особенностях идентификации россиян с точки зрения той или иной субъектной позиции нами не обнаружено, поэтому в дальнейшем мы не отмечаем эту характеристику при анализе эмпирического материала.

Медиатексты анализируемого периода рисуют динамичный образ современного россиянина. Так, публикация К. Мильчина «Русские иллюзии» (см.: Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.) позволяет проследить истоки формирования некоторых черт российской идентичности в постсоветский период. В статье использованы политическое, историческое, морально-нравственное (ценностное) и цивилизационное направления идентификации, о которых скажем ниже; нарисован мрачноватый и негативно окрашенный образ разочарованного россиянина, научившегося побеждать, манипулировать и делать деньги. Политические и исторические идентифицирующие характеристики в целом повторяют типичные для современного дискурса СМИ смыслы. Мы же хотим подробнее показать, как выполнена морально-нравственная идентификация россиян постсоветского периода.

Согласно данному материалу, граждане России заимствовали у «чужой культуры» жизненные принципы, обозначенные в подзаголовках статьи: «побеждай», «манипулируй», «убивай», «расследуй», «добывай», «бунтуй», «интригуй». Россияне научи-

лись совершать указанные действия «благодаря иностранным советчикам: фильмам, сериалам, книгам и телепередачам»:

1) В 1990-е гг. благодаря западным новостным телеканалам *мы и наши генералы завидовали успехам американской армии, похвритаться смогли лишь в прошлом году в Сирии.*

2) Благодаря фильму «Плутовство» *россияне разочаровались в демократии, <...> а хитрейшие из граждан сами стали в нулевых годах политтехнологами. Так при полном согласии верхов и низов мы получили то, что имеем: общество победившего постмодерна, где мы сами отказались что-либо решать (потому что все равно обманут), где все всё про всех знают и понимают, но всем плевать.*

3) Сериал «Спрут» оказал огромное воздействие на общество *(по сериалу учились все — и бандиты, и милиционеры)*, а комиссар Каттани стал ролевой моделью для Бориса Ельцина.

4) Благодаря фильму «Вся президентская рать» *в России узнали, как влиятельна может быть журналистика*, и в 1990-е гг. она действительно имела большую силу. Однако после того как жанр журналистского расследования в России был взят на вооружение различными политическими группировками, аудитория потеряла к нему доверие. В результате сейчас любое, даже отлично подтвержденное расследование не вызывает скандала: *у нас все всё знают, ну и что с того.*

5) Российские бизнесмены эпохи первоначального накопления капитала заимствовали стиль и взгляды (в частности, *жадность — это хорошо*) Г. Гекко — героя фильма «Уолл-Стрит».

6) Многие россияне верят, что дизайнеры революций последних лет штудировали книгу Д. Шарпа «От диктатуры к демократии». *Вера во всецелие Шарпа — это вера в то, что любое восстание можно организовать и что победа любой революции — не итог долгих процессов в обществе и ошибок власти, а всего лишь результат использования политических технологий.*

7) Благодаря сериалу «Карточный домик» *в России усвоили, что за власть можно бороться любыми способами. Главное, чтобы не поймали.* Россияне усвоили урок, что власть важнее денег, так как она дает все необходимые блага.

Таким образом, нелестная ценностная идентификация россиян в данном тексте тесно взаимосвязана с их политической и экономической позицией.

Вместе с тем в анализируемый период присутствует ряд публикаций, представляющих жителей России в позитивном

свете. Это связано с некоторыми аспектами экономической идентификации россиян. Так, в материале А. Максutowой «Внеземной бизнес» (см.: Максutowа А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.) говорится о возрождении в России интереса к космической теме, об успешных проектах в области космических технологий, а русские инженеры характеризуются как талантливые специалисты, предлагающие лучшие технологические решения, несмотря на то, что Россия в 5 раз беднее Америки и у разработчиков отсутствуют многомиллиардные бюджеты (использованы также историческое, цивилизационное, ценностное направления идентификации россиян).

В большей части публикаций анализируемого периода медийный облик россиянина соткан из противоречивых черт: фиксируются не только отрицательные, но и положительные качества граждан России. Амбивалентные оценки россиян представлены в 47,2% публикаций, позитивные оценки — в 17,6% публикаций, негативные — в 17,6% публикаций, и в 17,6% публикаций характеристика россиян не сопровождается оценкой.

Покажем выявленные тематические направления в порядке убывания их частотности (см. таблицу 1).

Таблица 1

Тематические направления идентификации россиян
в журнале «Русский репортер»

№	Тематическое направление идентификации	Количество текстов с упоминанием (%)
1.	Политическое	99, 4
2.	Морально-нравственное (ценностное)	94, 1
3.	Экономическое	58, 7
4.	Историческое	29, 4
5.	Этническое	17, 6

Кратко представим каждое тематическое направление.

Политическое направление идентификации россиян в анализируемый период представлено чаще всего негативными характеристиками. Приведем примеры:

1) *В 1990-е гг. россияне импортировали традиции (политические и бытовые), должности, идеалы, толком ничего про них не зная* (Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.).

2) Россияне политически пассивны: *мы получили общество победившего постмодерна, где мы сами отказывались что-либо решать (потому что все равно обманут), где все всё про всех знают и понимают, но всем плевать* (Там же).

3) Жанр журналистского расследования в России *был взят на вооружение различными политическими группировками...* В итоге жанр потерял свою ценность (Там же).

4) *Россияне разочаровались в демократии — ведь она только миф* (Там же).

5) *Россияне усвоили, что победа революций обусловлена не общественными процессами, а использованием политтехнологий* (Там же).

6) В России усвоили, что *за власть можно бороться любыми способами. Главное, чтобы не поймали* (Там же).

7) В России усвоили урок, что *власть важнее денег, так как она дает все необходимые блага* (Там же).

8) Немцы боятся политической силы, военной силы и имперского поведения россиян (см. Ахмедова М. Эффект кобры // Русский репортер. 2016. 29 июн.).

9) Государство должно *защищать законные интересы простых людей* (Данилова Д., Емельяненко В. Долговой окоп // Русский репортер. 2016. 4 мар.).

10) Российские журналисты считали, что любая критика ополченцев — *игра на руку Украине*, и закрывали глаза на некоторые негуманные и несправедливые поступки новоизбранной власти (см.: Ахмедова М. Шарий вылезает из коробки // Русский репортер. 2016. 15 апр.).

11) *В России различные политические силы пытались повлиять на фанатов* (Цырулева М. Не ангелы и не демоны // Русский репортер. 2016. 29 июн.).

Внешнеполитическая идентификация России в плане сравнения культур разных стран содержит немало положительных характеристик, хотя есть и отрицательные. Объектами соотнесения в анализируемый период выступают как отдельные страны (Америка, Франция, Англия, Германия, Армения, Украина), так и Европа/Запад/СНГ в целом. Приведем примеры.

1) Америка — наиболее частотный объект для сравнения. В публикациях говорится о том, что «мы в 5 раз беднее» (см.: Максимова А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.); что «наши генералы завидовали успехам американской армии»,

у россиян сформировался комплекс «они могут, а мы не можем»; что «перенести американскую модель на нашу почву не получится. У США свои интересы, не обязательно совпадающие с нашими»; фиксируются «печальные отечественные подозрения насчет Америки»: российские зрители разочаровались в Америке, убедились, что в ней нет демократии, а есть политтехнологии (см.: Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.).

2) Франция. По оценкам зарубежных гостей, в Москве все как в Париже или Ницце; более того, во Франции существует проблема — чем занять детей, в то время как россияне создали в Москве рай для детей (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).

3) Англия. Английские постановщики недооценивают россиян, считают, что русские артисты не владеют степом, в то время как наши талантливые и трудолюбивые ребята прекрасно справляются с поставленными задачами (см.: Смородинова Е. Бродвей внутри Садового кольца // Русский репортер. 2016. 29 апр.).

4) Армения. По мнению граждан Армении, у россиян больше спрос на культуру, так как больше богатства и стабильности, чем в Армении (см.: Мильчин К., Лейбин В. Своя Армения // Русский репортер. 2016. 14 апр.).

5) Германия. В ходе интервью с жителями Германии выясняется, что немцы любят и боятся россиян, боятся политической силы, военной силы и имперского поведения. Переезд российских немцев в Германию приводит к образованию особого сообщества «волгадойче», члены которого, несмотря на утрату статуса россиян, более русские, чем немцы (см.: Ахмедова М. Эффект кобры // Русский репортер. 2016. 29 июн.).

6) Украина. Жители Донбасса имеют такую же смешанную идентичность, как и «волгадойче»: «у нас смешанная идентичность. Мы — ребенок двух родителей»; «где у меня русское проступает на первый план, а где украинское», «в этом плане я больше русская, чем украинка»; «на Донбассе вообще трудно сказать, где заканчивается Россия и начинается Украина» (см.: Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).

7) Мировое сообщество. Взаимодействие россиян с ним передают следующие тезисы: россияне усвоили уроки Запада, преподнесенные России в 1990-е гг. (см.: Мильчин К. Русские

иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.); отечественный «быстрый» капитализм проигрывает «долгому» капитализму Запада (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.); *мировые СМИ копают под Россию и ее лидеров* (Лейбин В. Про добро // Русский репортер. 2016. 14 апр.); в Европе не ждут русских туристов как спасения (см.: Дятликович В. Как мы проведем этим летом // Русский репортер. 2016. 10 июн.); Россия привлекательна для граждан СНГ: «пол-Армении в России» (см.: Мильчин К., Лейбин В. Своя Армения // Русский репортер. 2016. 14 апр.); *Россия, как феномен имперский, всех очень ассимилирует. Не на уровне этноса, а на уровне духа* (Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).

Внутриполитическое направление идентификации представляет собой характеристику деятельности россиян, принимающих участие в работе органов управления. Положительные и отрицательные стороны подобной работы, зафиксированные в медиатекстах, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Внутриполитическое направление идентификации

Положительные характеристики	Негативные характеристики
Прокуратура в Крыму решает актуальные задачи, в том числе борется с терроризмом и коррупцией; в прокуратуре не делают разграничений по национальному признаку (см.: Ахмедова М. Наталья Поклонская: А я — не робот // Русский репортер. 2016. 30 мая).	Простой заемщик не защищен ни от агрессивной рекламы высокопроцентных кредитов, ни от коллекторов. Правоохранительная система на стороне тех, кто сильнее. Государство должно защищать интересы простых людей (см.: Данилова Д., Емельяненко В. Долговой окоп // Русский репортер. 2016. 4 мар.).
Сотрудники администрации в Плеханове добросовестно выполняют свои обязанности, помогают цыганам оформить дома, призывают жителей села к гуманному отношению к соседям (см.: Тимофеева О. Бабушка России // Русский репортер. 2016. 31 мар.).	Государство желает сохранить контроль, но тотально сокращает финансирование театров (см.: Смородинова Е. Бродвей внутри Садового кольца // Русский репортер. 2016. 29 апр.).

Окончание табл. 2

Положительные характеристики	Негативные характеристики
Власти трепетно относятся к историческим памятникам, реставрируют их (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).	Власть осуществляет непродуманные перемены, не зная, как живут люди; власти должны быть более внимательны к деталям, так как «деньги вбухивают не-маленькие, а толк не всегда есть»; властям необходимо объяснять свой замысел людям (Там же).

Некоторые характеристики подаются в фактологическом ключе: *у российской власти есть способ успокоить фанатов* (Цырулева М. Не ангелы и не демоны // Русский репортер. 2016. 29 июн.); *русские патриоты могут как защищать наших чиновников, так и разоблачать их* (Лейбин В. Про добро // Русский репортер. 2016. 14 апр.).

Морально-нравственное (ценностное) направление помимо аксиологических векторов рисует также способности, типичные черты характера россиянина. Положительные и отрицательные характеристики, ценности и антиценности/отсутствие ценностей россиян, зафиксированные в медиатекстах, представлены в таблице 3.

Таблица 3

Морально-нравственное (ценностное) направление
идентификации

Положительные стороны	Отрицательные стороны
Усталость российского читателя/зрителя понятна — со-знанием он 2 года находился на войне и внес серьезный вклад в там происходившее. Россияне продемонстрировали власти, как жизненно важно для них спасти от гибели тысячи мужчин Донбасса (см.: Ахмедова М. Шарий вылезает из коробки // Русский репортер. 2016. 15 апр.).	Читатель больше не хочет чувствовать того, что происходит в Донбассе. Теперь аудитория желает слышать то, что не уведит ее из зоны психологического комфорта. Российский читатель и зритель желает видеть теперь только одно — как регион, в который он вкладывался 2 года душевно, процветает, как там все идет правильно (Там же).

Продолжение табл. 3

Положительные стороны	Отрицательные стороны
Усталость российского читателя/зрителя понятна — со знанием он 2 года находился на войне и внес серьезный вклад в там происходившее. Россияне продемонстрировали власти, как жизненно важно для них спасти от гибели тысячи мужчин Донбасса (см.: Ахмедова М. Шарий вылезает из коробки // Русский репортер. 2016. 15 апр.).	Читатель больше не хочет чувствовать того, что происходит в Донбассе. Теперь аудитория желает слышать то, что не уведит ее из зоны психологического комфорта. Российский читатель и зритель желает видеть теперь только одно — как регион, в который он вкладывался 2 года душевно, процветает, как там все идет правильно (Там же).
Русские расследователи (журналисты) честно работали, желая помочь странам избавиться от врагья (см.: Лейбин В. Про добро // Русский репортер. 2016. 14 апр.).	Российские журналисты закрывали глаза на некоторые негуманные и несправедливые поступки новоизбранной власти (см.: Ахмедова М. Шарий вылезает из коробки // Русский репортер. 2016. 15 апр.).
В Москве появились многочисленные волонтерские движения, чего почти нет в регионах (см. Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).	В России по большей части реальность Донбасса никого не потрясает. Среди русских есть те, кому война безразлична (см.: Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).
В славянском народе очень сильно чувство справедливости (см.: Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).	Россияне все знают, но всем плевать (Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.).
Россияне охотно помогают инвалидам (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).	Общество не привыкло видеть активных колясочников в городе и не понимает, для кого его оборудовать (Там же).
Российские артисты — <i>талантливые и трудолюбивые ребята</i> (Смородинова Е. Бродвей внутри Садового кольца // Русский репортер. 2016. 29 апр.).	Приоритеты россиян: масскульт стоит дороже элитарной культуры (Там же).

Продолжение табл. 3

Положительные стороны	Отрицательные стороны
<p>Шахтеры — люди твердые, суровые, привыкшие к тяжелому труду и риску, их невозможно заставить сделать что-то против воли (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.).</p>	<p>Российские бизнесмены эпохи первоначального накопления капитала заимствуют стиль и взгляды Г. Гекко (например, «жадность — это хорошо») (см.: Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.).</p>
<p>В аварийной ситуации шахтеры проявляют мужество, хотят «докопаться до правды» — выяснить, почему произошла авария. Спасатели до последнего пытаются найти шахтеров, рискуя собственными жизнями (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.).</p>	<p>Начальство заставляет шахтеров работать в опасных условиях, негласно подталкивает к нарушению техники безопасности.</p> <p>Шахтеры боятся, что их уволят (Там же).</p>
<p>Русские учителя в цыганской школе — настоящие подвижники, которые сумели преодолеть предрассудки. Русские сотрудники администрации в Плеханове добросовестно выполняют свои обязанности, помогают цыганам оформить дома, призывают жителей села к гуманному отношению к соседям (см.: Тимофеева О. Бабушка России // Русский репортер. 2016. 31 мар.).</p>	<p>Жители села — «родители основных детей жаловались», хотели бы переселить цыган и не давать им бесплатных дров (Там же).</p>
<p>Коллективизм, общинность — русские черты (см.: Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).</p>	<p>Московской интеллигенции не хватает искренности и честности (см.: Ахмедова М. Наталья Поклонская: А я — не робот // Русский репортер. 2016. 30 мая).</p>

Продолжение табл. 3

Положительные стороны	Отрицательные стороны
У вас, русских, большое сердце (см.: Ахмедова М. Эффект кобры // Русский репортер. 2016. 29 июн.).	Русские — эгоисты (Там же).
На дорогах люди стали вести себя вежливее и аккуратнее (см. Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).	Но и нервных водителей хватает (Там же).
В российских компаниях работают талантливые русские инженеры (см.: МаксUTOва А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.).	Простые люди порой ведут себя глупо, беря безнадёжные кредиты (см.: Данилова Д., Емельяненко В. Долговой окоп // Русский репортер. 2016. 4 мар.).
У русских — пушкинская модель свободы (см.: Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).	Москвичи спешат, бегут в неестественном ритме (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).
Стало много позитивных людей (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).	Но все мы стали гораздо меньше общаться и взаимодействовать друг с другом (Там же).
Россияне умело соединяют разные архитектурные стили; власти трепетно относятся к историческим памятникам, реставрируют их (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).	Многие москвичи апатичны, равнодушно относятся к изменениям в своем городе (Там же). Российские регионы считают, что москвичи жесткие, а у них просто меньше времени (Там же).
	Россияне утратили культуру гостеприимства. Ритм жизни задает город, а не человек. Россияне кайфуют от алкоголя, а не от образа жизни (см.: Мильчин К., Лейбин В. Своя Армения // Русский репортер. 2016. 14 апр.).

Окончание табл. 3

Положительные стороны	Отрицательные стороны
	<i>Современная молодежь</i> (футбольные болельщики — <i>Прим. авт.</i>) <i>держится из моды, а не за идею</i> (Цырулева М. Не ангелы и не демоны // Русский репортер. 2016. 29 июн.).

Экономическое направление идентификации фиксирует как положительные, так и отрицательные процессы, протекающие в обществе (см. таблицу 4).

Таблица 4

Экономическое направление идентификации

Позитивные характеристики	Негативные характеристики
<i>Уобщества появился интерес к космической теме: есть космические проекты, которые сумели собрать более миллиона рублей за месяца с помощью краудфандинга</i> (Максутова А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.). Разработчики космоторов не ждут огромных прибылей, у них и другая цель: поддержка космической отрасли (Там же).	Зарубежный капитализм — «долгий», который смотрит на годы вперед. Отечественный бизнес зачастую играет по другим правилам, в завтрашнем дне он не уверен, а на дворе еще и кризис, поэтому предпочитает выкачивать все по максимуму сегодня (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.).
В России сложно определить границы государственной и частной космонавтики. Частная космонавтика у нас развита больше, чем кажется (Там же).	Малых предпринимателей душат крупные компании (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).
Россияне создали группу коммерческих предприятий, производящих компоненты космических аппаратов (Там же).	На водителей оказывают давление. Россиян увольняют, набирают из СНГ: иностранцев набирать выгоднее (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).

Окончание табл. 4

Позитивные характеристики	Негативные характеристики
Мы предлагаем лучшее технологическое решение, разработанное без многомиллиардных бюджетов — это наша сильная сторона (Там же).	В России долги по кредитам имеют 40 млн. человек (Данилова Д., Емельяненко В. Долговой окоп // Русский репортер. 2016. 4 мар.). Закредитованные, погрязшие, как и вся российская провинция, в долгах шахтеры (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.).
Россияне создали проект ТЧК (мессенджер), который точно отражает запрос пользователей: нужен не просто удобный мессенджер, нужно что-то необычное (см.: Мильчин К. Невыносимое желание общаться // Русский репортер. 2016. 8 апр.).	Фиксируется массовое нарушение прав должников коллекторами. Прокуратура сделала вывод, что работа коллекторских агентств весьма напоминает преступную деятельность. В среде коллекторов много мошеннических контор (см.: Данилова Д., Емельяненко В. Долговой окоп // Русский репортер. 2016. 4 мар.).
Россиянам удалось создать недотационную театральную компанию (см.: Смородинова Е. Бродвей внутри Садового кольца // Русский репортер. 2016. 29 апр.).	

Внутри экономического направления можно выделить отдельный аспект — научно-техническое развитие России. Это направление фиксирует, прежде всего, успехи россиян: «у общества появился интерес к космической теме»; «мы научились делать спутники меньшего размера»; мы предлагаем лучшее технологическое решение, разработанное без многомиллиардных бюджетов — это наша сильная сторона (см.: МаксUTOва А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.).

Характеристика благосостояния россиян (еще один аспект экономического направления идентификации) в медиатекстах анализируемого периода двойственная. В России «больше богатства» и богатых людей, готовых платить по 200 тыс. долларов за космический туризм, но основная масса населения стремительно нищает (см. таблицу 5).

Таблица 5

Характеристика благосостояния россиян

Позитивные характеристики	Негативные характеристики
У россиян больше спрос на культуру, так как больше богатства и стабильности, чем в Армении (см.: Мильчин К., Лейбин В. Своя Армения // Русский репортер. 2016. 14 апр.).	<p>Больше половины трудоспособного населения страны в сумме взяли в банках 11 триллионов рублей. И каждый 8 уже просрочил платеж. В России долги по кредитам имеют 40 млн. человек. Фиксируется взрывной рост задолженностей по кредитам (Данилова Д., Емельяненко В. Долговой окоп // Русский репортер. 2016. 4 мар.).</p> <p>Шахтеры характеризуются как <i>закредитованные, погрязшие, как и вся российская провинция, в долгах</i> (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.).</p>
В России много потенциальных покупателей космических туров (см.: МаксUTOва А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.).	Мы в 5 раз беднее Америки (см.: МаксUTOва А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.).
	Россияне стали меньше ездить за границу, «грядки пляжам» предпочитает все большее количество россиян (см.: Дятликович В. Как мы проведем этим летом // Русский репортер. 2016. 10 июн.).

Историческое направление идентификации осуществляется, прежде всего, через отсылку к советскому и раннему постсоветскому периодам. Чаще всего наблюдается сравнение с советскими временами, которое позволяет журналисту или его собеседнику показать изменения в российском обществе, как положительные, так и негативные (см. таблицу 6).

Таблица 6

Историческое направление идентификации

Положительные характеристики российско-го общества советского времени	При советской власти у нас была индустриально крепкая страна, благодаря советской литературе хотелось жить дальше (см.: Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).
Положительные характеристики советского времени и негативные перемены в более поздний период	Раньше подъезд жил как одна семья, теперь люди не знают своих соседей (см.: Данилова Д., Гутова Ю. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июн.).
Негативные характеристики советского времени и позитивные перемены в более поздний период	<p>В советское время был лозунг: «Больше угля Родине». В Союзе такое (приказ выполнять опасную работу. — <i>Прим. авт.</i>) было возможно. А сейчас не то время (см.: Шалаева О. Воркута. Минус 36 // Русский репортер. 2016. 19 мар.).</p> <p>Разработанные российскими исследователями современные микроспутники могут взять на себя многие функции гигантских аппаратов производства советских времен (см.: МаксUTOва А. Внеземной бизнес // Русский репортер. 2016. 18 апр.).</p>

Для демонстрации динамики развития российского общества используется и сравнение с ранним постсоветским периодом. Приведем примеры.

1) В 1990-е гг. россияне были страстными американофилами. В 1991 г. граждане России обратились к иностранным советникам, и чужая культура оказала влияние на нашу реальность. Позже российские зрители разочаровались в Америке (см.: Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.).

2) Менялось отношение к расследовательской журналистике: от уважения до равнодушия: из-за PR-использования жанра

журналистского расследования политическими группировками он потерял ценность (см.: Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апр.).

ЭТНИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Данное идентификационное направление передает характеристики россиян как представителей определенных этнических групп, хотя этноним «русские» может означать как представителя этноса, так и вообще жителя России безотносительно к этнической идентификации. Чаще всего упоминаются такие присущие русским черты, как адаптивность, способность ассимилироваться, влиться в другой народ (см.: Мильчин К., Лейбин В. Своя Армения // Русский репортер. 2016. 14 апр.), или пишут об особом типе ментальности, «русском духе»: *По плоти и крови мы немцы. Ментальность у нас — русская* (Ахмедова М. Эффект кобры // Русский репортер. 2016. 29 июня.). При этом «русский дух» отмечается как значимый для «волгадойче» и других этнически разных граждан: *Мы не собираемся немецкий дух возрождать отдельно от русского. Мы и русский терять не хотим* (Ахмедова М. Эффект кобры // Русский репортер. 2016. 29 июня.); *Россия, как феномен имперский, всех очень ассимилирует. Не на уровне этноса, а на уровне духа. Это очень важная вещь* (Ахмедова М. Между Пушкиным и Шевченко // Русский репортер. 2016. 28 апр.).

Сосуществование разных этнических групп в анализируемый период представлено как бесконфликтное, однако некоторые «островки напряженности» имеются. Так, цыганские дети в сельской школе противопоставляются детям других национальностей — «основному потоку»: «родители основных детей жаловались», в результате чего дети разных национальностей учатся в разные смены (см.: Тимофеева О. Бабушка России // Русский репортер. 2016. 31 мар.).

У некоторых народов, исторически связанных с россиянами, фиксируется смешанная этническая идентичность: *волгадойче; больше русские, чем немцы* (см.: Ахмедова М. Эффект кобры // Русский репортер. 2016. 29 июня.).

Анализ выявил ряд закономерностей в конструировании национально-гражданской идентификации в журнале «Русский репортер»:

1) Большая часть медиатекстов «Русского репортера» в анализируемый период рисует динамичный образ современного

россиянина, сотканный из противоречивых черт: фиксируются как отрицательные, так и положительные идентификационные свойства граждан России. Состав россиян подвижен: Россию покинули «волгадойче», но, с другой стороны, россиянами стали крымчане.

2) В материалах журнала присутствуют практически все тематические направления идентификации россиян, выявленные в ходе общего мониторинга СМИ, за исключением религиозного направления. Чаще всего для характеристики граждан России адресанты прибегают к политическому и морально-нравственному (ценностному) идентификационному направлению.

3) Россия — многонациональная страна, и россияне — это не только этнические русские, однако этим именем в СМИ зачастую называют всех россиян.

4) В условиях тесного взаимодействия разных народов фиксируется динамическое развитие идентификации индивидов: *Я уже сама как цыганка стала. Раньше была такая мякля, а теперь научилась. В жизни надо иногда дать отпор. Мне кажется, я этому здесь научилась* (Тимофеева О. Бабушка России // Русский репортер. 2016. 31 мар.); Россияне могут ассимилироваться, влиться в другой народ (см.: Мильчин К., Лейбин В. Своя Армения // Русский репортер. 2016. 14 апр.).

5) В ряде случаев отмечается трансформация этнической идентичности представителей других народов под влиянием россиян. Так, фиксируется смешанная идентичность эмигрировавших из России немцев, «ассимиляция духа» тесно взаимодействующих с россиянами народов.

Выводы

В большей части публикаций журнала «Русский репортер» анализируемого периода транслируются амбивалентные оценки россиян и их деятельности, формулируемые журналистами и их собеседниками — экспертами или персонажами, гражданами России и других государств. Ведущим тематическим направлением идентификации является политическое, причем фиксируются и внешнеполитический и внутривнутриполитический аспекты идентификации. Важным для журнала оказалось морально-нравственное (ценностное) направление. Идентификация россиян реализует и дискурсивные практики, дающие важные характеристики в экономической и исторической перспективе.

Послесловие

В монографии национально-гражданская идентичность представлена как сетевой концепт дискурса СМИ, имеющий разновекторную тематическую направленность. Можем говорить, что главную роль в развертывании концепта играет политическое направление идентификации с доминирующим смыслом сплоченности россиян вокруг фигуры президента В. Путина. В разных тематических направлениях идентификации россиян — политическом, экономическом, морально-нравственном, историческом, религиозном — присутствуют концепты «государство», «патриотизм», «возрождение» вступающие в отношения взаимодополнения и поддерживающие друг друга. Дискурсивный концепт «информационная война» актуализирует в текстах СМИ оппозицию мы/они, конструирует военно-политическую ситуацию для России, вынужденной завоевывать свое место в мировом сообществе. Это означает, что в СМИ национально-гражданская идентичность россиян конструируется, в первую очередь, как реакция на вызовы со стороны внешних врагов. Этим объясняется и большое количество негативных идентификаций россиян/России, которые призваны подтверждать враждебное отношение к России и поддерживать образ внешнего врага.

Однако сетевой концепт национально-гражданской идентичности россиян не получает строго поляризованной конфигурации практик дискурсивной идентификации россиян. Этому мешает наличие партикулярных практик идентификации, то есть таких, которые не пересекаются с практиками сплоченного единства и не соотносятся с концептом «информационная война», но формируют идентичность россиян в плоскости их гражданских характеристик и обстоятельств частной жизни. В политическом направлении — это, во-первых, практики, имеющие давнюю историю в русской политической мысли и вос-

производящие смыслы противопоставления народа и власти, и, во-вторых, практики, реализующие смыслы сотрудничества, необходимости вести диалог по спорным вопросам политики и истории между противоборствующими силами внутри российского общества.

В экономическом направлении также присутствуют партикулярные практики, заметно диссонирующие со смыслами успеха и высоких достижений крупных государственных компаний. Это практики идентификации россиян по признаку низкого уровня жизни, падения показателей благосостояния. Эти смыслы присутствуют как в проправительственном, так и в оппозиционном сегментах дискурса СМИ, как в федеральных, так и в региональных СМИ. В текущей ситуации экономическое неравенство не находится в слепой зоне дискурса, но и не становится политическим фактором для конструирования коллективной идентичности.

Отдельность и невысокий удельный вес названных партикулярных практик в дискурсе СМИ не снимает их значимости внутри дискурса, эти практики представляются смысловыми ресурсами для конструирования национально-гражданской идентичности россиян при изменении повестки дня в российских СМИ.

Библиографический список

- Автохутдинова О. Ф.* «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Ф. Автохутдинова ; Урал. федерал. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2015. 29 с.
- Алимпиева А. В.* Социальная идентичность калининградцев в социальном и геополитическом контексте / А. В. Алимпиева // Псковск. регионологич. журн. 2009. № 7. С. 36–40.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева. М. : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт ; пер. с англ. И. В. Борисовой [и др.]. М. : ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Асташова О. И.* Национально-гражданская идентичность россиян в религиозном медиадискурсе / О. И. Асташова // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 1 (159). С. 33–41.
- Батлер Дж.* Гендерное беспокойство / Дж. Батлер // Антология тендерной теории ; сост., коммент., общ. ред. Е. И. Гапоновой, А. Р. Усмановой. Минск : ПроPILEи, 2000. С. 297–346.
- Батлер Дж.* Гендерное регулирование / Дж. Батлер // Неприкосновенный запас : дебаты о политике и культуре. 2011. № 2 (76). С. 11–29.
- Беспалов Д. Н.* Информационная война и обеспечение безопасности / Д. Н. Беспалов, М. А. Казаков // Вестник МГИМО. 2014. № 6. С. 82–87.
- Бирих А. К.* Словарь русской фразеологии : историко-этимологич. справ. / А. К. Бирих [и др.]. СПб. : Астрель : Аст, 2001. 495 с.
- Бодрийяр Ж.* Реквием по масс-медиа / Ж. Бодрийяр // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1999. С. 193–226.
- Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М. : Полнос, 2002. 6 с.
- БТСРЯ* — Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 536 с.
- БЭС* — Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия ; СПб. : Фонд «Ленинградская галерея», 1993. 1630 с.
- Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. М. : КомКнига, 2005. 320 с.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп / Р. Брубейкер ; пер. с англ. И. Борисовой. М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.

- Булатова Э. В.* К вопросу о когнитивно-дискурсивных практиках моделирования идентичности россиян в СМИ / Э. В. Булатова // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 3 (165). С. 44–53.
- Василенко И. А.* Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны / И. А. Василенко // Власть. 2014. № 10. С. 204–208.
- Ваттимо Д.* После христианства / Д. Ваттимо ; пер. с итал. Д. В. Новиков. М. : Три квадрата, 2007. 160 с.
- Вепрева И. Т.* Импортзамещение / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Русский язык за рубежом. 2015. № 4. С. 114–117.
- Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.
- Гришаева Е. И.* Консервативная модель православной идентичности: на материале анализа конфессиональных масс-медиа / Е. И. Гришаева, В. А. Шумкова // Вестник ЛГУ. 2017. № 1. С. 193–204.
- Гудков Л.* К проблеме негативной идентификации / Л. Гудков // Негативная идентичность: статьи 1997–2002 гг. М. : Новое литературное обозрение. 2004. С. 262–299.
- Давыденко Д. И.* Проблемы взаимодействия несистемных оппозиционных организаций в политическом процессе современной России / Д. И. Давыденко // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2012. № 1. С. 104–106.
- Данилова М. И.* Информационная война как реальность / М. И. Данилова // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3. С. 229–231.
- Дейк ван Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк ; пер. с англ. Е. А. Кожемякина [и др.]. Изд. 2-е. М. : УРСС : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
- Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. М. : Флинта : Наука, 2008. 203 с.
- Долгова А. М.* Ключевое слово текущего момента «патриот»: трансформация лексического значения как способ конструирования политической реальности / А. М. Долгова // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 22. С. 120–124.
- Дробижева Л. М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде / Л. М. Дробижева // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58.
- Дробижева Л. М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–227.
- Енина Л. В.* Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л. В. Енина // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.

- Енина Л. В.* Самоидентификации журналиста в прямом эфире на радио / Л. В. Енина, Э. В. Чепкина // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78). С. 159–167.
- Жаде З. А.* Региональная идентичность с точки зрения геополитики / З. А. Жаде // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. 2006. № 4. С. 95–100.
- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / С. Жижек ; пер. с англ. В. Софронов. М. : Художественный журнал, 1999. 236 с.
- Жижек С.* Интерпассивность. Желание: Влечение. Мультикультурализм / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирнова. СПб. : Алетейя, 2005. 160 с.
- Журавлев А. Л.* Феномены социального самоопределения: закономерности его динамики в условиях устойчивого экономического развития / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко // Вестн. практич. психологии образования. 2007. № 4. С. 31–36.
- Ильина О. В.* Динамика оппозиции «богатые — бедные» в российской прессе / О. В. Ильина // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2007. Т. 52. № 22. С. 124–131.
- Ильина О. В.* Дискурсивные практики региональной идентификации россиян в медиатекстах (на примере газеты «Искра» Кунгурского района) / О. В. Ильина, Е. А. Халуторных // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 1 (159). С. 5–14.
- Ильина О. В.* Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью / О. В. Ильина // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2 (101). С. 60–64.
- Ильина О. В.* Представления о богатых и бедных (по данным районных газет Урала и Зауралья) / О. В. Ильина // Советское прошлое и культура настоящего / О. В. Ильина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 109–119.
- Ильина О. В.* Прототипическая схема как способ структурирования стереотипного содержания в СМИ / О. В. Ильина // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2. С. 117–128.
- Ильина О. В.* Речевое воплощение стереотипных представлений о богатых и бедных в современных газетных текстах : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Ильина ; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург : [б. и.], 2008. 173 с.
- Иссерс О. С.* Дискурсивная практика: к определению понятия / О. С. Иссерс // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики / отв. ред. О. С. Иссерс. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. С. 37–61.
- Иссерс О. С.* Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. М. : Ленанд, 2015. 272 с.
- Иссерс О. С.* Доминанты новых дискурсивных практик современной русской речи / О. С. Иссерс // Речеведение: современное состояние и перспективы : материалы междунар. науч. конференции / О. С. Иссерс. Пермь, 2010. С. 47–53.
- Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.

Каблуков Е. В. Идеологема «либерализм» в современном российском проправительственном медиадискурсе / Е. В. Каблуков // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 года / Е. В. Каблуков. Екатеринбург, 2016а. С. 209–212.

Каблуков Е. В. Концепт «информационная война» в российских правительственных и оппозиционных СМИ / Е. В. Каблуков // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2016б. № 4. С. 45–55.

Каблуков Е. В. Метаморфозы фразеологизма «пятая колонна» в современном российском медиадискурсе / Е. В. Каблуков // *Slavia Orientalis*. 2016 в. Т. LXV. № 4. С. 805–821.

Каблуков Е. В. Образ классового врага в современном российском политическом дискурсе / Е. В. Каблуков // Российские СМИ в условиях социально-политической трансформации / Е. В. Каблуков. Екатеринбург, 2012. С. 34–36.

Калганова С. О. «Россия» как дискурсивный объект СМИ: тематические направления идентификации / С. О. Калганова // Информационное поле современной России: практики и эффекты / под ред. Р. П. Баканова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 193–202.

Калганова С. О. Дискурсивные практики конструирования чужой позиции в российских СМИ / С. О. Калганова // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сб. материалов I Междунар. науч.-практич. заоч. интернет-конф. 12–15 декабря 2016 г. / С. О. Калганова. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2016. С. 68–74.

Калганова С. О. Региональная пресса о патриотизме / С. О. Калганова // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Междунар. науч.-практич. конф. / С. О. Калганова. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2014. С. 351–360.

Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. М.: Медиа-Мир, 2008. 42 с.

Ковалева Т. С. Стратегия манипуляции в информационной войне (на материале текстов ИноСМИ, посвященных Южноосетинскому / Грузинскому конфликту 2008 г.) / Т. С. Ковалева // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 78–86.

Колесниченко А. В. Практическая журналистика / А. В. Колесниченко. М.: Изд-во МГУ, 2010. 192 с.

Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы / Л. Ф. Компанцева. Луганск: Знание, 2008. 528 с.

Крестинина Е. С. Феномени информационной войны: попытка определения в научных категориях / Е. С. Крестинина // Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях) / Е. С. Крестинина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 13–17.

- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. М. : Высшая школа, 1989. 216 с.
- Купина Н. А. Вербальные знаки идентичности в идеологическом пространстве Урала / Н. А. Купина // Славянские языки: аспекты исследований. Минск : БГУ, 2009. С. 145–147.
- Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы / М. А. Лаппо. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
- Латов Ю. В. Можно ли было избежать «Идеального шторма»? (ретропрогнозирование Великой депрессии) / Ю. В. Латов // Мир новой экономики. М., 2013. № 2. С. 28–33.
- Леонова Е. В. К вопросу о дискурсивном пространстве формирования и вербализации идентичности / Е. В. Леонова // Языковые и культурные контакты : сб. науч. тр. / Е. В. Леонова. Саратов : СГУ, 2010. С. 68–73.
- Луман Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Ан. М. : Праксис, 2005. 253 с.
- Майданова Л. М. Медиатекст в идеологическом контексте / Л. М. Майданова, Э. В. Чепкина. Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2011. 304 с.
- Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку / Л. М. Майданова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. 528 с.
- Макарова И. В. Информационные войны современности: некоторые вопросы теории / И. В. Макарова, А. С. Беззапонный // Общество и право. 2006. № 4. С. 46–49.
- Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 208 с.
- Малый академический словарь / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/academic/Jekspert-75050.html> (дата обращения: 05.11.2017).
- Манойло А. В. Информационно-психологическая война в вооруженном конфликте в Южной Осетии / А. В. Манойло // Власть. 2009. № 9. С. 81–85.
- Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. М. : Флинта : Наука, 2003. 432 с.
- Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер [и др.]. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
- Михайлова Е. В. «Точка зрения» и «экспертное мнение»: восходящий и нисходящий тренды новгородских СМИ-2010 / Е. В. Михайлова // Публицистика в кризисный период: проблемы истории, теории, языка / Е. В. Михайлова. Великий Новгород : НовГУ, 2010. С. 214–225.
- Образ России и россиянина в слове и дискурсе: когнитивный анализ : тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 29 сентября — 1 октября 2011 г. / под ред. А. М. Плотниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. 195 с.

Общественное мнение — 2015 / сост. Н. Зоркая. М. : ЛевадаЦентр, 2016. 308 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / РАН : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 1997. 944 с.

Орлова О. В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал : автореф. дис. ... докт. филол. наук / О. В. Орлова ; ТГПУ. Томск : [б. и.], 2012. 43 с.

Панарин И. Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. М. : Поколение, 2006. 553 с.

Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Истоки, 2001. 189 с.

Почепцов Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. М. : Рефл-бук : Ваклер, 2000. 573 с.

Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «информационная война» / Л. В. Енина [и др.] // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 96—107.

Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. М. : Флинта : Наука, 2006. 238 с.

Ревзина О. Г. Язык и дискурс / О. Г. Ревзина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Филология. 1999. № 1. С. 25—33.

Рикер П. Время и рассказ / П. Рикер. Т. 1. Интрига и исторический рассказ ; пер. с фр. Т. В. Славко. М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. 313 с.

Рикер П. Время и рассказ / П. Рикер. Т. 2. Конфигурация в вымышленном рассказе ; пер. с фр. Т. В. Славко. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 224 с.

Рикер П. Повествовательная идентичность / Рикер П. // Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М. : КАМІ. 1995. С. 19—38.

Ростова Н. Когда Горбачев узнал о расколе в «Комсомолке», он сам разыскал нас [Электронный ресурс]. URL: <https://slon.ru>. (дата обращения: 20.05.2016).

Савкина И. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Савкина. Tampere : University of Tampere, 2001. 360 с.

Самохвалова В. И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения / В. И. Самохвалова // Философия и общество. 2011. № 3. С. 54—73.

Сандомирская И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50. Wien, 2002. 281 p.

Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла. М. : Прогресс, 1999. С. 12—53

- Силантьев И. В.* Газета и роман. Риторика дискурсных смещений / И. В. Силантьев. М. : Языки славян. культуры, 2006. 224 с.
- Сковородников А. П.* Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. 2016. № 1. С. 42–50.
- Слободяник Н. Б.* Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) / Н. Б. Слободяник // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 60–67.
- Словарь иностранных слов / под ред. В. В. Пчелкина. М. : Рус. яз, 1987. 608 с.
- Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., доп. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1. 698 с.
- Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах / под ред. Л. М. Майдановой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. 231 с.
- Спасенников В. В.* Феномен экономической идентичности в процессе подготовки будущих специалистов / В. В. Спасенников // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2006. № 1. С. 116–121.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. М. : Языки рус. культуры, 1997. 824 с.
- Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М. : Юридич. изд-во НКЮ СССР, 1938. 384 с.
- Тихомиров С. А.* К вопросу о некоторых технологиях ведения «информационных войн» / С. А. Тихомиров // Армия и общество. 2012. № 3 (31). С. 47–51.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
- Филлипс Л. Дж.* Дискурс-анализ: теория и метод / Л. Дж. Филлипс, М. В. Йоргенсен ; под ред. А. А. Киселевой. Харьков : Гуманитар. центр, 2008. 352 с.
- Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг ; под ред. Е. М. Мелетинского. 2-е изд., доп. М. : Восточ. лит., 1998. 800 с.
- Фуко М.* Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр., общ. ред. Б. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996а. 182 с.
- Фуко М.* Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет ; пер. с фр. С. Табачникова / М. Фуко. М. : Касталь, 1996б. С. 47–97.
- Хашченко В. А.* Социально-психологические детерминанты экономической идентичности / В. А. Хашченко // Проблемы экономической психологии / В. А. Хашченко. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. Т. 2. С. 513–556.
- Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики журналистики: метод анализа / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Стилистика завтрашнего дня. Сборник статей к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика / Э. В. Чепкина. М. : МедиаМир, 2012. С. 291–308.

- Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики конструирования адресата региональной прессы: национально-гражданская идентичность / Э. В. Чепкина // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 4 (156). С. 61–68.
- Чепкина Э. В.* Дискурсивные практики конструирования биографического нарратива в развлекательной журнальной прессе / Э. В. Чепкина // Медиа. Демократия. Рынок. Часть 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга / Э. В. Чепкина. СПб.: Астерион, 2010. С. 218–223.
- Чепкина Э. В.* Журналистский дискурс: анализ практик / Э. В. Чепкина, Л. В. Енина // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 76–85.
- Чепкина Э. В.* Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/view/praktiki-konstruirovaniya-polya-politiki-vzhurnalistskom-diskurse> (дата обращения: 05.11.2017).
- Чепкина Э. В.* Проблема другого в российском обществе и практики конструирования персонажа «другой» в дискурсе СМИ / Э. В. Чепкина, О. Ф. Автохутдинова // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 2 (138). С. 113–119.
- Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000) / Э. В. Чепкина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
- Чернобровкина Н. И.* Экономическая идентичность как форма самоопределения и самопозиционирования регионального социума / Н. И. Чернобровкина // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 134–141.
- Чернышов Ю. Г.* Информационные войны — мифы и реальность / Ю. Г. Чернышов // Современная Россия и мир: альтернативы развития / Ю. Г. Чернышов. Барнаул: Алт. ун-т, 2012. С. 4–6.
- Чернявская В. Е.* История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих» / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. М.: Ленанд, 2014. 200 с.
- Шалина И. В.* Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Шалина; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург: [б. и.], 2010. 43 с.
- Шанин А. А.* Авторитарное государство в XX в. / А. А. Шанин // Вестн. НГУ. Серия «Право». 2001. № 1. С. 213–219.
- Шатило Я. С.* Психологические аспекты информационной войны / Я. С. Шатило, И. Ю. Шорин // Информационная безопасность регионов. 2008. № 1. С. 18–23.
- Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. М.: Языки славян. культуры, 2002. 496 с.
- Шмелева Т. В.* Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.
- Шмелева Т. В.* Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63–67.

- Шмид В.* Нарратология / В. Шмид. М. : Языки славян. культуры, 2003. 312 с.
- Щербаков Г. А.* Генезис и механизмы преодоления системных экономических кризисов / Г. А. Щербаков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 48–60.
- Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты : коллектив. моногр. / отв. ред. Е. А. Земская. М. ; Вена : Языки славян. культуры, 2001. 496 с.
- Bolinger D. L.* Fifth column marches on / D. L. Bolinger // American Speech. 1944. Vol. 19. № 1. P. 47–49.
- Buholtz M.* Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach / M. Buholtz, M. Hall // Discourse Studies. 2005. Vol. 7 (4–5). P. 585–614.
- Cassiday J. A.* A personality cult for the postmodern age / J. A. Cassiday, E. D. Johnson // Putin as celebrity and cultural icon / J. A. Cassiday. London ; New York, 2012. P. 37–64.
- De Cillia R.* The discursive construction of national identities / R. De Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // Discourse & society. 1999. V. 10. № 2. P. 149–173.
- Fairclough N.* Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language / N. Fairclough. London ; New York : Longman, 1995a. 265 p.
- Fairclough N.* Media Discourse / N. Fairclough. London ; New York : Edward Arnold, 1995b. 214 p.
- Jäger S.* Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung / S. Jäger. Duisburg : Diss, 1993. 258 p.
- Laclau E.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. London : Verso, 1985. 197 p.
- Libicki M. C.* What is information warfare? / M. C. Libicki. Washington, D. C. : National Defense University Press, 1995. 110 p.
- Maatz U.* Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprachefand. Sprache im Nationalsozialismus / U. Maatz. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1984. 261 p.
- Mikhailova T.* Putin as the Father of the Nation / T. Mikhailova // Putin as Celebrity and Cultural Icon / T. Mikhailova. London ; New York, 2012. P. 65–81.
- Snow N.* Information war: American propaganda, free speech and opinion control since 9–11 / N. Snow. New York : Seven Stories Press, 2011. 73 p.
- Tumber H.* Journalists under fire: Information war and journalistic practices / H. Tumber, F. Webster. London ; Thousand Oaks ; New Delhi : Sage Publications, 2006. 187 p.
- White S.* The Putin Phenomenon / S. White, I. McAllister // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. 24 (4). P. 604–628.

Приложение 1

Кодировальный лист

Источник СМИ _____

Дата _____

Новости/интервью (подчеркнуть)

Название текста _____

1	В речи журналиста	В речи нежурналиста
2	<p>Тематическое направление идентификации (подчеркнуть):</p> <p>А) этническая Б) территориальная В) политическая Г) морально-нравственная (ценностная) Д) религиозная, Е) по благосостоянию Ж) историческая З) цивилизационная И) _____ _____</p>	<p>Тематическое направление идентификации (подчеркнуть):</p> <p>А) этническая Б) территориальная, В) политическая Г) морально-нравственная (ценностная) Д) религиозная, Е) по благосостоянию Ж) историческая З) цивилизационная И) _____ _____</p>
3	<p>Оценка идентификации россиян с позиции говорящего (подчеркнуть):</p> <p>А) позитивная, Б) негативная, В) не определяется</p>	<p>Оценка идентификации россиян с позиции говорящего (подчеркнуть):</p> <p>А) позитивная, Б) негативная, В) не определяется</p>
4	<p>Говорящий по отношению к идентификации (подчеркнуть):</p> <p>А) включает себя Б) отстраняется В) отказывается Г) не определяется</p>	<p>Говорящий по отношению к идентификации (подчеркнуть):</p> <p>А) включает себя Б) отстраняется В) отказывается Г) не определяется</p>
5	<p>Дискурсивный концепт «Информационная война» Присутствует/отсутствует</p>	<p>Дискурсивный концепт «Информационная война» Присутствует/отсутствует</p>

Об авторах

Асташова Ольга Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. oliams@rambler.ru (автор § 2.4).

Булатова Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. elina2824@yandex.ru (автор § 3.3).

Енина Лидия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. enina.lidia@gmail.com (автор § 1.2., 1.4., § 2.1., Послесловия).

Ильина Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. ilina.usu@gmail.com (автор § 2.1., § 3.1.).

Каблуков Евгений Викторович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. ekablukov@gmail.com (автор § 1.3., § 2.1., 2.2.).

Калганова Светлана Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. svetit-vsegda@yandex.ru (автор § 3.2).

Лемесева Евгения Эдуардовна — корреспондент «Екатеринбург-ТВ». e.lemeseva@ekburg.tv (автор § 2.3).

Халуторных Елена Александровна — студентка магистратуры факультета журналистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. kh.helena-al@yandex.ru (автор § 3.1).

Чепкина Элина Владимировна — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и стилистики Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. chepkina@gmail.com (автор Предисловия, § 1.1., § 2.1., 2.3.).

About the Authors

Astashova Olga Igorevna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. oliams@rambler.ru (author § 2.4).

Bulatova Elina Valerjevna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. elina2824@yandex.ru (author § 3.3).

Enina Lidia Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. enina.lidia@gmail.com (author § 1.2., 1.4, § 2.1., author of the Afterword).

Ilina Olga Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. ilina.usu@gmail.com (author § 2.1., § 3.1.).

Kablukov Evgeniy Viktorovich — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. ekablukov@gmail.com (author § 1.3., § 2.1., 2.2.).

Kalganova Svetlana Olegovna — Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. svetit-vsegda@yandex.ru (author § 3.2.).

Lemeseva Evgenia Eduardovna — Correspondent of “Ekaterinburg-TV”. e.lemeseva@ekburg.tv (author § 2.3.).

Khalutornyh Elena Alexandrovna — Master’s student. Faculty of Journalism of the Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. kh.helena-al@yandex.ru (author § 3.1.).

Chepkina Elina Vladimirovna — Doctor of Philology, Head of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. chepkina@gmail.com (author of the Preface, § 1.1., § 2.1., 2.3.).

Problems of Russian People Identity Construction in Mass Media Discourse Influenced by the ‘Information Warfare’ Concept

In a collective monograph, identity is presented as non-static discursive phenomenon that is constructed by various identification practices. The application of critical discourse analysis methods to media texts, the study of identification practices of Russians/Russia allows us to show the leading thematic areas of identification in contemporary journalistic discourse. Particular attention is paid to “Information warfare” discursive concept, the paradoxes of its functioning are revealed and its mobilization potential for the identification of Russians is comprehended. The research is based on the texts of Russian mass media in 2012–2017. The monograph is of interest to specialists in the field of linguistics of discourse, political science, sociology and related humanitarian disciplines. It will be useful for journalists, as well as teachers, students and post-graduates of journalism faculties.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН В ДИСКУРСЕ СМИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ КОНЦЕПТА
«ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»

Корректор *Екатерина Филатова*
Верстка *Екатерины Жилиной*
Издатель *Федор Еремеев*

Почтовый адрес издательства:
«Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489
POSTAL ADDRESS:
ARMCHAIR SCIENTIST,
Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489
E-mail: fee1913@gmail. com

Подписано в печать 27.12.2017. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Подписано в печать 27.12.2017. Формат 60 × 90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.